

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 14

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

ТОМ I

Berkeley, 1984

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE

STUDIES AND TEXTS

volume 14

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1984

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

I

ПЕРВАЯ КНИГА РАССКАЗОВ

**РЕДАКЦИЯ, ПРИМЕЧАНИЯ
И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ВЛАДИМИРА МАРКОВА**

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1984

Редактор благодарит проф. Фридриха Шольца (Мюнстер) за очень ценную помощь в подготовке примечаний.

«Предисловие», «Беседа о прозе Кузмина»,
«Примечания» © 1984 Vladimir Markov.

PRINTED IN U.S.A.

ISBN 0-933884-41-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составляя это собрание, редакторы стремились представить прозу М.А. Кузмина с наибольшей полнотой. Издание запланировано на девять-десять томов. Первые три тома воспроизводят, одну за другой, первые три книги прозы Кузмина, изданные «Скорпионом»: *Первая книга рассказов* (1910), *Вторая книга рассказов* (1910) и *Третья книга рассказов* (1913), причем роман *Крылья* входит в первую из них. В 1914–18 гг. в Петрограде выходило *Собрание сочинений* Кузмина (в издательстве М.И. Семенова); мы воспроизводим из него все книги с прозой, но тома нашего издания следуют хронологии написания, а не выхода книг. Таким образом, в нашем четвертом томе будут сборники рассказов *Покойница в доме/Сказки* (1914) и *Зеленый соловей* (1915); пятый том будет включать роман *Плавающие-путешествующие* (1915), который воспроизводится по берлинскому изданию, и сборник *Военные рассказы* (1915) (который не входил в собрание сочинений); шестой том — роман *Тихий страж* (1916), тоже по берлинскому изданию, и книгу рассказов *Бабушкина шкатулка* (1918); последние два сборника рассказов, *Антракт в овраге* (1916) и *Девственный*

Виктор (1918)* составят наш шестой том; в седьмом томе будут помещены роман о Калиостро и вся несобранная художественная проза (рассказы и частично опубликованные романы). В остальных томах будут помещены книга статей Кузмина *Условности* (1923) и несобранные статьи, рецензии и предисловия, а также разный другой материал пестрого характера. Нам не удалось достать тексты следующих опубликованных рассказов: «Федя-фанфарон», «Прогулки, которых не было», «Воображаемый дом», «Княгиня от Покрова» и «Невеста».

*без последних четырех рассказов, перепечатанных из *Первой книги рассказов* и *Третьей книги рассказов*.

ВЛАДИМИР МАРКОВ

БЕСЕДА О ПРОЗЕ КУЗМИНА

—Я не совсем понимаю последних слов.

—Песня еще длинна, и из дальнейшего
яснеет смысл предыдущего. Само по
себе ничто не бывает понятно.

Кузмин

Комедия о Алексее человеке Божьем

В рецензиях на недавнее собрание стихов Кузмина можно было прочесть, что вот дескать забытый поэт наконец восстановлен в правах. Трудно сказать, сколько на свете так называемых «истинных любителей поэзии», но они всегда знали цену Кузмину (так же как они увлекались стихами Пастернака до истории с *Живаго* и восхищались Мандельштамом до мемуаров его вдовы). Проза Кузмина несколько иное дело. Она всегда была как бы падчерицей, хотя внешний успех некоторым вещам (*Крыльям*, например) выпадал и количественно современники писали о кузминской прозе больше, чем о его стихах, и ее высоко ценили такие знатоки как Вячеслав Иванов и Брюсов.

Большинство критиков, особенно журнально-газетных, естественно, обсуждали гомосексуальную тему у Кузмина, не проявляя при этом ни особой осведом-

ленности, ни вкуса. Может быть, не меньше писалось о Кузмине как стилизаторе, тем более что в это время складывалась целая стилизаторская школа (Ауслендер, Садовской и др.), до сих пор ожидающая исследователя (который должен будет выяснить и сформулировать сущность самого явления стилизаторства). Впрочем, Кузмин привлекал внимание не только как стилизатор, но и как стилист, причем часто одновременно восхищались совершенством стиля и отмечали (то порицательно, а то и с похвалой) языковые небрежности.¹ Заметили критики и кузминское «нерусское» усиление роли повествовательной интриги и занимательности,² и для некоторых из них это означало вытеснение психологии, превращение героев в картонные фигуры, в то время как другие (тот же Иванов) даже в таком казалось бы чисто «фабульном» романе как *Подвиги Великого Александра* именно в лепке образа и в психологических аспектах и видели особые достижения автора. Своих литературных предков подсказал критике сам Кузмин, когда в известной статье перечислил Апулея, аббата Прево, Лесажа, Бальзака, Флобера, Франса и «бесподобного» Анри де Ренье, а потом добавил к ним Лескова, Островского и Мельникова-Печерского. Разные критики и в разное время прибавляли к этому списку Пушкина, Диккенса, Достоевского, Толстого, Сореля, Клода Проспера Жюлио Кребийона и греческий роман.

Согласия в оценке было мало — и не только между элитой и газетной братией, а и между людьми понимающими: Вячеслав Иванов увидел в экуменических идеях

Нежного Иосифа «новое слово в нашей литературе», в то время как Андрей Белый презрительно клеймил «дешевую изощренность» и «дурной тон» *Крыльев*, автора которых он считал писателем для «читающих Уайльда в плохом переводе» (впрочем и Иванов признавал *Крылья* «молодой и незрелой» повестью). Серьезная критика прозы Кузмина, начавшаяся, может быть, с рецензии Брюсова в *Весах* в 1907 г., закончилась насыщенной статьей Эйхенбаума в 1920 г.

После большого перерыва в наши дни намечается новый интерес к Кузмину-прозаику, и пионером здесь явился американский критик Эндрю Филд, кажется, первым заговоривший о пародизме Кузмина (*Тихий страж* как пародия на Достоевского) и даже сопоставивший его с Набоковым. Чрезвычайно интересны высказывания одного из лучших сейчас специалистов по Кузмину Геннадия Шмакова о *Крыльях* как о философском романе по замыслу. Шмаков и Джон Мальмстад выводят Кузмина из Плотина, святого Франциска, Гейнзе и Гаманна, что открывает совершенно новые перспективы для дальнейшего изучения не только его прозы, но и поэзии.

Любой обзор прозы Кузмина должен начинаться с его романа *Крылья* (написан в 1905 г.). Скандальный ореол, созданный *Крыльям* третьесортной современной критикой, кажется сейчас почти карикатурой. Первое крупное русское произведение на гомосексуальную тему (на три года опереженное Андре Жидом и его *Имморалистом*), конечно, шире этой темы: это роман об обретении своего я, прежде всего. Идейный

субстрат *Крыльев* ждет исследователя, который разберется и в природе кузминского платонизма³ и, может быть, в его «западничестве» (неслучайно Ваня Смуров «находит себя» в Европе после пошловатости Петербурга и связанности старообрядческой Руси). Однако роман можно взять в руки и для простого читательского удовольствия. Повторное чтение не разочаровывает и заставляет отнестись с некоторым скепсисом к суждениям очень компетентных судей о будто бы незрелости романа. Несмотря на заметное присутствие в нем черт Art Nouveau, придающих *Крыльям* характер period piece, и несмотря на пресловутую «небрежность стиля» (которая, как известно читателям Кузмина, нередко составляет часть его очарования), проза романа удивительна по легкости, а диалог почти виртуозен. Можно и не говорить о том, что *Крылья* ключ к Кузмину, первый в его серии Bildungsromane с Вожаком в центре, кончающихся обычно Римом, куда «ведут все пути». Потом, в *Нежном Иосифе* (1908–1909) и *Мечтателях* (1912), фигура загадочного англичанина трансформируется в не менее загадочных русских вожакаев с «литературными» фамилиями (Фонвизин, Толстой), а Рим в *Плавающих-путешествующих* даже станет Лондоном, но основной план останется тем же.

Другая линия ранней кузминской прозы представлена *Приключениями Эме Лебефа* (1906)⁴ и его более поздним двойником *Путешествием сэра Джона Фирфакса* (1909). Именно эти романы имеют в виду, когда говорят о стилизации у Кузмина, хотя они далеко не исчерпывают «стилизацию», — хотя бы потому, что

не представляют «греческую» линию, начинающуюся у Кузмина очень рано, в 1905 г., *Повестью об Елевсиппе* (которая сразу ставит проблему связи кузминской поэзии и прозы)⁵ и, пусть только тематически, включающую *Подвиги Великого Александра*, не говоря уже о мелких повестях (*Тень Филлиды*, *Флор и разбойник* и др.). Источники, впрочем, тут разные: *Повесть об Елевсиппе* идет от греческого романа, а *Подвиги* из средневековой традиции. Эти источники нужно еще точно определить и тщательно исследовать. Возвращаясь к романам о Эме и Фирфаксе, следует добавить, что оба они также связаны с «Миром искусства»,⁶ и тут сразу же встает вопрос о природе кузминской стилизации (которую обычно понимают как более или менее точное воспроизведение с оттенком «эстетского» любования). Однако, стилизация ли, скажем, «версальские» картины и акварели Бенуа?

В некотором смысле, можно говорить о вкладе Кузмина в русский неопрIMITИВИЗМ: у него нередко отмечают двумерность персонажей, и если *Фирфаксу* с *Эме* она прощается, то в *Плавающих-путешествующих* это воспринималось рецензентами как недостаток. Пример Льва Толстого установил у критиков известный априорный подход: духовные искания должны быть прерогативой Пьеров Безуховых и князей Андреев. Однако «рельефность» персонажей, может быть, стоит в обратнопропорциональной связи к развитию интриги. Интерес Кузмина к фабуле неизбежно вел к «картонным фигурам» и «марионеткам», в мире которых даже смерть не ужасна.

Может быть, стоит отметить, что Ремизов в какой-то мере явление параллельное Кузмину-прозаику, только его примитивизм осуществляется, в основном, на русском материале. В обоих случаях наблюдается бегство от психологизма «классического» русского романа. По стилю, конечно, эти писатели почти антитиподы. Кузмин строит свою фразу «по-западному». Впрочем, и тут не надо преувеличивать: тот «средний» французский роман восемнадцатого века, который, по общему уверению, послужил образцом *Приключениям Эме Лебефа*, еще не найден, в то время как первая же фраза в нем предвосхищает Олешу.

Сближает Кузмина с Ремизовым и не раз встречающийся у него пародизм. Если его не учитывать, то *Тихий страж* может показаться плохим подражанием Достоевскому (мне приходилось слышать такие утверждения от людей, не отличающихся чувством юмора). Пародизм Ремизова, может быть, лучше всего наблюдать в таком казалось бы «серьезном» романе как *Крестовые сестры*, где персонажи в последней главе, почти повторяя чеховских трех сестер, стремятся «в Париж, в Париж», куда они никогда не поедут, и где в 5-ой главе проститутка Дуня бросается (правда, без успеха) под поезд и чуть ли не тут же герой кланяется ей в ноги.⁷

О традициях Пушкина в прозе Кузмина говорилось (он и сам обронил имя Пушкина в *О прекрасной ясности*). Эти традиции можно видеть не только во «французском» строении фразы, антипсихологизме,⁸ «литературности», ироничности и намеренной неза-

конченности (концы *Приключений Эме и Путешествия Фирфакса*), но и в заметном количестве русских немцев среди персонажей. Есть, конечно, и существенные отличия: Пушкин проводил отчетливую границу между своей поэзией и прозой. Не от Пушкина и замечательной диалог Кузмина.

Жанровая и стилевая эволюция кузминской прозы устанавливается легко «на глаз», но, разумеется, с минимальной точностью. Если сильно упрощать (и даже посердить «методологов» отсутствием единства в подходе), то можно разделить на периоды стилизаторский, халтурный (переход от Иванова к Нагродской, первые военные годы), неизвестный (предреволюционные годы) и экспериментальный. Однако добрая половина первого периода это произведения, построенные на современном материале, и стилизации в них почти нет (если не считать «лесковского» *Нечаянного провианта*); кроме того, если включать в стилизации итальянские («боккаччевские», «гольдони-евские» и иные) новеллы и рассказы под Гофмана, то они писались вплоть до самой революции. Даже в книге военных рассказов есть удача,⁹ а в 1916 г. был написан роман о Калиостро, который был критикой замечен. Заметим также к проблеме эволюции, что, начиная с *Крыльев*, Кузмин концентрируется на романе или, во всяком случае, на большой форме, потом, особенно с 1914 г., не покидая романа, начинает культивировать короткий рассказ, а к роману вдруг обращается снова после революции (до нас, правда, дошли только начальные главы романов о Симоне Волхве и Виргилии).

Здесь же отметим, что традиционное деление прозы на роман, повесть и рассказ повидимому мало значило для Кузмина. В его трех «скорпионовских» сборниках, названных Первая, Вторая и Третья книги *рассказов* (1910–1913), можно найти все три жанра. И все-таки именно рассказ, понимаемый как *short story* (или как новелла), т.е., проза страниц на десять с более или менее неожиданной концовкой, может быть, первая проблема, встающая перед исследователем — хотя бы потому, что его романы критика все же замечала и обсуждала. Типичный кузминский рассказ, начинающийся довольно рано (с *Решения Анны Мейер* в 1907 г.), но кристаллизирующийся в 1914–1916 гг., еще нуждается в описании и классификации. Может быть, главный его принцип: в конце происходит не то и не так; или, наоборот, ничего не происходит, хотя что-то ожидалось; или же происходит и «то» и «так», но не «потому». Отсюда — не только роль ошибки в рассказах, но и их ироничность, причем ирония может быть двойная, а то и тройная.

Было бы неверно в каждом рассказе непременно искать гомосексуального элемента. Он, конечно, часто присутствует, хотя подчас и подается намеком («Я тоже кое-что знаю и про тебя»), однако вряд ли гомосексуализм лежит в основе легкой карикатурности многих женских образов (однако далеко не всех: вспомним Марину в *Нежном Иосифе*, которою так восхитился Вячеслав Иванов). Кузмин знал, что его читают через особые очки и иногда дразнил такого читателя, давая, например, серые глаза Анне Фукс в *Мечтателях*.

Можно и не пускаться в обсуждение вечной (но так и не решенной) проблемы «проза поэта». Прозу Кузмина так же «легко читать», как и большинство его стихов (в том числе и «непонятных»), но, несмотря на общие со стихами темы и мотивы, она глубоко «прозаична», т.е., не переполнена трóпами, как, скажем, «средняя» проза Пастернака, не метрична, как проза Белого, не чересчур «чеканна», как у Брюсова (который, кстати, больше стилизатор, чем Кузмин), не подчеркнуто индивидуальна, как у Цветаевой.

Что можно сказать о так называемом «мастерстве» Кузмина (или, как принято говорить, о «Кузмине-художнике»)? Может быть, лучше спросить: в чем прелесть Кузмина — и сразу оттолкнуть от себя всех серьезных (уж не будем пользоваться кавычками) исследователей литературы, которые в самом слове «прелесть» заподозрят преступный «импрессионизм» или (того хуже) «антисемиотизм»: ведь нынче пишущий о литературе должен быть, как этого хотел сиамский король в фильме, непременно научным.

Среди иных качеств, мы ожидаем от прозаика наблюдательности, слуховой (Достоевский) и зрительной (Толстой). Многие согласятся, что в первом у Кузмина мало соперников. Его диалоги, с их микроскопическими смысловыми поворотами и тончайшими оттенками разговорности, писаны как будто для современного кино. Хороший пример — разговор в *Крыльях* (недалеко от начала), где дядя Костя просит у Вани Смурова денег взаймы. Любой другой писатель нажал бы, огрубил бы, а то и удлинил бы.

В искусстве зрительного воспроизведения, может быть, удобно сравнить Кузмина с Набоковым. У Набокова читателю может запомниться на всю жизнь какая-нибудь перекладина в стуле (деталь условная, у Набокова ее, может быть, и нет), но она статична, отдельна от мира и как бы мертва. У Кузмина какую-нибудь дверную ручку (деталь условная, у Кузмина ее, может быть, и нет) ты сам тысячу раз нажимал; она по-прустовски вызывает у ленинградца-петербуржца целую вереницу ассоциаций. А иногда это даже не предмет, не деталь — атмосфера создается Бог знает из чего.

На слух, на вкус, на взгляд (приносим извинения всем подсчитывающим и копающимся) проза Кузмина, если сравнивать (а сравнивать ее надо только с лучшими образцами), не выточенная, как у Бунина, не вышитая, как у Ремизова, а какая-то прозрачно-невесомая (сознаюсь, очень плохое определение, но пока не нахожу лучшего). Во всяком случае, она живет и движется, чего нельзя сказать о том же Набокове, проза которого (эта помесь шахматной задачи с загадочной картинкой) не несет тебя с собой. Впрочем, у Кузмина есть и сходство с Набоковым — нерусская внутренняя несерьезность, чего не скажешь ни о Бунине, ни, как ни странно, о бунинском антипode Ремизове, несмотря на все его лукавство и даже чертовщину.

Не знаю, нужно ли резюмировать (и при этом опять повторять слово «легкость»), но одно к концу сказать нужно: Кузмина как-то просмотрели. В лучших вещах,

особенно в некоторых рассказах 1915–1916 гг.,¹⁰ он достигает уровня лучшей прозы своего века, и, думается, это когда-нибудь будет признано большинством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. «небрежную виртуозность» (Вяч. Иванов) или «никто среди современных писателей не обладает такой властью над стилем» (Брюсов) с высказыванием А. Измайлова, видевшего в Эме «витиеватый и канцелярский язык, каким у нас в прошлом веке переводили Поль де Кока».

² Если в отходе от символистских «туманов» к романской «ясности» Кузмина оказался отцом акмеизма, то здесь в нем можно увидеть дедушку Серапионов.

³ На эту тему уже появилась интересная статья Доналда Гиллиса в осеннем SEEJ за 1978.

⁴ Даем, как правило, год написания.

⁵ В данном случае, ср. повествовательный стихотворный цикл «Харикл из Милета» и вставную новеллу в 19 гл. *Елеусиппа*. См. также мотивы Адониса и Антиноя, а также серых глаз, и тему вожатого (в Эме—вожатая), проходящие по всей прозе Кузмина (иногда он как бы дразнит читателя и дает ему, например, в повести *Покойница в доме*, вожатых со знаком минус).

⁶ От Сомова в Эме такие сцены и моменты, как игра в жмурки или передача записки.

⁷ Добавим, что герой романа Маракулин пишет как Акакий Акакиевич, разговаривает с памятником Петру наподобие Евгения, философствует о генеральше à la Раскольников (и даже чувствует иногда совсем как Катерина в *Грозе*). Не является ли, кроме того, фраза «сестрицы» Параши о короблях (2 гл.) шуткой над Блоком?

⁸ См., например, в Эме: «Взволнованный своими открытиями, я не спал три ночи подряд, решив, не подавая виду, все разузнать самому».

⁹ А если бы их и не было, то, все равно, именно на них Кузмин набил себе руку на последующие шедевры.

¹⁰ Хочется рекомендовать для первого знакомства «Машин рай» из *Девственного Виктора*, который, хотя и не имеет неожиданной концовки, в остальном представляет кузминскую прозу во всех ее лучших качествах. Читать рекомендуется вслух.

М. КУЗМИНЪ
ПЕРВАЯ КНИГА
РАЗСКАЗОВЪ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭМЕ ЛЕБЕФА
ПИСЬМА КЛАРЫ ВАЛЬМОНЪ
ФЛОРЪ И РАЗБОЙНИКЪ
ТЪНЬ ФИЛЛИДЫ
РЪШЕНИЕ АННЫ МЕЙЕРЪ
КУШЕТКА ТЕТИ СОНИ
КРЫЛЬЯ

К-ВО «СКОРПИОНЪ»
МОСКВА МСМХ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЭМЭ ЛЕБЕФА

Дорогому Сомову

1906.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Принимая слабительное по средамъ, m-me де-Томбсль въ эти дни выходила только вечеромъ, почему я весьма удивился, когда, проходя въ два часа послѣ обѣда мимо ея дома, я увидѣлъ ее не только гуляющей по саду, но уже и въ туалетѣ.

Она не отвѣтила на мое почтительное привѣтствіе, что я объяснилъ себѣ ея разговоромъ съ садовникомъ, въ сопровожденіи котораго она ходила взадъ и впередъ по прямой дорожкѣ, наклоняясь то къ тому, то къ другому кусту осеннихъ розъ. Но по удивленнымъ взглядамъ стараго Сульпиція и по взволнованно красному лицу дамы было видно, что и объясненія садовника принимались разсѣяннo и небрежно. Хотя я былъ посланъ съ кускомъ кружевъ къ младшимъ

Ларжильякамъ, несбывалость происходившаго передъ моими глазами заставила меня, повысивъ голосъ, повторить свое привѣтствіе. На мое громкое: «добрый день, дорогая госпожа де-Томбель!» окликнутая обернула свое полное, въ сѣдыхъ букляхъ, теперь раскраснѣвшееся лицо, и будто впервые меня замѣтивъ, отвѣтила: «Ахъ, это вы, Эме? здравствуйте, здравствуйте» и видя, что я не прохожу, добавила: «что это у васъ въ рукахъ, образчики?» — Нѣтъ сударыня, это младшіе Ларжильяки купили для мадемуазель Клементины и просили прислать. — Она поинтересовалась видѣть покупку и нѣсколько мечтально проговорила: «вѣроятно, скоро ряды вашихъ покупательницъ пополнятся моей родственницей, приѣзжающей ко мнѣ».

— Очень рады, милости просимъ,—сказалъ я, кланяясь, — а издалека вы изволите ожидать барышню?

— Изъ Парижа; только это еще не навѣрное, такъ что вы, пожалуйста, не болтайте, Эме, ни папашѣ Матвѣю, ни особенно мадемуазель Бланшгъ...

— Зачѣмъ же, сударыня,—началъ было я, но въ это время госпожа де-Томбель, видѣвшая улицу, къ которой я стоялъ спи-

ной, прервавъ разговоръ, бросилась въ домъ, закричавъ остающемуся садовнику: «что же нашъ букетъ для встрѣчи?» Обернувшись, я увидѣлъ незамѣтно подлѣхавшій по грязи дормсэ, до потолка заваленный узлами, сундуками и подушками, слугъ и служанокъ госпожи де-Томбель, толпившихся между дверцами экипажа и входомъ въ домъ, и шляпу пріѣхавшей съ лентами цвѣта «умирающаго Адониса», которая развѣвались отъ сильнаго вѣтра. Діана и Мамелюкъ прыгали и лаяли вокругъ и сверху полутемной лѣстницы доносился голосъ госпожи де-Томбель: «Луиза, Луиза, мое дитя!»

ГЛАВА II.

Мой рассказъ, какъ очевидца, о пріѣздѣ родственницы госпожи де-Томбель возбудилъ большое любопытство дома за столомъ. Когда Вероника, поставивъ мясо передъ папашей Матвѣемъ для разрѣзыванья, сѣла за одинъ съ нами столъ, она присоединилась къ общимъ разпросамъ, прибавивъ: «она незамужняя, по крайней мѣрѣ, эта госпожа?» Но я кромѣ какъ про ленты прибывшей рассказать ничего не умѣлъ,

такъ что хозяинъ снова принялся разрѣзывать жаркое, а мадемуазель Бланшъ, улыбувшись, замѣтила: «нельзя сказать, чтобы Эме былъ наблюдателенъ».

— Онъ сразу увидѣлъ, что ему нужно, какъ купцу: какого цвѣта ленты; какія же онѣ, изъ Ліона или С. Етьень?—

Всѣ засмѣялись и приняли ѣсть, а между жаркимъ и сыромъ говорили уже только о младшихъ Ларжильякахъ и дѣлахъ. Мою же голову всецѣло занимала пріѣзжая дама: какіе у нея волосы, лицо, платье, богатая ли она, замужня или нѣтъ и т. п. Послѣ ужина по обыкновенію посидѣли на крылечкѣ, пользуясь теплымъ вечеромъ, и по обыкновенію же папаша Матвѣй, зѣвая, первый поднялся на покой, предвидя вставанье съ зарею, за нимъ хозяйка и Вероника, и по обыкновенію я остался одинъ съ мадемуазель Бланшъ, сидя на ступенькахъ стараго крыльца. Гихонько переговаривались, какая завтра вѣроятна погода, какъ шла сегодня работа, отчего это лаетъ Мамелюкъ, скоро ли праздникъ,—но я былъ разсѣянъ и едва не позабылъ поцѣловать на прощанье мадемуазель Бланшъ, которая, закутавшись въ большой платокъ, казалась сердитой. Спустивъ

съ цѣни Нерона, осмотрѣвъ ворота, калитку и двери, потушивъ огни, я со свѣчой поднялся въ свою комнату и легъ спать, не думая о мадемуазель Бланшъ, какъ о своей вѣроятной невѣстѣ, которую хозяйена прочили за меня, ихъ прісмьша, выросшаго въ семьѣ съ самаго дѣтства и незнавшаго ни родителей, ни родины, ни церкви, гдѣ меня назвали Жанъ Эме Улиссъ Варооломей.

ГЛАВА III.

Изъ темноватой мастерской была видна часть противоположнаго дома съ черепичной крышей и длинный каменный заборъ, единственный крашенный въ нашемъ городѣ, мостовая, вывѣска пекарни, рыжая собака, лежащая у воротъ, голубое небо, паутинки, летающія по воздуху. И все это безъ выбору принималось моими глазами, не потому, чтобы мой умъ былъ занятъ одной мыслью, но напротивъ, вслѣдствіе странной пустоты въ моей головѣ. Несмотря на первыя числа сентября, было очень жарко, и дожидаясь Онорэ, посланнаго къ заказчикамъ, я дремалъ на скамейкѣ, тщетно стараясь вспомнить, сколько кусковъ и какихъ взяли вчера для г-жи де-Томбель, какъ

вдругъ чей - то голосъ меня заставиль очнуться, проговоря: «вы спите, дорогой господинъ Эме?». Передо мною стояла въ дверяхъ, освѣщенная солнцемъ, вся въ розовомъ, съ мушками на улыбающемся кругломъ лицѣ, въ пастушьей шляпѣ, приколотой сбоку высокой взбитой прически, сама госпожа Луиза де-Томбель. Хотя она жила уже около трехъ недѣль въ городѣ, я не видалъ госпожи Луизы близко въ лицо, такъ какъ она не только не посѣщала церкви и прогулки, но и на улицу выходила очень рѣдко, скрываясь, какъ носились слухи, не то отъ долговъ, не то отъ ревности мужа, оставленнаго ею въ Брюсселѣ. Она была средняго роста, нѣсколько полна, круглолица, съ веселыми карими глазами, маленькимъ ртомъ и прямымъ, нѣсколько вздернутымъ носомъ. Я такъ смутился, что едва могъ толково отвѣчать на ея вопросы, тѣмъ болѣе, что болонка пришедшая съ нею, все время на меня лаяла. Выйдя проводить посѣтительницу за дверь, я такъ и остался на улицѣ, покуда не пришла Оморэ, ходившій къ Бажо, у котораго я спросилъ, что отвѣтили Ларжильяки. Оморэ, усмѣхнувшись, поправилъ меня, я же, вспыхнувъ, сталъ бранить его, зачѣмъ

онъ долго ходилъ, зачѣмъ въ лавкѣ пыль, образчики перепутаны и т. п. Всю жизнь думать о товарѣ, о покупателяхъ, весь день, да еще такой жаркій, сидѣть въ темной лавкѣ, ничего не видѣть, никуда не ѣздить, поневолѣ разстроишься и обмолвишься грубымъ словомъ.

Онорэ молча принялся мести полъ, со стукомъ отодвигая табуретки, я же, постоявъ за дверью, отвернувшись, руки въ карманы штановъ, наконецъ заговорилъ, какъ могъ ласковѣе: «послушай, Онорэ, тутъ приходила сама госпожа Луиза де-Гомбель, такъ нужно бы»... Онорэ сталъ слушать, опершись на щетку, и пыль, поднятая имъ, была видна на солнцѣ.

ГЛАВА IV.

Т Акъ какъ къ хозяевамъ пришли въ гости барышни Бажо, то передъ ужиномъ на лужайкѣ, которая ведетъ къ пруду, мы играли въ жмурки: мадемуазель Бланшъ, гости, Онорэ и я. Были уже сумерки и заря блѣднѣла за липами, тогда какъ надъ прудомъ уже серебрился мѣсяцъ, и гуси, еще не загнанные домой, громкими криками отвѣчали нашей рѣзвости. Мадемуазель Бланшъ, единственная вся въ бѣломъ, какъ Корри-

гана мелькала между кустами; дѣвицы бѣгали съ криками, и когда, поймавъ хозяйскую дочку, я стягивалъ ей глаза тонкой повязкой, она, оборачивая ко мнѣ свое уже невидящее лицо съ бѣлокурыми кудрями, говорила, вздыхая: «ахъ, Эме, какъ я люблю васъ». Когда ловила Роза Бажо, изъ-за кустовъ вышелъ мальчикъ отъ пекаря и, подзававъ меня знакомъ, вложилъ мнѣ въ руку сложенную бумажку, стараясь быть незамѣченнымъ другими. Зайдя за частый кустарникъ, я развернулъ надушенный листокъ, но при невѣрномъ свѣтѣ луны не могъ разобрать слова небрежныхъ тонкихъ строкъ. «Попались, господинъ Эме! вотъ гдѣ настигла Васъ, и то случайно, свалившись въ эту канаву и выйдя, не видя, на другую сторону!» кричала Роза, хватая меня за рукавъ такъ быстро, что я едва успѣлъ спрятать письмо въ карманъ штановъ, будучи во время игры по домашнему, безъ жилета. Гости ушли при лунѣ, долго хоромъ прощаясь съ улицы, провожаемая Онорэ, я же, сославшись на головную боль, поспѣшилъ наверхъ. Вероника долго не уходила, давая разные врачебные совѣты, наконецъ я остался одинъ, и зажегши свѣчу, прочиталъ:

«Если вы обладаете отважнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, безъ котораго нельзя быть достойнымъ любви женщины, если вы не связаны клятвой — вы придете въ среду въ половинѣ восьмого къ церкви св. Роха; изъ улицы «Сорока дѣвъ» выйдеть женщина съ корзиной на правой рукѣ; проходя мимо васъ, она задѣнетъ васъ локтемъ, что будетъ приглашеніемъ слѣдовать за нею. Идите по другой сторонѣ улицы, не теряя изъ виду вашей путешественницы, и вы увидите, какая награда ждетъ человѣка, который оправдаетъ обѣщанія своего привлекательнаго и честнаго лица. Какъ отъ благороднаго человѣка, ожидаютъ полной скромности съ вашей стороны».

ГЛАВА V.

Доидя до бокового флигеля дома г-жи де-Томбель, женщина, остановившись, позволила меня рукой, и я проскользнулъ за ея еле виднымъ при звѣздахъ платьемъ въ никогда мною раньше не предполагаемую калитку. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по саду, мы вошли въ уже отпертую дверь; вожатая взяла меня за руку и повела увѣренно безъ свѣчи по ряду комнатъ, тускло освѣщенныхъ однѣми звѣздами въ окна.

Задѣвъ за стулъ, мы остановились; было слышно мое бьющееся сердце, пискъ мышей и заглушенная музыка будто далекаго клавессина. Мы пошли дальше; дойдя до двери, за которой раздавались звуки, моя спутница постучалась два раза; музыка стихла, дверь отворилась и мы вошли въ небольшую комнату съ легкими ширмами въ глубинѣ; свѣчи, только что погашенныя на инструментѣ, еще дымились краснѣющими фитилями, и комната освѣщалась ночникомъ, горѣвшимъ въ прозрачномъ розовомъ тазу. «Ждите», сказала женщина, проходя въ другую дверь. Постоявъ минутъ десять, я сѣлъ и сталъ осматривать комнату, удивляясь самъ своему спокойствію. Часы гдѣ-то пробили восемь, имъ отвѣчали глухо вдали другіе, тонко прозвенѣла восемь разъ и бронзовая пастушка передъ зеркаломъ. Минѣ кажется, я задремалъ и проснулся вмѣстѣ отъ свѣта свѣчи прямо въ глаза, поцѣлуя и чувства боли отъ капнувшей на мою руку капли горячаго воска. Передо мною стояла въ прелестной небрежности туалета госпожа Луиза де-Томбель, обнимая меня рукою, держащей въ то же время фарфоровый голубой подсвѣчникъ со свѣчей.

Упавшая отъ моего быстрого движенія свѣча погасла, и г-жа де-Томбель, прерываясь смѣхомъ и поцѣлуями, шептала: «онъ спалъ, онъ спалъ въ ожиданіи! О, образецъ скромности!» Она казалась очевидно довольной мною, назначивъ свиданье черезъ четыре дня и проводивъ за двѣ комнаты, откуда меня вывела та же старая Маргарита. Было уже свѣтло, и, торопясь мимо большой лужи, я все-таки остановился посмотрѣться, стараясь видѣть свое лицо, какъ чужое. Я увидѣлъ кругловатое лицо съ прямымъ приподнятымъ носомъ, свѣтлосѣрые глаза, большой ротъ и густыя золотистыя брови; щеки были персиковаго цвѣта, слегка покрытыя пушкомъ; маленькія уши, длинныя ноги и высокій ростъ дополняли внѣшность счастливаго смертнаго, удостоеннаго любви госпожи Луизы де-Томбель.

ГЛАВА VI.

Однажды, придя въ обычное время, я засталъ Луизу въ слезахъ, разстроенною; она объявила мнѣ, что обстоятельства ее призываютъ въ Парижъ, при чемъ неизвѣстно, когда она вернется и вернется ли

вообще. Я былъ какъ пораженный громомъ, и плохо слышалъ дальнѣйшія подробности грядущаго бѣдствія.

— Я ѣду съ вами,—сказалъ я, вставая.

Луиза посмотрѣла на меня съ удивленіемъ сквозь слезы.—Вы думаете?—прогонила она и смолкла. «Я не могу жить безъ васъ, это равнялось бы смерти», и я долго и горячо говорилъ о своей любви и готовности слѣдовать за моей любовницей куда угодно, ходя по комнатѣ взадъ и впередъ мимо уже не плачущей госпожи де-Томбель. Наконецъ, когда я умолкъ, раздался ея голосъ, серьезный и почти сердитый:—Это все прекрасно, но вы думаете только о себѣ, я же не могу являться въ Парижъ съ готовымъ любовникомъ.—И, стараясь улыбкой загладить жестокость первыхъ словъ, она продолжала:—«былъ бы одинъ выходъ, но не знаю, согласитесь ли вы на это».

— Я на все согласенъ, чтобы быть вмѣстѣ съ вами.

— Уѣзжайте со мной, но въ качествѣ моего слуги.

— Слуги!—невольно воскликнулъ я.

— Только для другихъ, ненужныхъ намъ людей, вы назоветесь слугою, для меня же

вы будете, ты будешь моимъ Эме, любимымъ, желаннымъ господиномъ!—и обвивъ мою шею руками, она покрывала мое лицо быстрыми и короткими поцѣлуями, отъ которыхъ кружится голова. Мы условились, что за день до отъѣзда г-жи де-Гомбель я найду предлогъ куда-нибудь отправиться по дѣлу, поѣду въ другую сторону, гдѣ на первой станціи и дождусь Луизы. Такъ все и вышло; въ дождливые сумерки я выѣхалъ верхомъ по знакомой съ дѣтства грязной улицѣ въ развѣвающимся отъ холоднаго вѣтра плащѣ, думая о блѣдномъ лицѣ мадемуазель Бланшъ, которая смотрѣла прижавъ носъ къ оконному стеклу, на меня отъѣзжающаго, и другомъ: кругловатомъ, съ веселыми карими глазами, съ прямымъ, нѣсколько приподнятымъ носомъ, которое я увижу на маленькой станціи далеко отъ родного города, покидаемаго, можетъ быть, навсегда—и не только отъ дождя, моросившаго мнѣ въ глаза, были мокры мои щеки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

О Дороги, обсаженные березами, осеннія, ясныя дали, новыя лица, встрѣчи, прїѣздъ поздно всчеромъ, отъѣздъ свѣтлымъ утромъ, веселый рожокъ возницы, деревни, кудрявыя пестрыя роши, монастыри, цѣлый день и вечеръ и ночь видѣть и слышать того, кто всего дороже—какое это могло бы быть счастье, какая радость, если бы я не ѣхалъ какъ слуга, хлопоталъ о лошадахъ, ужиналъ на кухнѣ, спалъ въ конюшнѣ, не смѣлъ ни поцѣловать, ни нѣжно поговорить съ моей Луизой, которая къ тому же жаловалась всю дорогу на головную боль. Въ Парижѣ насъ встрѣтилъ у заставы старый человѣкъ съ лошадьми и каретой, вѣроятно уже раньше предупрежденный, такъ какъ спросивши насъ, не госпожу ли де-Томбель онъ имѣетъ честь

видѣть, и представивъ себя какъ посланнаго отъ графа, онъ отвезъ насъ въ небольшой отель, расположенный въ густомъ саду. Мнѣ отвели комнату въ мансардѣ, изъ которой вела потайная лѣстница прямо въ спальню госпожи. «Этотъ деревенскій мальчуганъ совсѣмъ глупъ, и притомъ я дверь запру, взявъ ключъ къ себѣ», замѣтила Луиза на вопросительный взоръ стараго слуги. «Эме былъ незамѣнимъ въ дорогѣ», добавила она, давая намъ знакъ выйти и зажигая свѣчи у большого зеркала. Мы очень часто находили случай бывать наединѣ съ Луизой, но я былъ очнь удивленъ, когда въ концѣ мѣсяца старикъ далъ мнѣ деньги, какъ жалованье, замѣтивъ ворчливо: «Не стоило бы графу и платить этому деревенскому лоботрясу, который день деньской палецъ о палецъ не стукнетъ». Я промолчалъ, взявъ деньги, но при первомъ же случаѣ попросилъ объясненія всему этому у госпожи де-Томбель. Она казалась нѣсколько смущенной, но сказала: «мы сами такъ условились, мой Эме, что тебѣ практичнѣй всего считаться для людей моимъ слугою. Вѣдь это не препятствуетъ намъ видѣться, не правда ли? А деньги никогда не мѣшаютъ. Что же

касается до воркотни дворецкаго, стоитъ ли на это обращать вниманіе, хотя конечно для отвода глазъ тебѣ надо было бы что-нибудь дѣлать». Отчего деньги идутъ отъ графа, я не догадался спросить, и скоро сдѣлался почти настоящимъ слугою, ссорясь и играя въ карты съ сосѣдними лакеями, бѣгая съ ними въ кабачки, грубя дворецкому и не особенно тяготясь всѣмъ этимъ.

ГЛАВА II.

Немногочисленные посѣтители госпожи де-Томбель состояли изъ немолодыхъ важныхъ господъ, пріѣзжавшихъ къ этой молодой красавицѣ пообѣдать, поболтать у камина, поиграть въ карты. Разъѣзжались рано. Сама она выѣзжала только за покупками днемъ и изрѣдка раза три-четыре въ мѣсяцъ въ оперу. Чаше другихъ бывалъ у насъ старый графъ де Шефревиль, единственный, который бывалъ одинъ, въ разное время и котораго допускали въ спальню госпожи. Я замѣтилъ, что послѣ его визитовъ Луиза дѣлалась особенно нѣжна со мною, но не дѣлился съ ней этимъ наблюденіемъ, боясь насмѣшекъ, а только втайнѣ

желалъ посѣщеній графа болѣе частыми. Однажды меня послали съ письмами къ графу и къ герцогу де-Сосье, у котораго я никогда не былъ. Кажется, Луиза ихъ приглашала внезапно къ обѣду. Старый слуга, взявъ письма, оставилъ меня дожидаться отвѣта на деревянномъ ларѣ въ большой темноватой передней; рядомъ со мной сидѣлъ задумавшійся блѣдный молодой человѣкъ въ потертомъ кафтанѣ, бѣлокурый, съ длиннымъ носомъ. Посидѣвъ минуты съ двѣ, онъ обернулъ ко мнѣ свое лицо, будто замѣтивъ меня въ первый разъ. Тутъ я увидѣлъ яркія губы и глаза пристальныя и разсѣянные, проникающіе и невидящіе въ то же время; мнѣ онъ показался пьянымъ или нѣсколько не въ своемъ умѣ.

Бѣгло и внимательно взглянувъ на меня, онъ спросилъ: «Вамъ предстоитъ повидимому относить еще записки въ этотъ дождь?»

— Такъ точно, къ графу де-Шефревиль.

— Да... ну какъ вы ладите съ вашимъ патрономъ?

— А что мнѣ съ нимъ ладить? Да и почему вы графа называете моимъ патрономъ?

— Конечно, скромность дѣлаетъ вамъ честь, мой милый, но между хорошими знакомыми не должно быть секретовъ, и намъ же отлично извѣстно, что очаровательная госпожа де-Томбель находится, такъ сказать, подъ покровительствомъ этого добраго графа.

Приходъ слуги съ отвѣтомъ прервалъ нашъ разговоръ, а дома я узналъ отъ слугъ, что молодой человѣкъ, говорившій со мною, былъ сыномъ герцога Франсуа де-Сосье, котораго отецъ за какія-то продѣлки и изъ скаредности держитъ вмѣстѣ съ челядью. Взволнованный своими открытіями, я не спалъ три ночи подъ рядъ, рѣшивъ, не подавая виду, все разузнать самому.

ГЛАВА III.

Я Съ утра участвовалъ въ поискахъ всѣмъ домою ключа, спрятаннаго у меня въ карманѣ. Такъ какъ на слѣдующее утро предполагался быть позваннымъ слесарь, то я принужденъ былъ привести въ исполненіе свой замыселъ въ этотъ же вечеръ, въ чемъ мнѣ помогъ визитъ графа де-Шефревиль. Когда по обыкновенію они удалились въ спальню госпожи де-Томбель,

и, обождавъ минутъ сорокъ, спустился изъ своей комнаты къ извѣстной потайной двери, въ замочную скважину которой и устремилъ свой любопытный взглядъ. Хотя мое сердце обливалось кровью, въ ушахъ звенѣло, когда я увидѣлъ Луизу и графа въ нѣжной позѣ на диванѣ, хотя я былъ весь исполненъ негодованія и горечи, которая усиливалась еще безобразіемъ и старостью графа, я тѣмъ не менѣе молча слѣдилъ за ихъ движеніями, и только найдя минуту удобной, тихонько повернулъ вложенный ключъ, считаеый потеряннмъ. «Невѣрная!» воскликнулъ я, выступая впередъ. Луиза такъ быстро отдалилась отъ графа, поправивъ платье, что только продолжительность моихъ наблюденій не позволяла мнѣ считать себя обманувшимся. «Ни клятвы, ни обѣщанія, ни любовь!..» началъ я.—Недурно,—прервала меня Луиза, вполне оправившаяся:—это, кажется, изъ Ротру? вы съ пользой употребляете свои досуги, заучивая тирады изъ трагедій; теперь ваши досуги еще увеличатся, такъ какъ вы завтра же покинете мой отель.

—Право, вы слишкомъ терпѣливы, дорогая госпожа де-Томбель, ко всѣмъ этимъ людямъ,—проговорилъ старый графъ.

— Да, и вы видите, какъ я наказана!— живо отвѣтила Луиза.—Но это послѣдній разъ. Зачѣмъ вы здѣсь?

Тогда я обратился къ де-Шефревиль, говоря о своихъ отношеніяхъ къ Луизѣ, думая ревностью отвлечь его отъ этой женщины. Она слушала молча, сердито улыбаясь, и бровь ея, надъ которой была прилѣплена мушка въ видѣ бабочки, вздрагивала.

— Вы заблуждаетесь, мой милый,—замѣтилъ графъ,—думая, что ваши рассказы меня очень интересуютъ.

— Ни слова правды,—прошептала Луиза.

— Развѣ я не знаю? — сказалъ графъ, пожимая ей руку. Въ отчаяньи я бросился на колѣни посреди комнаты.

— Луиза, Луиза, а мой сонъ въ ожиданьи васъ? а чуднос пробужденіе? а старая Маргарита? а дорога въ Парижъ? а родинка на лѣвой ногѣ?

Графъ улыбнулся, госпожа же де-Томбель сказала, вставая:—Мнѣ жаль васъ, Эме, но право, вы не въ своемъ умѣ.

— Успокойтесь, дорогая госпожа де-Томбель,—сказалъ старикъ, цѣлуя ея руку.

— Каналья! — воскликнулъ я, вскакивая,—сегодня же я покину твой поганый отель.

— Тѣмъ лучше. Только ксгати, отдайте украденный ключъ,—проговорила Луиза.

ГЛАВА IV.

Я Не знаю, какъ очутился на мосту; было, вѣроятно, поздно, такъ какъ огни въ лавочкахъ по набережной были погашены и не было прохожихъ. Уставъ бродить по незнакомымъ улицамъ, снѣдаемый любовью, ревностью и гнѣвомъ, не зная куда направиться, я облокотился на перила и сталъ смотрѣть на черную воду рѣки, отражавшую раздробленно отъ частой ряби рѣдкія звѣзды. Мысль о самоубійствѣ, пугая, влекла меня. Главное, что тогда не нужно будетъ думать о будущемъ. Но вода такъ темна, такъ холодна, вѣроятно; въ утопленіи предстоитъ столько невольной борьбы со смертью, что лучше повѣситься, что можно сдѣлать и днемъ, когда все веселѣе. За такими мыслями я не замѣтилъ, что на мостъ вошла кучка людей съ фонаремъ; они были всѣ закутаны въ плащи отъ холода, но по голосамъ можно было опредѣлить, что компанія состояла изъ двухъ женщинъ и четырехъ мужчинъ. Подойдя ко мнѣ, несущій фонарь освѣтилъ мое

лицо, проговоривъ грубымъ голосомъ: «Что это за человекъ? кандидатъ въ утопленники?»—Ба! знакомое лицо,—раздалось изъ толпы,—это никакъ птенецъ госпожи де-Томбель, очаровательной Луизы?

— Падаль—эта госпожа,—хрипло сказалъ женскій голосъ.

— Но что здѣсь дѣлаетъ этотъ маленький Адонисъ? отчего онъ не въ постели своей госпожи, а на сенскомъ мосту?— фальцетомъ заговорилъ мужчина небольшого роста.

— Въ самомъ дѣлѣ, куда вы ходили одинъ, безъ плаща въ такой часъ? это далеко не безопасно!—проговорилъ, отводя меня въ сторону, Франсуа де-Сосье (теперь я его хорошо узналъ по глазамъ и носу). Я вкратцѣ, но довольно безтолково рассказалъ свою исторію. Онъ улыбнулся и серьезно сказалъ: — Прекрасно. Я вижу только, что вы очень наивны и что вамъ некуда идти. На сегодняшнюю ночь вамъ лучше всего быть съ нами. Мы подумаемъ, что дѣлать дальше. Ночь принесетъ совѣтъ, не правда ли? и потомъ, присоединившись къ остальному обществу, громко заявилъ:— Друзья, мадемуазель Колета, на сегодня наша компанія пополнится этимъ прекрас-

лымъ юношей, его зовутъ Эме, кто говорить противъ? Тебѣ, Колета, какъ хозяйкѣ, первое слово.

— Отъ седьмой и рискуеть остаться безъ пары,—промолвила высокая женщина, которую называли Колетой.

— Или еще хуже, оставить кого-нибудь изъ насъ безъ пары.

— Чортъ побери, двигайтесь куда-нибудь, на мосту адскій вѣтеръ и свѣчка въ фонарѣ близка къ концу; дома распредѣлимся,—закричалъ освѣщавшій дорогу.

ГЛАВА V.

«Колета, Колета,
Что значить все это:
Не шлютъ ужъ привѣта,
Не помнятъ обѣта,
Забыли лобзанья,
Нейдутъ на свиданье?
Дурная примѣта,
Повѣрь мнѣ, все это:
Прошло твое лѣто,
Колета, Колета».

Т Акъ пѣлъ человекъ въ красномъ длинномъ жилетѣ, нога на ногу, оперши гитару о колѣно, закинувъ голову съ краснымъ толстымъ лицомъ. Колета играла нѣ карты

съ маркизомъ, сердито косясь на поющаго. Маленькая Нинонъ тщательно танцевала менуэтъ безъ кавалера, актеръ высокимъ теноромъ декламировалъ:

«О государь, когда бѣ твои желанья
Согласовались съ выгодой народной,
Когда бѣ послѣдній бѣдный селянинъ
Могъ находить защиту у престола!»

Противъ меня, державшагося около де-Сосье, помѣщался молодой человѣкъ, котораго всѣ называли «Ваше сіятельство» въ скромномъ платьѣ, но съ драгоценнѣйшими перстнями на пальцахъ, рѣдкой красоты, и съ глазами чѣмъ-то до страннаго похожими на глаза маркиза. Потомъ я понялъ, что соединеніе пристальности и разсѣянности, остроты и слѣпоты было то, что давало имъ эту общность. Собака подъ столомъ стучала лапой, вычесывая блохъ и визжала, когда Колета пихала ее ногой.

— Это безчестно между своими: ты пере-дернулъ.

— Милая Колета, вы оглядѣлись?

— Что же, я кривая, по твоему?

— Мнѣ кажется, мадемуазель не права, — тихо вставилъ человѣкъ съ перстнями.

— Не удивительно, что вы заступаетесь за Франсуа.

Прошло твое лѣто
Колета, Колета...

— Меня бѣситъ это пѣніе! Жакъ, прекрати.

— Какъ же я буду танцовать свой менуэтъ?

«И въ небеса неслись бы голоса
Тобой освобожденныхъ, вольныхъ гражданъ».

Колета залпомъ выпила вино; мнѣ казалось, что я во снѣ; ссора все усиливалась; Франсуа тянулся къ Кошетъ, говоря: «ну, поцѣлуйте меня, милая Колета, ну, ангелъ мой, душа моя».

— Очень мнѣ нужно цѣловать всякаго пакостника, всякаго потаскуна? Что, я не знаю, откуда у тебя деньги? отъ папаша герцога, какъ же? что стѣсняться? здѣсь, все свои и я плюну тебѣ въ лицо, если ты еще полѣзешь ко мнѣ. Ты самъ знаешь, что знаешь!

— Ваши слова оскорбляютъ также и меня, сударыня,—поднялся молодой человекъ со странными глазами.

— Ахъ, оскорбляйся, кто хочеть! Вы всѣ мнѣ надоѣли и чего вы сюда ходите, разъ мы вамъ не нужны?

— Кого оскорбляютъ? кто смѣеть оскор-

блять женщинъ? — оралъ въ красномъ жилетѣ, бросивъ гитару.

Дурная примѣта,
Повѣрь мнѣ, все это.

Допѣвала одна свой менуэтъ маленькая Нинонъ.

Франсуа дрался на шпагахъ съ актеромъ. Колета вопила: «Жофруа, Жофруа»... Собака лаяла. «Я раненъ!» воскликнулъ актеръ, палая на стулъ. — «Идемте», крикнулъ мнѣ другъ Франсуа, увлекая и того что-то еще кричавшаго за рукавъ кафтана на улицу, гдѣ было почти свѣтло.

ГЛАВА VI.

Служба у герцога де-Сосье была конечно труднѣе жизни у госпожи де-Томбель, такъ какъ на весь, хотя вполонину заключенный, но все таки большой домъ былъ кромѣ меня только еще Матюренъ, лѣнивый, сонный и прожорливый, прямо изъ деревни, и хотя старый герцогъ не особенно гнался за чистотою, хотя въ нашихъ дѣлахъ намъ помогаль молодой хозяинъ, дѣла было по горло, ѣды въ обрѣзъ, одежда поношенная съ чужого плеча, и спали мы съ 11 часовъ

ночи до зари. Мнѣ, какъ молодому человеку, это было не особенно тяжело, тѣмъ болѣе, что наше положеніе всецѣло раздѣлялъ и маркизь Франсуа, съ которымъ я, несмотря на воркотню стараго хозяина, все болѣе дружилъ. И мы часто уходили съ нимъ бродить ночью по извѣстнымъ ему притонамъ, гдѣ и проводили время въ попойкахъ и игрѣ до самаго того времени, когда пора была идти домой убирать комнаты. Онъ былъ со мной откровененъ, особенно пьяный, но я не все понималъ изъ его признаній, хотя они наполняли меня страхомъ и любопытствомъ. Но спрашивать подробно и ясно Франсуа я не хотѣлъ изъ трусости и боязни разлюбить его. Мы бывали нѣсколько разъ и у мадемуазель Колеты, не сердившейся на Франсуа за ссору, и въ другихъ мѣстахъ, почти всегда сопровождаемые молодымъ человекомъ, имя котораго мнѣ было неизвѣстно и котораго всѣ звали: «Ваше сіятельство». Я зналъ, что Франсуа у него часто беретъ деньги, и однажды, когда мы подымались по лѣстницѣ къ Нинонъ, я слышалъ, какъ она говорила Колетѣ: «Этотъ глупый любовникъ маленькаго маркиза сегодня здорово попался»... Мнѣ показалось, что они имѣли въ

виду Франсуа и его друга. Я ничего ему не сказалъ, но эти слова врѣзались въ мою память. Однажды, когда мы давно не видѣли князя, Франсуа пришелъ домой поздно, сердитый, пьяный, чѣмъ-то разстроенный

— Что съ Вами, Франсуа,—спросилъ я, не бросая куртки, которую я зашивалъ при свѣчкѣ.

Ничего не отвѣчая, тотъ только завздыхалъ еще сильнѣе и легъ на постель лицомъ къ стѣнкѣ.

Казалось, онъ плакалъ.

— Что съ вами, Франсуа, скажите мнѣ? вы знаете, что кромѣ князя никто васъ такъ не любитъ, какъ я. Ну, поговоримте о вашемъ другѣ, хотите?—прибавилъ я, видя, что тотъ не отвѣчаетъ.

Франсуа обернулъ ко мнѣ свое лицо съ заплаканными глазами:

— Если бъ вы понимали Эме!... но вѣдь вы ничего не знающій мальчикъ, хотя, можетъ быть, и любите меня.

— Ну, поговоримте тогда о вашемъ другѣ.

— Зачѣмъ вы мучаете меня? мы его никогда не увидимъ больше, его нѣтъ.

— Онъ убитъ, умеръ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ живъ— онъ женился третьяго дня, — сказалъ маркизь, неподвижно глядя въ потолокъ.

Я промолчалъ, хотя не понималъ, почему женитьба князя отнимаетъ его отъ насъ.

Изъ немигающихъ свѣтлыхъ глазъ маркиза стекали слезы, тогда какъ лицо не морщилось и почти улыбалось. Поправивъ фитиль на свѣчкѣ, я снова сѣлъ на кровать.

— Вы очень горюете объ этомъ?

Франсуа кивнулъ головой молча.

— Все проходитъ, все забывается, находятъ новое; вотъ я имѣлъ Луизу и потерялъ и не плачу, а любовь сильнѣе связываетъ, чѣмъ дружба.

— Ты ничего не понимаешь,—процѣдилъ маркизь, отворачиваясь къ стѣнкѣ. Часы пробили двѣнадцать, я долженъ былъ что-нибудь сдѣлать. Я взялъ руку все отвернувшись де-Сосье и сталъ цѣловать ее, тоже плача.

— Потуши свѣчу, отецъ забранится. Такъ ты въ самомъ дѣлѣ меня жалѣешь?— прошепталъ Франсуа, обнимая меня въ темнотѣ.

ГЛАВА VII.

Франсуа былъ скучень, пересталъ пить, сталъ еще благочестивѣе, чѣмъ прежде, часто лежалъ на кровати, и наши дружескія бесѣды, гдѣ мой страхъ исчезъ, а любопытство все усиливалось, казалось, только слегка развлекали его. Нѣжною заботливостью я старался облегчить его тоску. Однажды, поднявшись зачѣмъ-то въ верхній этажъ, я засталъ Франсуа сидящимъ на окнѣ лѣстницы съ оставленной подлѣ шеткой, задумчиваго и казалось не видящаго пейзажа, на который онъ смотрѣлъ. Изъ окна были видны красныя крыши болѣе низкихъ построекъ, кусочекъ Сены, по синей водѣ которой быстро двигались паруса лодокъ, надуваемые сильнымъ вѣтромъ, сѣроватый рядъ домовъ на противоположномъ зеленомъ берегу, и стаи птицъ, носящихся съ крикомъ по безоблачному небу. Я окликнулъ маркиза.

— Ты усталъ?—спросилъ я, глядя на его поблѣднѣвшее лицо.

— Да, я не могу такъ больше жить!.. и вотъ, я давно хотѣлъ сказать тебѣ, Эмс, мой единственный теперь другъ и товарищъ; вотъ что я все время думаю, что меня тревожитъ и дѣлаетъ все болѣе блѣднымъ.

— Можетъ быть, ты взволнованъ и скажешь потомъ?

— Нѣтъ, все равно, я почти рѣшился. Видишь,—маркизь остановился и продолжалъ быстрѣе и шопотомъ.—Я одинъ и настоящій сынъ герцога—онъ богатъ, но видишь, какъ онъ меня держитъ, хуже слуги. Деньги же будутъ потомъ, все равно, мои, когда будутъ уже не нужны мнѣ, можетъ быть. Жизнь моего отца не измѣнится ни въ чемъ, если онъ и не будетъ сторожить эти предназначенныя мнѣ деньги. И вотъ, я рѣшилъ ихъ взять самому теперь.

— Ты хочешь обокрасть отца?—воскликнулъ я.

— Да, если тебѣ угодно,—и онъ снова началъ говорить все то же, прося меня помочь въ этомъ.

— Тогда намъ нужно будетъ бѣжать?

— Намъ нужно будетъ бѣжать; какъ я тебѣ благодаренъ за это «намъ»!—оживленно заговорилъ онъ, краснѣя.

Я въ волненіи сѣлъ на ступеньку лѣстницы, слушая его планы о бѣгствѣ въ Италію.

— Только раньше нужно сходить къ Сюзаннѣ Башъ, завтра вечеромъ, или днемъ послѣ обѣдни можно сходить. Я поставлю

свѣчу святому Христофору, чтобы все вышло благополучно.

— А вамъ не жалко будетъ покинуть отца?—спросилъ я, вставая, чтобы идти внизъ.

— Жалко? нѣтъ, мнѣ теперь все равно, я такъ жить не могу; и потомъ вы же будете со мною?

— Конечно!—отвѣчалъ я, сбѣгая внизъ.

ГЛАВА VIII.

Войдя во второй этажъ небольшого дома, мы увидѣли женщину, наклонившуюся надъ лоханью за стиркой бѣлья; въ комнатѣ, наполненной теплымъ паромъ, было слышно только плескъ воды и шарканье полотна. Мы остановились у порога, и женщина спросила: «Вамъ кого?» — Госпожу Сюзанну Башъ,—проговорилъ Франсуа.

— Кажется, дома и одна — пройдите, — проговорила женщина, не переставая стирать.

— Это вы, де-Сосье? войдите,—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты. Въ небольшой каморкѣ, заваленной какими-то платьями, подъ окномъ стоялъ столъ и стулъ на возвышеніи; тамъ сидѣла и разбирала какіе-то лоскутки женщина лѣтъ тридцати, съ незначительнымъ блѣднымъ лицомъ въ тем-

номъ платьѣ. Поздоровавшись, она спросила послѣ молчанія:

— Чѣмъ могу служить, дорогой маркизъ?

— Вы знаете сами, Сюзанна, чего намъ нужно.

— Это вашъ другъ? онъ знаетъ? — кивнула та на меня.

— Да, намъ обоимъ нужна судьба передъ важнымъ, очень важнымъ дѣломъ, — проговорилъ Франсуа, саясь на сундукъ, раздвинувъ узлы.

— Передъ важнымъ, очень важнымъ дѣломъ, — повторила задумчиво Багъ, взяла карты, разложила другой разъ, сложила и послѣ третьяго раза, не складывая уже, начала беззвучнымъ голосомъ: «То, что имѣете дѣлать, дѣлайте. Будутъ деньги, путь, дальше судьбы идутъ врозь, тебѣ, Франсуа де-Сосье — болѣзнь, можетъ быть, смерть, другъ же твой еще долго пойдетъ по опасному пути богатства и я не вижу его конца. Берегись каретъ, рыжихъ женщинъ и чело-вѣка съ именемъ на Ж. Опасность воды, но превозможенная. Смерть старшаго раньше другаго, многимъ, многимъ»...

Она замолчала, задумавшись, будто заснуть.

— Это все? — тихо спросилъ де-Сосье, вставая.

— Все, — отвѣтила такъ же беззвучно Сюзанна.

— Благодарю васъ, вы очень намъ помогли,—сказалъ Франсуа и оставивъ деньги на столѣ передъ все еще неподвижной женщиной, вышелъ въ сопровожденіи меня на улицу.

ГЛАВА IX.

Я Долженъ былъ ждать внизу въ комнатѣ Франсуа, чтобы караулить, какъ бы кто не пришелъ, и бѣжать наверхъ, если потребуется моя помощь.

Уходя, де-Сосье спряталъ ножъ въ карманъ и, поцѣловавъ меня, сказалъ: «союзники—на жизнь и смерть?»

— На жизнь и смерть—отвѣтилъ я, дрожа отъ холода. Его шаги умолкли; спрятанная свѣча едва освѣщала комнату, столъ, бутылку и два стакана съ недопитымъ Монтираше. Время оказалось невѣроятно долгимъ; боясь ходить по комнатѣ, чтобы не разбудить спящаго Матюрэна, я сидѣлъ у стола, оперши голову на руки и машинально осматривая скамейку, кровать маркиза, мѣшокъ, приготовленный въ дорогу, молитвенникъ и четки, не убранные послѣ церкви

Франсуа. Но лѣстницѣ спускались; я насто-
рожился; вошелъ де-Сосье, блѣдный, со
шкатулкой въ рукахъ; ножъ выпалъ изъ
кармана его штановъ. Поставивъ шкатулку
на столъ, онъ молча долилъ стаканъ и жадно
выпилъ желтѣвшее при вынутой изъ-подъ
стола свѣчкѣ вино.

— Спаль?—спросилъ я. Франсуа кивнулъ
головой.

— Все?—опять спросилъ я, указывая на
шкатулку. Тотъ опять молча кивнулъ голо-
вой и вдругъ легъ на кровать, заложивъ
руки подъ голову.

— Что съ тобой? надо же бѣжать, гер-
цога можетъ проснуться, хватиться, развѣ
мы не условились переночевать у Жака,
чтобы завтра выѣхать?

— Постой, я усталъ,—отвѣчалъ маркизь
и заснулъ. Положивъ, спрятавъ шкатулку
въ мѣшокъ, я снова принялся будить Фран-
суа. Замѣтивъ ножъ, лежавшій на полу, я
посмотрѣлъ, не въ крови ли онъ, но ножъ
былъ чистъ. Свѣча догорѣла и треща гасла,
Франсуа вдругъ вскочилъ, сталъ меня торо-
пить въ темнотѣ, искать ключа отъ выход-
ной двери, все шепотомъ и беззвучно. На-
конецъ, мы тихо вышли по коридору къ
небольшой двери, выходящей въ переулочъ,

куда мы благополучно и выбрались, незамѣ-
ченные никѣмъ изъ домашнихъ. Мѣшокъ
тащилъ я. Луна еще свѣтила, хотя разсвѣ-
тало и я съ облегченіемъ вдыхалъ холодный
воздухъ. Такъ мы покинули Парижъ, чтобы
искать счастья въ далекой и благословенной
Италіи. Тогда мнѣ было восемнадцать лѣтъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Еще въ Парижѣ обнаружилась ошибка Франсуа, захватившаго вмѣсто палисандровой шкатулки, гдѣ хранилась большая часть денегъ стараго герцога, такую же изъ темнаго дуба, гдѣ, кромѣ счетовъ, связки ключей, было только извѣстное количество луидоровъ достаточное, чтобы беззаботно доѣхать до Италіи, но совершенно не избавляющее отъ поисковъ дальнѣйшаго счастья. Ключи мы выбросили, счета сожгли, и побранивъ свою судьбу, рѣшили въ виду недостаточности для обезпеченной жизни наличныхъ денегъ тратить ихъ не скупясь, и съ такимъ рвеніемъ предались этому легкому и приятному занятію, что доѣхавши до Прато увидѣли, что денегъ осталось только-только доѣхать до Флоренціи и тамъ устроиться. Зато у

насъ были новыя шляпы, модныя камзолы съ цвѣточками и плащи на подкладкѣ, въ виду наступающаго зимняго времени, у Франсуа—шоколадный, у меня какъ у блондина голубой. Въ гостиницѣ на соборной площади мы занимали комнату во второмъ этажѣ, рядомъ съ которой помѣщались двѣ женщины, повидимому итальянки. Я имѣлъ случай видѣть ихъ въ коридорѣ, когда онѣ выходили къ обѣднѣ; старшая маленькая, съ длиннымъ носомъ, вся въ черномъ показалась мнѣ горбатой, младшая нѣсколько худая блондинка съ блѣднымъ, помятымъ и томнымъ личикомъ была довольно привлекательна въ скромномъ розовомъ платьицѣ.

«Очень нужно мнѣ обращать вниманіе на всякихъ проходимокъ», отвѣтилъ Франсуа, когда я дѣлился съ нимъ моими наблюденіями, вечеромъ же отправился съ однимъ флорентинцемъ, знакомствомъ съ которымъ завязавшимся еще въ дорогѣ очень дорожилъ, думая изъ этого извлечь выгоду впоследствии, въ ближайшую таверну. Я не пошелъ, оставшись дома и прислушиваясь къ шороху сосѣдокъ.

Сквозь тонкую перегородку было слышно, что женщины собирались спать, старуха громко ворчала и бранилась по итальянски,

младшая, ходя по комнатѣ, напѣвала что-то очевидно раздѣваясь, такъ какъ отъ времени до времени былъ слышенъ шумъ одеждъ, бросаемыхъ изъ одного угла комнаты въ другой. Я кашлянулъ, пѣніе прекратилось и стали говорить тише, чему-то смѣясь, потомъ раздался стукъ въ стѣну, я отвѣтилъ тѣмъ же; подождавъ немного и слыша, что въ сосѣднемъ номерѣ стало тихо, раздѣлся, не дожидаясь маркиза и легъ спать. Я былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ; изъ коридора доходили крики женщинъ и голосъ Франсуа вмѣстѣ со свѣтомъ. Не одѣваясь я высунулъ носъ въ пріотворенную дверь.

Старуха изъ сосѣдняго номера въ дезабилье, вовсе не дѣлавшимъ ее прелестнѣе, наскокивала на Франсуа, который безъ жилета и башмаковъ и въ полномъ беспорядкѣ остального костюма отступалъ къ нашей двери; нѣсколько женщинъ въ чепчикахъ и мужчинъ въ колпакахъ присутствовали со свѣчами, изъ сосѣдней комнаты раздавались рыданія. Старуха кричала: «Есть законъ! есть честь! мы благородныя дамы. Гдѣ видано влѣзать въ чужой номеръ, раздѣваться и вести себя, какъ въ публичномъ домѣ? Онъ говорилъ, что ошибся дверью и ду-

малъ, что это спитъ его товарищъ. Развѣ съ товарищемъ обращаются такъ, какъ съ женщиной, которую хотятъ, которую хотятъ...» Тутъ ея крикъ былъ заглушенъ еще большимъ изъ комнаты. «Бѣдняжка, бѣдняжка. Хорошо, что на эту ночь я легла съ краю и что я боюсь цекотки. Воды! нѣтъ ли у васъ воды?» И вытолкнувъ меня въ коридоръ, она вошла въ нашъ номеръ, изъ котораго вышла черезъ минуту со стаканомъ воды. Когда послѣ еще долгаго крика всѣ разошлись, и она крикнула напоследокъ: «я этого такъ не оставлю, есть законъ!» — Франсуа, получивъ свои вещи обратно, обнаружилъ пропажу своего кошелька изъ камзола равно какъ и моего со стола, вслѣдствіе чего мы остались даже безъ денегъ на дорогу во Флоренцію.

ГЛАВА II.

Солнце ярко освѣщало совершенно почти такую же комнату, какъ у насъ, горбунья вела съ нами разговоръ, разматывая шерсть, тогда какъ синьорина Паска сидѣла, сложивъ руки, у окна и, казалось, нисколько не интересовалась нашей бесѣдой. Франсуа тщетно старался убѣдить старую даму при-

знаться и возвратить похищенные деньги, она представлялась глуховатой и безтолковой, изрѣдка пуская въ ходъ опять упоминаніе о вчерашнемъ случаѣ и существованіи закона. Чтобы не поддаться искушенію поколотить хитрую горбунью и наскучивъ слушать ихъ споры, я отошелъ къ окну, гдѣ сидѣла синьорина Паска въ домашнемъ платьѣ, сложивъ руки. Она усмѣхнувшись, посмотрѣла снизу вверхъ нѣсколько раскосыми глазами.

— Вамъ тоже наскучила эта исторія о пропавшихъ деньгахъ?

— Да, тѣмъ болѣе, что дѣло не идетъ на ладъ. — «Ничего и не можетъ идти на ладъ: кто же когда находилъ потерянные деньги? вашъ другъ напрасно старается».

— Онъ поневолѣ такъ старается, вѣдь мы безъ гроша и не можемъ даже добратъся до Флоренціи.

«Да?» спросила она, будто болѣе заинтересованная, проводя тонкимъ пальцемъ по оконной рамѣ, гдѣ жужжала осенняя муха. Помолчавъ, она вдругъ обернулась къ спорящимъ и сказала нѣсколько рѣзкимъ, но звонкимъ и чистымъ голосомъ:

«Послушайте, господа! мы съ господиномъ Эме совѣмъ неблагоприятны вамъ за вашъ

диспутъ, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно безплоденъ. Вамъ нужно примириться, что деньги пропали безслѣдно, но мы можемъ разсудить, какъ вамъ слѣдуетъ поступать при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Мнѣ кажется,—продолжала она,—прищуривая глаза: мнѣ кажется, мы могли отлично столкнуться и едва ли не къ одному и тому же стремимся, друзья мои...»

И она начала развивать свой планъ.

ГЛАВА III.

Снявши приличное помѣщеніе недалеко отъ ponte Vecchio, мы, выдавая себя за пріѣзжихъ венеціанцевъ, назвались графами Гоцци. Старая горбунья съ достоинствомъ носила мнимое графство, а мы старались быть любезными кузенами ложной кузины. Синьорина Паска показывалась ежедневно на прогулкахъ, скромно одѣтая въ сопровожденіи кого-нибудь изъ насъ, заводила кажущіяся солидными знакомства, рассказывая о своихъ несчастіяхъ, временно стѣсненномъ положеніи древней фамиліи Гоцци, приводила въ домъ, гдѣ съ ними обращались вѣжливо и скромно, синьорина играла на клавессинѣ и пѣла аріи и французскія

пѣсни, мы предлагали для развлеченія сыграть въ карты. Франсуа выигрывалъ, но немного, боясь огласки и выжидая болѣе подходящаго случая для рѣшительнаго удара; когда новые знакомые, увлеченные не столько прелестями, сколько минами и ужимками угнетенной дѣвицы, осмѣливались на что-нибудь, горбунья поднимала крикъ и мы выступали защитниками невинности, предлагая рѣшить споръ оружіемъ или откупиться отъ скандала, грозя своими связями въ Венеціи. Такъ мы прожили съ мѣсяцъ, дѣля по братски доходы, безъ откладываемыхъ денегъ, но безбѣдно и не отказывая себѣ въ удовольствіяхъ. Наконецъ, въ синьорину Паску влюбился молодой Спаладетти, сынъ еврейскаго ювелира и ростовщика; онъ былъ нѣсколько слашаво красивъ, щедръ, несмотря на свое происхожденіе, вѣренъ и страстенъ; кромѣ того онъ былъ кажется невиненъ и высокъ ростомъ. Онъ началъ ухаживанье по всѣмъ правиламъ искусства: букеты, серенады, ужины, прогулки, сонеты, подарки, прохаживанья подъ окнами — все было налицо и скоро сдѣлалось басней всего города къ большому неудовольствію стараго Спаладетти и радости нашей милой кузины.

ГЛАВА IV.

Однажды, гуляя за городомъ вдвоємъ съ Паской, мы встрѣтили молодого Джузеппе Спаладетти верхомъ въ лиловомъ бархатномъ костюмѣ; замѣтивъ насъ, онъ сгѣнился, и отдавъ свою лошадь слугѣ, сопровождавшему его верхомъ же, такъ какъ сынъ ростовщика старался вести открытую жизнь и казаться знатнымъ шеголемъ, попросилъ позволенія раздѣлить нашу прогулку. Съ преувеличенною учтивостью съ нѣсколькими восточными интѣриорностями, гдѣ красота образовъ поправляла недостатокъ вкуса, страстно и робко онъ говорилъ комплименты синьоринѣ, тогда какъ я шель въ сторону, дѣлая видъ чловѣка, наслаждающагося природой. Проходя на обратномъ пути мимо дома Горнабуони, мы замѣтили стараго Иеронима въ разговорѣ съ хозяиномъ дома на скамейкѣ подъ желѣзнымъ кольцомъ для факеловъ. Когда мы поровнялись съ нимъ, онъ крикнулъ сыну: «Джузеппе, сюда!» Мы остановились, синьорина выпустила молодого Спаладетти, который отвѣчала отцу:—«проводя графиню Паску, я вернусь къ вамъ тотчасъ, сударь».

«Что тамъ за проводы всякихъ шарлатанокъ!» закричалъ старикъ, запахивая мѣховой халатъ, тогда какъ я опустилъ руку на эфесъ своей шапки, готовясь къ ссорѣ.— «Я васъ прошу, батюшка, думать о томъ, что вы говорите».— «Молчать! я тебѣ приказываю, какъ отецъ, родившій тебя, оставь ее». Паска прижалась ко мнѣ, Джузеппе же, блѣдный, говорилъ:— «Я васъ умоляю, отецъ, не дѣлать приказаній, которыхъ я завѣдомо не исполню».— «Какъ!» вскричалъ тотъ, раздражаясь ругательствами, еврейскія проклятія, генуэзскій акцентъ, быстрота и страстность рѣчи, полувосточный костюмъ и высокой ростъ стараго ювелира, мы растерянно стоящіе напротивъ—все привлекало вниманіе прохожихъ. Паска готовая лишиться чувствъ, шептала Джузеппе: «уступите, уступите, оставьте насъ, потому... завтра... вся ваша... навсегда». Спаладстти, вспыхнувъ, громко сказалъ:— «Я буду помнить, графиня!»—и подойдя къ старику, взявъ его за рукавъ шубы, промолвля— «идемте батюшка, вотъ я готовъ».— «Графиня, графиня... чорта съ два, я еще до васъ доберусь!»—ворчалъ еврей, между тѣмъ какъ я увлекалъ свою названную кузину къ Арно. Придя домой, Паска попѣла канюны

Скарлатти и затѣмъ сѣла, молча, не отвѣчая на наши шутки, къ окну, и долго сидѣла съ потушенными свѣчами, когда луна давно уже скрылась, опустивъ руки на колѣни и, казалось, о чемъ-то глубоко задумавшись.

ГЛАВА V.

Джузеппе, опершись на клавесинъ, за которымъ пѣла наша кузина, шепталъ страстно, глядя на ея худые пальцы, розовые и глянцевитые: «я обожаю ваши руки, Паска, ни у кого нѣтъ такихъ дивныхъ рукъ, и вамъ принесу ларецъ съ перстнями отъ отца, тамъ есть чудные аметисты и розовые топазы, какъ ваша кожа». Паска полузакрывши глаза, пѣла тонкимъ жидкимъ голосомъ:

«Я пою какъ лебедь, умирая,
Умирая, я пою любя.
И любя, люблю одну тебя
И люблю я, отъ любви сгорая».

Горбунья съ Франсуа отъ скуки играли въ карты на шоколадъ, а я смотрѣлъ въ окно на противоположный домъ, гдѣ была видна кухня съ поварами, готовящими ужинъ. Стукъ въ дверь заставилъ насъ всѣхъ встрепетаться; Франсуа впустилъ стараго Спала-

дети съ полицейскими и какими-то другими еще людьми.

— Отецъ, вы здѣсь? зачѣмъ?—вскричать Джузеппе, загоразживая собою вскочившую синьорину Паску.

«Это требуемые люди?» спросилъ сержантъ, обращаясь къ Иеронимо; тотъ мотнулъ головой. «Называемые графы Гоцци: Франческо и Эме и графини Джулія и Паска, законъ васъ вопрошаетъ, на основаніи чего вы присваиваете себѣ этотъ титуль и древнюю фамилію? Не признаете вы, почтенный графъ, этихъ людей, виданныхъ вами бы въ Венеціи?» обратился онъ къ пришедшему старичку въ круглыхъ очкахъ и сѣромъ камзолѣ. Тотъ долго смотрѣлъ по очереди на всѣхъ насъ и, покачавъ головою, сказалъ: — нѣтъ, нѣтъ, такихъ я не видывалъ. — «Да самъ-то онъ графъ ли? онъ изъ ума выжилъ или пьянъ, вонъ изъ нашей квартиры!» крикнулъ Франсуа. Джузеппе кричалъ со своимъ отцомъ, наполнявшимъ помѣщеніе гортаннымъ говоромъ. Синьорина Паска плакала въ объятіяхъ синьоры Джуліи, которая съ достоинствомъ что-то заявляла. Шумъ все усиливался, шпаги скрестились со звономъ, сержанты въ окно звали на помощь, женщины лежали безъ

чувствъ, Франсуа, раненый старымъ евреемъ, упалъ, задѣвъ за клавиши инструмента и уронивъ свѣчи; въ полутьмѣ я бросился въ ту сторону и вонзилъ ножъ въ худую спину Иеронимо; тотъ завизжалъ, корчась. Пробѣгая черезъ комнату, я, схваченный за ногу, упалъ на горбунью. — Возьми въ передней робу, спасись, — шепнула она. Къ дому подходилъ небольшой отрядъ стражи: пересѣдая за дверьми, когда они пройдутъ мимо меня, я надѣлъ захваченное платье и, покрывъ голову платкомъ, бросился бѣжать по пустынной и гулкой улицѣ, все удаляясь отъ крика.

ГЛАВА VI.

Достаточно удалясь отъ дома, чтобы не бояться погони, я остановился; потъ лилъ съ меня градомъ отъ волненія, быстро бѣга и двойного платья. Зайди въ темную нишу какой-то стѣны, я сбросилъ камзолъ и штаны, оставшись для безопасности въ одномъ женскомъ платьѣ и покрывъ тщательнѣе голову платкомъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по незнакомой мнѣ улицѣ, я замѣтилъ, что за мной слѣдитъ какой-то человекъ, по сложенію и походкѣ казавшійся духовнымъ.

Дойдя до угла, онъ свиснулъ; не успѣлъ я свернуть въ переулокъ, какъ былъ окруженъ челоуѣками шестью въ маскахъ безъ фонаря. Накинувъ мнѣ на голову что-то, что мѣшало мнѣ крикнуть, меня подхватили на руки и понесли, несмотря на мое болтанье ногами по ихъ животамъ. Увидя скоро тщетность моего сопротивленія, я пересталъ биться, предавшись своей судьбѣ. Шли мы довольно долго по улицамъ, потомъ судя по гулкости шаговъ, по коридорамъ; наконецъ, меня поставили на ноги и сняли повязку. Я былъ въ полной темнотѣ и повидимому одинъ. Протянувъ руку въ одну сторону я нашупалъ стулъ, въ другую — стѣну. По стѣнкѣ я добрался до постели, на край которой и сѣлъ, не зная, что будетъ дальше. Вскорѣ оказалось, что я не одинъ въ комнатѣ, чьи-то полныя мягкія руки осторожно до меня дотронулись, какъ бы желая разстегнуть лифъ, и услышалъ шепотъ: «Не бойтесь, прелестная дѣвица, не бойтесь, вы въ безопасности, вы встрѣтите только любовь и почтительность». Меня почти совсѣмъ раздѣли; такъ какъ я усталъ и хотѣлъ спать, то я безъ церемоній протянулся на кровати у стѣнки. Шепотъ продолжался съ поцѣлуями: «какъ я счаст-

ливъ, что вы снизошли на мои моленья и согласились воспользоваться этимъ скромнымъ ложемъ». Руки проводились по моимъ плечамъ, груди, спинѣ, талии... Вдругъ мой собесѣдникъ вскочилъ, какъ ужаленный, за скрипѣвъ кроватью. «Святая дѣва! Сыгъ Божій! чуръ меня! искушенію да не поддамся». Такъ какъ я молчалъ и не шевелился, то благочестивый партнеръ снова предпринялъ развѣдки не болѣе утѣшительныя. Тогда я сказалъ, прервавъ молчаніе: «сударь, вы не ошибаетесь и не введены въ соблазнъ, я дѣйствительно далекъ отъ того, чтобы быть дѣвицей. Но разъ я здѣсь, я все-таки пробуду до утра, чтобы не подвергать васъ и себя риску; когда всѣ пойдутъ къ заутрени (я понялъ уже, гдѣ я) я незамѣтно выйду». Пораженный братъ послѣ безмолвія проговорилъ: «вы правы, сынъ мой, и Господь, претворившій воду въ вино, вамъ поможетъ завтра выйти незамѣтно; теперь же, пожалуйста, останьтесь на этомъ, хотя и узкомъ ложѣ. Исполненная заповѣдь гостепріимства поможетъ мнѣ забыть о моей неудачѣ».

— Аминь, — отвѣтилъ я, поворачиваясь лицомъ къ стѣнкѣ.

ГЛАВА VII.

Господь, претворившій воду въ вино, не помогъ мнѣ выйти незамѣтнымъ, такъ какъ почти еще до зари насъ поднялъ служитель и велѣлъ отъ имени настоятеля идти въ трапезную, гдѣ была уже вся братія налицо. Игуменъ едва отвѣтилъ на наше привѣтствіе, когда насъ привели и поставили отдѣльно отъ прочихъ, закрывъ мое лицо покрываломъ. Указавъ на значеніе и важность иноцскихъ обѣтовъ, игуменъ продолжалъ, дѣлая жестъ въ нашу сторону: «но вотъ среди нашей столь примѣрной, столь свято благоухающей обители, нашлась овца, портящая стадо, нашелся братъ, который, забывъ обѣты цѣломудрія, послушанія святости, вводитъ тайно отъ насъ въ келью женщину, проводитъ съ ней ночь, вноситъ соблазнъ въ нашу ограду, грѣхъ, смерть и проклятье». Мой братъ плакалъ, бія себя въ жирную грудь и приговаривая: *mea culpa*, *mea culpa*, остальные осуждающе молчали. Видя оборотъ дѣла не сулящимъ мнѣ добра, я выступилъ впередъ и сказалъ скромно и внятно: — «святой отецъ, честная братія, вы напрасно вините этого добраго брата; ви-

димось его преступленья исчезнетъ тотчасъ, какъ вы узнаете, что я не женщина, а человекъ, спасавшійся отъ убійцъ и счастливый найти пріютъ подъ кровомъ этой обители. Богъ свидѣтель мнѣ и кромѣ того сама природа показываетъ справедливость моихъ словъ». Тутъ я приподнялъ робу и пока братія, пораженная видомъ того, что видятъ у человека, не имѣющаго штановъ, и поднимающаго юбку до пояса, была неподвижна, я быстро вышелъ изъ боковой двери въ садъ, откуда и прошелъ безъ труда на улицу.

ГЛАВА VIII.

Убѣдившись, насколько мало женское платье предохраняетъ отъ случайностей, я прежде всего позаботился отъ него избавиться. Спрятавъ свою одежду въ кусты у большой дороги, я сталъ громко вопить о помощи, какъ бы ограбленный до гола, пока проѣзжавшій крестьянинъ, подвезши мня къ своему дому, не подѣлился со мною старыми штанами и потертымъ камзоломъ. У хозяина находился нѣкій купецъ изъ Венеціи, который, тронутый моимъ положеніемъ и, кажется, мою наружностью, предложилъ

мигъ поѣхать съ нимъ, чтобы быть продав-
цомъ въ его лавкѣ. Не намѣреваясь долго
заниматься этимъ дѣломъ, я тѣмъ не менѣе
согласился на его предложеніе, видя въ
этомъ возможность добратся до Венеціи,
куда влекло меня какъ настоящаго графа
Гоцци. Дорога кромѣ незнакомыхъ городовъ
не представляла ничего интереснаго, такъ
какъ Виварини путешествовалъ скромно и
скуповато и притомъ не отпускалъ меня ни
на шагъ, что все болѣе убѣждало меня по-
кинуть его при первой возможности. Дома
еще прибавилась воркотня старой экономки,
плохой ужинъ и стоянье почти цѣлый день
за прилавкомъ въ полутемномъ складѣ. На-
конецъ, я объявилъ синьору, что его остав-
ляю, онъ что-то промямлилъ про неблаго-
дарность современныхъ молодыхъ людей,
отпустивъ меня въ сущности довольно равно-
душно. Я уже раньше сговорился съ лодоч-
никомъ Рудольфино пойти въ его помощники,
мѣняя покойную, но скучную жизнь у Вива-
рини, на бѣдную, но представляющую болѣе
случаевъ непредвидѣнныхъ встрѣчъ, жизнь
гондольера. И дѣйствительно, неоднократно
темнота ночи или занавѣска каюты скрывала
счастье молодого лодочника и катающихся
дамъ, но ни одного случая не было, кото-

рый бы повлекъ за собой какы-либо существенныя послѣдствія.

ГЛАВА IX.

По случаю праздника лодки брались на-расхватъ; мою гондолу, украшенную вытертыми коврами, нанялъ какой-то аббатъ съ дамой. Я не особенно интересовался нѣжностями моихъ пассажировъ, наблюдая больше за проѣзжими гондолами, особенно за одной, идущей все время около насъ съ двумя женщинами въ жемчугахъ, одѣтыхъ одинаково, каждая съ желтой розой, смотрящихъ другъ на друга, улыбаясь, безъ кавалера. Солнце садилось въ тучу, по всему взморью скользили лодки съ музыкой, нѣкоторыя уже съ зажженными фонарями, душное затишье, казалось, предвѣщало грозу. Веселье было въ полномъ разгарѣ, когда гроза разразилась. Небо, сразу омрачившееся, громъ, молнія, ливень, смолкнувшая музыка, беспорядочно бросившіяся къ каналу судна, такъ не походило на только что бывшее веселье, что философъ могъ бы вывести изъ этого мысли весьма поучительныя, но мнѣ больше всего нужно было думать объ управленіи своей гондолы. Въ страшной тѣснотѣ

я съ ужасомъ услышалъ трескъ нашей лодки обо что-то задѣншей; снявши на всякій случай свой несложный костюмъ, забывъ стыдливость и любовь къ ближнимъ, я готовился броситься въ воду, предоставивъ своихъ пассажировъ на произволъ бури и наполнявшейся водою лодки. Но вѣтеръ снова соигналъ вмѣстѣ мятушіяся гондолы, и послѣ новаго еще болѣе угрожающаго треска я скакнулъ не въ воду, а въ сосѣднюю лодку, для чего, конечно, не было такъ необходимо быть голымъ. Дамы въ жемчугахъ съ желтыми розами, прижавшись другъ къ другу, были блѣдны.

«Простите, синьоры!» вскричалъ я, накрывая голову своимъ прыжкомъ. Онѣ разомъ тихонько вскрикнули, казалось, пораженные неожиданностью моего появленія и моимъ видомъ и стали торопить своего лодочника, тогда какъ мой аббатъ въ отчаяніи разводилъ руками.

ГЛАВА X.

Неодѣтаго меня провели сквозь рядъ, казалось, нестопленныхъ комнатъ съ заколоченными окнами въ небольшую комнату, гдѣ трещалъ каминъ, освѣщая бѣглымъ красно-

ватымъ огнемъ темныя стѣны. Тѣ же двѣ дамы въ жемчугахъ, съ желтыми розами, сидѣли на диванѣ у стѣны, смотря другъ на друга съ улыбкой, молча. Стыдясь своей наготы и чувствуя холодъ, я обратился къ дамамъ со словами: «не найдется ли у вашихъ слугъ, добрыя госпожи, лишняго платья, такъ какъ мнѣ холодно и я не привыкъ ходить при дамахъ голымъ, не стѣсняясь этого». Онѣ продолжали молчать и когда я снова повторилъ свою просьбу, онѣ разомъ обернули свое лицо ко мнѣ, смотря пристально и неподвижно, такъ что казалось, что только бѣглый свѣтъ отъ камина дѣлаеть живыми ихъ лица. Ихъ молчанье дѣлало мое положеніе еще болѣе страннымъ и неловкимъ. Рѣшивъ не удивляться и не стѣсняться, я взялъ чей-то брошенный на кресло плащъ и сѣлъ къ огню. Одна изъ дамъ сказала тихо: «плащъ, бросьте плащъ!» Изъ шкапа, который оказался замаскированной дверью, вышла старая женщина со свѣчей и кувшиномъ вина, молча поставила она ихъ на столъ, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, зажгла свѣчи въ разныхъ мѣстахъ комнаты и отдернула тяжелыя желтыя занавѣски, скрывавшія постель. Мною начало овладѣвать безпокойство. «Амброзіусъ дома?» спро-

сила дама.—А то гдѣ же?—отвѣчала старуха. «Амброзіусъ спитъ?» спросила другая дама.—А то какъ же?—былъ снова отвѣтъ старой служанки.—Сегодня, Бьянка, нужно больше ѣсть, завтра твоя очередь—сказала дама.—«Да, завтра моя очередь» отозвалась другая.—«Зачѣмъ этотъ плащъ?»—сказали онѣ громко обѣ разомъ. Я не могъ больше выдерживать, я всталъ, и сбросивъ плащъ, уже согрѣтый, громко сказалъ: «довершите ваше благодѣяніе, спасши меня, дайте стаканъ вина и кусокъ хлѣба, чтобы подкрѣпить ослабѣвшія силы». Часы пробили десять, обѣ дамы разомъ зѣвнули, стали протирать глаза, какъ послѣ сна, съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, будто что-то вспоминая, наконецъ, старшая, названная Бьянкою, сказала звонкимъ, не похожимъ на прежній голосомъ: «Теперь я помню, спасенный красавецъ съ моря? конечно, ужинъ, вина, но не плащъ; не плащъ; срокъ прошелъ, мы свободны! Сестра, о какое тѣло, какое совершенство». Вино краснѣло въ широкихъ стаканахъ, холодныя, но обильныя и пряныя блюда манили аппетитъ, въ глубинѣ бѣлѣла постель. Дамы живыя съ блестящими глазами, раскраснѣвшіяся, осматривали меня, какъ дѣти, удивляя меня своими наивными

восторженными замѣчаніями. Наконецъ младшая, Катарина, развивъ свою прическу, дала знакъ ко сну и, не потушивъ свѣчей, передъ огромнымъ зеркаломъ за кроватью, мы провели почти безъ сна эту длинную, но слишкомъ короткую для влюбленныхъ, ночь.

ГЛАВА XI.

Я Проснулся отъ громкихъ голосовъ; передо мной на постели за спущенными портьерами лежало скромное, но крѣпкое и чистое платье. Мужской и грубый голосъ говорилъ сердито: «хорошо еще, что вамъ удалось привести этого дурака вмѣсто Джованни, но какая неосторожность! какая неосторожность! подумали ли вы, сударьни: въ праздникъ при всемъ народѣ пускаться на лодкѣ и въ какой еще часъ, въ какой еще часъ! Не оправдывайтесь, развѣ вамъ мало пустыхъ комнатъ для гулянья, старая Урсула не виновата, она одна теперь вертитъ машину съ тѣхъ поръ какъ этотъ вертопрахъ сбѣжалъ. Я повторяю, это хорошо, что вы залучили молодца, но чтобы впередъ этого не было!» Я выглянулъ въ занавѣску: по комнатѣ ходилъ взадъ и впередъ огромный мужчина, рябой, лѣтъ сорока пяти,

безъ парика съ фуляровымъ платкомъ на головѣ, блѣдныя дамы съ помятыми уставлыми лицами, потухшими глазами сидѣли рядомъ на диванѣ, изрѣдка вставляя робкія оправданія. Солнце, бросая свѣтъ на ихъ лица, дѣлало ихъ такъ же непохожими на вчерашнія, какъ и комнату, придавъ ей будничныи, неприбранныи видъ; желтыя розы не выметенныя валялись на полу, жемчуга лежали на столѣ, около чашекъ съ дымящимся шоколадомъ. Услышавъ мой шорохъ, мужчина, погрозивъ дамамъ пальцемъ вошелъ въ шкафъ, откуда вчера появлялась старуха, и исчезъ. Меня напоили шоколадомъ, потомъ обѣдомъ, потомъ ужиномъ, въ промежуткахъ играя на гитарѣ и напѣвая тихонько пѣсни на два голоса. Часовъ около восьми, когда ужинъ былъ уже приготовленъ и мы бесѣдовали съ синьориной Бьянкой, у отворенныхъ дверей шкапа, она вдругъ, поблѣднѣвъ, полузакрыла глаза и сдѣлавшись удивительно похожей на себя, какъ я ее видѣлъ въ первый вечеръ, стала говорить тихимъ голосомъ съ промежутками, тогда какъ изъ-за стѣнки тоже смутно доносились какіе-то голоса. «Альчиде да Буоноvente... да... найдете черезъ десять ночей... ничего не будетъ... смерть, смерть...

десять тысяч луидоровъ—остальные въ лѣвомъ ящикѣ бюро»—въ страхѣ я бросился къ синьорѣ Катаринѣ, но та, прижавъ палецъ къ губамъ, какъ приказанье молчать, увлекла меня къ окну, межъ тѣмъ какъ блѣдная Бьянка продолжала произносить непонятныя отрывочныя фразы, будто отвѣты на ей одной слышныя вопросы.

ГЛАВА XII.

Однажды утромъ синьоръ Амброзіусъ, вслѣвши мнѣ одѣться, приказалъ слѣдовать за нимъ въ ближайшую церковь, сказавъ: «Эме, я открою вамъ большую тайну, которая можетъ составить счастье вашей жизни; но пржде я долженъ быть увѣренъ, что вы не выдадите тайны и вы передъ алтаремъ прочтаете бумагу, которая у меня въ карманѣ». Нѣкоторая торжественность этой вступительной рѣчи, обстановка полутемной церкви съ немногочисленными богомольцами, выходъ на воздухъ послѣ продолжительнаго комнатнаго затвора меня настроили самого на болѣе возвышенное чувство. Въ церкви у алтаря, гдѣ горѣла неугасимая лампада передъ святыми дарами, я прочиталъ слѣдующее: «Я, Жанъ Эме Уллиссъ Вареоломей

свидѣтельствую передъ Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ, святою Его Матерью приснодѣвою Марією и всѣми святыми, хранить вѣчную тайну о томъ, что имѣю узнать отъ почтеннаго синьора Амброзіуса Петра Иеронима Скальцарокка, никому, ни брату, ни отцу, ни сыну, ни матери, ни сестрѣ, ни дочери, ни дяди, ни племяннику, никакому родственнику, ни родственницѣ, ни другу, никакому мужчинѣ, ни женщинѣ, ни самъ съ собою ни письменно, ни устно, ни открывать, ни говорить: «я могъ бы сказать, если бы не былъ связанъ» или «знаю я нѣчто», или какіе другіе намски. Пусть на меня, какъ на клятвoprеступника падеть Божья кара, пусть я буду лишенъ райскаго блаженства, если не сохраню сей клятвы, данной передъ святыми дарами, пречистымъ тѣломъ Господнимъ въ день священномучениковъ Клита и Маркеллина папъ, Апрѣля мѣсяца въ день двадцать восьмой, въ городѣ Венеціи. Аминь. Исполнить сіе обѣщаюсь я, Жанъ Эме Уллисъ Вареоломсей, и вѣрно все сіе, какъ вѣрно вѣчное блаженство праведныхъ душъ и муки нераскаянныхъ грѣшниковъ. Аминь, аминь, аминь». Домой мы шли молча. Приведши меня въ небольшую темную комнату, въ родѣ чулана, синьоръ Ам-

брозіусть засвѣтилъ фонарь, при чемъ обнаружилась цѣпь колесъ, рычаговъ, стержней, казалось какими-то скрытыми средствами соединенныхъ съ сосѣдней комнатою. Старая Урсула съ усиліемъ приводила въ движеніе за рукоятку всѣ эти колеса, при чемъ потъ лилъ съ нее градомъ. Амброзіусть началъ снова съ какой-то важностью на своемъ рябомъ лицѣ: «Слушай, Эме, я дѣлюсь съ тобою величайшею моею тайною. Видишь всѣ эти сооруженія: это шаги къ великому *Perpetuum Mobile*; но пока не сдѣланъ послѣдній шагъ, не увѣнчано величайшее созданіе человѣческаго генія — людямъ для устраненія насмѣшекъ, приносящихъ малодушіе, я хочу дать внѣшность уже будущаго совершенства. Пока мои собственныя руки, слабыя руки этой преданной старой женщины и твои, теперъ, мой сынъ, замѣняютъ вѣчный толчекъ движенія». Онъ вдохновенно обнялъ меня, межъ тѣмъ какъ Урсула, обливаясь потомъ, тихонько стонала. Вскорѣ я все узналъ: синьорины Бьянка и Катарина были ясновидящія, погружаемая ежедневно синьоромъ Скальцарокка въ магическій сонъ, во время котораго, какъ извѣстно, такимъ чуднымъ образомъ острятся человѣческія способности. Этими ихъ спо-

собностями хозяинъ пользовался для предсказаній и отвѣтовъ на всевозможные вопросы. Кромѣ этого и Perpetuum Mobile, Скальцарокка занимался еще алхиміей, для чего ежедневно удалялся часа на три въ уединенную комнату одинъ, даже безъ меня, котораго онъ сталъ обучать началу магии и составленію гороскоповъ. Я рѣдко выходилъ изъ дому, то вертя Perpetuum Mobile, то сидя съ дамами, то читая Великаго Альберта.

ГЛАВА XIII.

УТромъ, во время занятій, Амброзіусъ мнѣ сказалъ съ серьезной откровенностью, что скоро онъ насъ покинетъ, причемъ меня онъ можетъ взять съ собою, синьорины же со старой Урсулой поѣдутъ жить въ Феррару. Самого Скальцарокка приглашаетъ одинъ нѣмецкій герцогъ ко двору въ качествѣ астролога совѣтника и *maître des plaisirs* и на-дняхъ за нимъ придутъ герцогскіе посланные. Потомъ удалился въ лабораторію. Пользуясь свободнымъ временемъ, такъ какъ машину вертѣла старая Урсула, я сидѣлъ у окна, слушая дуэтъ сидящихъ на диванѣ дамъ. Мечты о предстоящей поѣзкѣ,

объ элексирахъ, горосконахъ, деньгахъ, мерпающемъ вдали величїи были прерваны страшнымъ ударомъ, потрясшимъ весь домъ.

«Что это!?» вскричали объ дамы, вскакивая съ дивана.

— Это наверху! замѣтилъ я, блѣднѣя.

«На помощь! хозяинъ, хозяинъ!» кричала Урсула, показываясь изъ чулана. Приказавъ ей молчать, я взлетѣлъ по лѣстницѣ къ запертой двери. «Хозяинъ, хозяинъ! что съ вами!» кричалъ я, колотя кулаками въ двери, изъ-за которыхъ выходилъ только удущливый запахъ. Не будучи въ состоянїи сломать окованную желѣзомъ дверь, я влѣзъ на стулъ и въ окно увидѣлъ сквозь наполнившїй всю комнату дымъ хозяина, лежащаго ничкомъ на полу. Разбить окно, изъ котораго хлынулъ ѣдкій дымъ, и соскочить внутрь было дѣломъ одной минуты. Скальпарокка, съ обожженнымъ лицомъ, весь дымясь около лопнувшей реторты, былъ мертвъ несомнѣнно. Въ двери снова раздался стукъ, и когда я вышелъ, открывши изнутри дверь ключемъ, Урсула съ ужасомъ шентала мнѣ: «посланнне отъ герцога за хозяиномъ». Я былъ готовъ лишиться чувствъ, но вдругъ какая-то рѣшимость наполнила спокойнымъ

холодомъ мой умъ, и запервши дверь, велѣвши Урсулѣ молчать, я важно и медленно спустился къ двумъ молодымъ розовымъ нѣмцамъ.

«Вы посланы отъ герцога Эрнести Югана за мною?» спросилъ я спокойно. Тѣ поклонились и начали вмѣстѣ: «Мы имѣемъ честь говорить?»

— Да, вы говорите съ извѣстнымъ Амброзіусомъ Петромъ Иеронимомъ Скальцарокка.

«Но, почтенный синьоръ, намъ говорили, предупреждали... ваши года»...

— Въ день св. дѣвы Пракседы, двадцатаго Юля, мнѣ минеть 45 лѣтъ, — проговорилъ я важно и мечтательно улыбаясь. Видя ихъ недоумѣвающій взглядъ, я добавилъ, указывая на прижавшуюся къ двери Урсулу:— Эта женщина подтвердить вамъ мои слова. Для мудрецовъ доступны всѣ тайны природы, и самые годы, какъ ядъ, какъ клевета, безсильны могутъ быть надъ ними.

Посланные почтительно слушали, полуоткрывши розовые рты, межъ тѣмъ какъ ѣдкій дымъ изъ лабораторіи Скальцарокка тонкой струей стлался по потолку.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

«И Вы думаете, что этотъ элексиръ можетъ сдѣлать безслѣднымъ для нашего вѣгшняго вида полеть времени, что также блестяши будутъ наши глаза, бѣлы зубы, нѣжны щеки, густы волосы, звонокъ голосъ въ сорокъ лѣтъ, какъ и въ двадцать?» такъ говорила маленькая принцесса Амалія, иди рядомъ со мною по стриженному дворцовому саду. Я посмотрѣлъ на ея круглое, маленькое личико, красное и глянцевитое, круглые выпуклые глаза испуганно-наивные, крошечный ростъ, семенящую подпрыгивающую походку, зеленоватое съ яркими розовыми букетами платье, китайскій то раскрываемый, то закрываемый вѣерокъ — и сказалъ:

— Повѣрьте, принцесса, не только этотъ чудесный напитокъ можетъ остановить те-

ченіе времени, но и вернутъ его вспять, чтобы уже начавшія утрачиваться розы снова зацвѣли на щекахъ и огонь глазъ, тлѣющей слабою искрой, снова заигралъ веселымъ пламенемъ. Вы видите наглядный примѣръ во мнѣ.

Такъ какъ мы шли по уединенной аллеѣ къ озеру, гдѣ видѣлись плавающіе лебеди, принцесса, нѣжно опершись на мою руку, еще болѣе нѣжно прошептала: «Такъ что и мнѣ, уже готовящейся отказаться отъ всякаго счастья, можетъ улыбаться надежда?»— Принцесса—воскликнулъ я—всякій подтвердитъ начавшееся дѣйствіе элексира, къ которому Вы такъ безпричинно, такъ снисходительно прибѣгли.

«Ахъ, Амброзіусъ, дорогой мейстеръ, поговорите со мной, какъ другъ, а не какъ придворный моего брата...» и принцесса стала жаловаться на герцогиню, которая всячески отгѣсняетъ и преслѣдуетъ несчастную принцессу Амалію, стараясь посорить ее съ герцогомъ братомъ сама подъ вліяніемъ стараго совѣтника фонъ Гогеншвицъ, хитраго и коварнаго царедворца. Разсказъ мнѣ былъ не новъ, равно какъ и страстные взоры Амаліи, устремляемые на меня. Поцѣловавъ почтительно руку, я обѣщаль употребить всѣ

въ моей власти мѣры, чтобы возстановить миръ въ герцогской семьѣ, и, не поднимая головы при вторичномъ поцѣлуѣ, сказалъ едва внятно:—когда мы увидимся, божественная покровительница?—«Въ среду вечеромъ, въ маленькомъ павильонѣ»—сказала радостно принцесса и порхнула въ боковую аллею, какъ балерина, уходящая за кулису. Дойдя задумчиво почти до рѣшетки сада, я услышалъ женскіе голоса; такъ какъ мнѣ показалось, что говорятъ о герцогскомъ семействѣ, то я остановился, надѣясь извлечь пользу изъ разговора.

«...нѣтъ, ужъ это извѣстно, у матери покойной герцогини Терезы Паулины и у бабушки Паулины Терезы и у прабабушки, говорятъ, Эрнестины Викторіи у всѣхъ было такъ: первый сынъ, потомъ шесть дочерей, у всѣхъ, у всѣхъ. И вспомни мои слова, у нашей герцогини, да подасть ей Господь легкіе роды, будетъ наслѣдникъ первымъ.

— Дай Богъ.

«И всѣ рыженькіе, какъ лисицы».

— Ну, этотъ можетъ выйти и чернымъ.

«Что ты хочешь сказать, Барбара?»

— Ты видѣла портретъ совѣтника въ молодости, что виситъ въ его столовой?

«Глупости! не наше дѣло! никогда не вѣрю».

— Конечно, я тоже говорю: мое дѣло чтобы коровы были сыты, вымыты, удойны— вотъ, а господскія дѣла, да сохранить меня Господь отъ нихъ, не правда ли?

Тутъ я вышелъ изъ аллеи и отвѣтивъ на почтительныя привѣтствія двухъ работницъ со скотнаго двора, медленно направился къ своему флигелю, обходя лужи послѣ вчерашняго дождя, гдѣ горѣли отраженными ярко розовыя облака заката.

ГЛАВА II.

Поспѣшно войдя вслѣдъ за слугою въ большую красную комнату, я засталъ тамъ герцога Эрнеста Юганна, разговаривающимъ съ своимъ молодымъ братомъ Филиппомъ Лудвигомъ у отвореннаго окна, въ которое была видна уже вся пожелтѣвшая прямая аллея грабовъ. Герцога широкими шагами, подражая какому-то королю, котораго ставилъ себѣ въ образецъ, пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и, крѣпко сжавъ мнѣ руку, спросилъ о результатѣ моихъ наблюденій и вычисленій. Герцогъ Эрнестъ Юганнъ былъ худъ, средняго роста, длиннонось, съ золотушнымъ лицомъ и узкими плечами, похожій на Филиппа Лудвига, болѣе свѣжаго, съ нѣ-

сколько лихорадочнымъ алымъ румянцемъ на скулахъ и блестящими выпуклыми глазами. Соединяя схваченныя тамъ и сямъ слухи, воспоминанія объ указаніяхъ учителя, почерпнутыя изъ магическихъ книгъ формулы и наставленія, я болѣе или менѣе удачно разрѣшалъ сомнѣнія моего господина и могъ давать совѣты о текущихъ и дѣлать предположенія грядущихъ событій. Молодой герцогъ стоялъ, опершись о косякъ окна,—казалось, съ облегченіемъ вдыхая освѣженный недавнимъ дождемъ осенній воздухъ. «Ваша свѣтлость будетъ имѣть наслѣдника», говорилъ я съ разстановкой, желая медленностью рѣчи придать большую значительность ея содержанію: «будетъ имѣть наслѣдника, но ваша радость омрачится кровью умершихъ предковъ и узелъ, связанный изъ разныхъ шнурковъ, грозитъ бѣдствіемъ его развязавшему». Герцогъ напряженно слушалъ, краснѣя, потомъ, снова пожавъ мнѣ руку, пробормоталъ, удаляясь: «сынъ, это прежде всего, объ остальномъ разсудимъ со временемъ». Я, почтительно склонившись, проводилъ его до двери и потомъ, вернувшись, обратился къ четко чернѣвшему все у окна на уже блѣдномъ вечернемъ небѣ Филиппу. «И такъ, молодой другъ мой!»

Тотъ, быстро обернувшись, воскликнулъ растроганно-восторженнымъ голосомъ: «мейстеръ, мейстеръ, я преклоняюсь передъ вашимъ знаніемъ, вашей наукой, вашей личностью, я обожаю васъ, возьмите меня, учите меня, ведите меня, вилите—я весь вашъ», и бросился ко мнѣ на шею, пряча голову на моемъ плечѣ.

ГЛАВА III.

Герцогиня Елизавета Беатриса сидѣла въ глубокомъ креслѣ въ капотѣ по случаю своей близящейся къ сроку беременности, съ стыдливой гордостью смотря на свой большой, возвышавшійся изъ-за ручекъ кресла животъ, тогда какъ совѣтникъ, герцогъ Филиппъ и я стояли передъ нею и слушали ея тихій, нарочно дѣлаемый еще болѣе болѣзненнымъ говоръ:

«Вы, дорогой мейстеръ Амброзіусъ, поступаете, можетъ быть, не совѣтъ благоразумно, такъ явно становясь на сторону принцессы Амаліи противъ меня, противъ нашего почтеннаго друга, заслуженнаго совѣтника, въ нашемъ прискорбномъ, хотя и легкомъ семейномъ разладѣ; виною всему этому болѣзненное воображеніе бѣдной принцессы

и ваша довѣрчивость, дорогой мейстеръ». — «Я увѣренъ, что мейстеромъ руководили благороднѣйшія чувства, какъ всегда» — пылко вмѣшался Филиппъ, дѣлая шагъ впередъ. Елизавета Беатриса, вскинувъ глазами на говорящаго, снова опустила ихъ на свои худыя сложенные на животѣ руки, замѣтивъ: «я иначе и не думала, дорогой братъ».

— Ваша свѣтлость, повѣрьте, я далекъ отъ желаній преступать кругъ своихъ полномочій и мое скромное дѣйствіе можетъ выказываться только, когда милостивый герцогъ самъ обратится ко мнѣ за моими безсильными совѣтами... Совѣтникъ, улыбнувшись, замѣтилъ: «И тутъ вотъ, почтеннѣйшій Скальцарокка, намъ желательнѣе было бы видѣть васъ болѣе движимымъ пользою подданныхъ и поддержаніемъ репутаціи нашего добраго герцога, чѣмъ болѣзненными иллюзіями несчастной принцессы».

— «Я увѣренъ, что мейстеромъ всегда руководятъ чувства гуманности и справедливости» — снова выступилъ молодой герцогъ.

«Я увѣренъ въ томъ же, но часто чувствительность минуты перевѣшиваетъ соображенія свѣтлаго ума во вредъ справедливости» — замѣтилъ Гогеншвицъ.

— Но мейстеръ теперь будетъ думать

также и о нашихъ незамѣтныхъ личностяхъ при совѣтахъ, не такъ ли?—спросила герцогиня, пытаясь ласково улыбнуться своимъ осунувшимся лицомъ.

Я молча поклонился, считая бесѣду конченною, и вышелъ въ переднюю, гдѣ дремалъ лакей въ ливреѣ передъ оплывшей свѣчсй. Часы глухо пробили одиннадцать, когда я услышалъ стукъ двери и спѣшнѣй молодой топотъ высокихъ каблукъ герцогскаго брата, бѣжавшаго за мной въ догонку. Я остановился, взявшись за ручку входной двери

ГЛАВА IV.

Доидя до маленькаго павильона, Лисхенъ прижавъ палецъ къ губамъ, отворила дверь, свѣтъ изъ которой упалъ длинною полосой на дорожку, клумбу и траву, исчезая въ кустахъ барбариса. Принцесса сидѣла на софѣ, въ томной позѣ, перебирая лѣниво струны лютни, перевязанной зеленою лентой; короткая ритурнель, кончаясь, снова возвращалась безъ того, чтобы играющая приступала къ пѣнью, когда я, войдя, остановился у порога. Дама, сдѣлавъ видъ, что по залуасмымъ вѣтромъ свѣчамъ догадалась, что кто-то вошелъ, промолвила, не оборачиваясь: «Ты, Лисхенъ?»

— Принцесса... тихо промолвилъ я.

«Амброзіусъ!»—воскликнула Амалія, быстро оборачивая ко мнѣ свое круглое, еще болѣе лоснящееся при свѣчахъ лицо и выпуская изъ рукъ инструментъ, глухо упавшій на толстый коверъ подъ столомъ.

— Принцесса... проговорилъ я тише.

«Амброзіусъ!» — воскликнула Амалія съ томностью, опускаясь снова на софу.

— Принцесса!—почти прошептала я, падая на колѣни передъ софой, цѣлуя руки сидящей. «Амброзіусъ!» — вздохнула Амалія черезъ мои поцѣлуи. Вставая, я задѣлъ ногою за брошенную лютню, издавшую слабый звукъ; въ окна видѣлись крупныя звѣзды, принцесса сидѣла сконфуженно, краснѣя, ожидая моего возвращенія, когда въ двери громко постучались. Поправивъ парикъ, я отворилъ дверь взволнованной Лисхенъ.

— Отъ герцога... требуютъ... герцогиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ—бормотала дѣвушка.

— Сыномъ?—спросилъ я разсѣянно.

— «Амброзіусъ»,—окликнула меня принцесса Амалія, приподымаясь слегка съ софы и улыбаясь сладкою улыбкою.

— Принцесса!—воскликнулъ я, дѣлая прощальный жестъ оставляемой лампѣ. Звѣзды

ярко мигали надъ темными кустами у цвѣтника, фонтанъ, забытый въ обшихъ хлопотахъ, тихо журчалъ. Въ корридорѣ былъ братъ герцога, схватившій меня за плащь; онъ заговорилъ прерывисто и взволнованно.

— «Мейстеръ, мейстеръ, вотъ вамъ предсказаніе исполнилось, ваша звѣзда восходитъ, вашъ путь свѣтлъ и лучезаренъ; какъ я люблю васъ!» Обнявъ его одной рукою, не останавливаясь, я проговорилъ—«да, другъ мой, начнется нѣчто новое съ рожденіемъ этого ребенка». Съ верху лѣстницы спѣшилъ слуга со свѣчей, говоря:—«мейстеръ, герцогъ немедленно васъ просить въ угловую комнату», и я направился въ темный корридоръ, изъ глубины котораго доносился дѣтскій плачь изъ-за затворенной двери.

ГЛАВА V.

Скрывая счастливую улыбку напускною важностью, герцогъ Эрнестъ Іоганнъ говорилъ со мною о дѣлахъ правленія, между тѣмъ какъ совѣтникъ стоялъ, улыбаясь на нашу близость, грозящую ему уменьшеніемъ вліянія. Пары шли въ польскомъ мимо недавно оправившейся герцогини, сидѣвшей въ креслѣ подъ высокимъ на мраморной

колоннѣ канделябромъ, похудѣвшей, нѣ-
сколько похорошѣвшей, и присѣдали въ
тактъ громкой музыкѣ съ хоромъ; лакеи
разносили фрукты и Филиппъ Лудвигъ въ
красномъ мундирѣ, ботфортахъ и бѣлыхъ
лосинахъ, нѣсколько похожій на портреты
Морица Саксонскаго, стоялъ у противопо-
ложныхъ дверей, скрестивъ руки и смотря
на насъ блестящими глазами. Звукъ трубы
изъ саду возвѣстилъ начало фейерверка и
первая ракета, взлетѣвъ, уже разсыпалась
разноцвѣтнымъ дождемъ, когда мы съ Фи-
липпомъ, окончивши бесѣду съ герцогомъ,
вышли въ ярко иллюминированный садъ. Дойдя
до грота съ «похищеніемъ сабинянокъ», мы
сѣли на каменную скамью, фантастически
освѣщенные зеленымъ свѣтомъ фонарей, по-
ставленныхъ на уступы искусственнаго водо-
пада. Нѣкоторое время мы сидѣли молча,
значительно переглядываясь.

— Ну, прервалъ, наконецъ, молчаніе Фи-
липпъ: мы можемъ быть довольны, доро-
гой учитель; мы у дверей величія, богат-
ства и вліянія!—Мнѣ послышались непріяз-
ненные ноты въ голосѣ молодого челювѣка,
отчего я поспѣшилъ прервать его такимъ
образомъ: «мой милый и дорогой другъ,
вы ошибаетесь, думая, что вліяніе, богат-

ство и положеніе такъ неотразимо влечутъ меня къ себѣ. Только возможность дѣлать большее добро меня радуетъ въ моемъ возвышеніи и, повѣрьте, я большее значеніе придаю вашему ко мнѣ расположенію, чѣмъ всей этой грядущей чести». — Лицо Филиппа было печально, видное при зеленоватомъ свѣтѣ фонарей сквозь воду. Желая его утѣшить, такъ какъ мнѣ дѣйствительно было жаль бѣднаго юноши, хотя причина его печали, только предполагаемая мною, и не была мнѣ хорошо извѣстна, я сталъ говорить о предстоящихъ занятіяхъ, но лицо герцогскаго брата прояснилось только едва-едва и только едва уловимая улыбка скользнула по его губамъ.

Выслушавъ мои слова, онъ неожиданно сказалъ: — «вы, мейстеръ—чистый человѣкъ, вы не знаете любви, вы чужды женщинъ, оттого вамъ открывается будущее и вы не боитесь заглядывать въ тайны! И потому я люблю васъ».

И раньше, чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ, наклонившись, быстро поцѣловалъ мою руку. Смущенный, я воскликнулъ: Что съ вами, принцъ?—цѣлуя его въ голову. — «Ничего, не обращайтесь вниманія, прощайте васъ», — слабо отозвался Филиппъ Лудвигъ.

— И потомъ вы можете заблуждаться на мой счетъ, и когда увидите меня настоящимъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ваше неудовольствіе мною за доставленное вамъ разочарованіе.

«Нѣтъ, мейстеръ, нѣтъ, дорогой мой, не бойтесь, не наговаривайте на себя, я лучше, чѣмъ вы знаю васъ» нѣжно говорилъ принцъ, въ какомъ-то томленьи склоняясь на мое плечо головою.

ГЛАВА VI.

Это было впервые, что принцесса отважилась на свиданье въ моихъ комнатахъ; если проходить ко мнѣ было и опаснѣе, чѣмъ ждать меня у себя, это вполнѣ вознаграждалось абсолютною обезпеченностью во время самаго свиданья. Окончивши дѣловое письмо, я сидѣлъ передъ бюро съ зажженной свѣчей, откинувшись на спинку стула, стараясь не думать о близости часа свиданья. Далекій отъ того, чтобы любить или желать принцессу, принужденный своимъ положеніемъ и господствующей при герцогскомъ дворѣ извѣстною строгостью къ воздержанію въ большей, чѣмъ я привыкъ, степени, я нѣсколько скучалъ о привольной жизни въ Италіи и какъ-то невольно

возвращался все мыслью къ герцогскому брату, нѣжная, почти влюбленная преданность котораго меня поистинѣ трогала. Запечатавши письмо, я снова задумался, оперши голову на руку и смотря на неподвижный огонь свѣчи. Встрепенувшись отъ легкаго стука въ дверь, я впустилъ въ комнату небольшую фигуру въ темно-лиловомъ плащѣ, почти черномъ отъ дождя. Узнавъ принцессу Амалію, я поспѣшилъ усадить ее передъ топящимся каминомъ, наливъ стаканъ вина. Счастливо улыбаясь, безъ словъ, принцесса протянула мнѣ руку, которую я почтительно поднесъ къ своимъ губамъ, потомъ я положилъ руку на спинку кресла, гдѣ помѣщалась Амалія, которая прижималась ко мнѣ, нѣжно и счастливо смотря на меня снизу вверхъ. Вѣтеръ трясъ рамы и на луну набѣгали тучи, дождь, казалось, пересталъ. Въ двери снова постучались, на этотъ разъ быстро и твердо; Амалія вскочила, блѣднѣя.

«Что это?» прошептала она.

— Не тревожьтесь, будьте спокойны,— прошепталъ я, снова заставивъ ее опуститься въ кресло, которое я повернулъ высокой спинкой къ двери, сначала закрывъ принцессу большой восточною шалью. Въ двери

продолжали стучаться все громче и голосъ Филиппа Людвига раздавался.

«Мейстеръ, мейстеръ, это я, принцъ Филиппъ, отворите». Сіяющіе глаза юноши, взволнованное, покрытое неровнымъ румянцемъ лицо, дрожащія руки—свидѣтельствовали о необычайности его состоянія.

— Что съ вами, мой другъ?—спросилъ я, нѣсколько отступая.

«Я рѣшился, я рѣшился... и вотъ я пришелъ сказать вамъ»...—прерываясь, говорилъ принцъ, почти прекрасный въ свосмъволненіи.

— Успокойтесь, можетъ быть, вамъ въ другое время будетъ удобнѣе сказать мнѣ то, что вы имѣете?—«Нѣтъ! теперь! сейчасъ, о мейстеръ! Слушайте, я рѣшился: вотъ я открываю вамъ мое сердце»,—воскликнулъ Филиппъ, и раньше чѣмъ я успѣлъ что либо предпринять, стремительно бросился въ кресло, гдѣ сидѣла спрятанная Амалія.

Двойной крикъ огласилъ комнату: принцъ, сдернувъ шаль съ прижавшейся въ уголъ кресла и зажмурившейся Амаліи, смотрѣлъ на нее въ оцѣпенѣніи, какъ на василиска.

«Мейстеръ, я васъ ненавижу»... — прошепталъ онъ, оборачивая ко мнѣ свое лицо съ полными слезъ глазами и выбѣжалъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

ГЛАВА VII.

Къ маленькому ужину были приглашены я, совѣтникъ фонъ-Гогеншицъ и веселая камерфрау Берта фонъ Либкозенфельдтъ; прищъ Филиппъ Лудвигъ отсутствовалъ, сказавшись больнымъ, принцесса Амалія и герцогиня Елизавета Беатрисса въ платьяхъ съ китайскимъ рисункомъ сидѣли по обѣ стороны герцога, имѣя сосѣдями меня и Гогеншицъ, тогда какъ Либкозенфельдтъ, помѣщавшаяся напротивъ Эрнеста Юганна, замыкала нашъ кругъ своей полной розовой и бѣлокурой (фигурой). Музыканты играли танцы изъ «Дардануса», тогда какъ слуги (только два для большей интимности) разливали вино, и герцогъ, давая знать объ отсутствіи этикета, громко разговаривалъ черезъ столъ съ веселой Бертой, отвѣчавшей ему смѣхомъ, обнаруживавшимъ два ряда бѣлѣйшихъ зубовъ.

— Ваша свѣтлость права, предполагая не случайность сердца, прилѣпленнаго подъ моимъ лѣвымъ глазомъ. Я влюблена безумно, но предметъ моего обожанія слишкомъ высокъ, слишкомъ недоступенъ,—говорила Берта, опуская свои огромныя коровьи голубые глаза. Гогеншицъ громко кашлялъ,

нюхаль табакъ и чихаль, утирая носъ зеленымъ фуляромъ.

— Не желая никого обижать, лишенный лицепріятія, заботясь только о благѣ страны, я назначаю васъ, любезнѣйшій Скальцарокка, совѣтникомъ и моимъ премьеръ-министромъ, снисходя на недавнюю просьбу не менѣе близкаго нашему справедливому сердцу фонъ Гогеншицъ дать ему въ тиши и спокойствіи отдыха возможность развивать столь обильно заложеныя въ немъ философическія способности.

Герцогиня, слегка поблѣднѣвъ, дала знакъ слугѣ поднести уже гдѣ-то заранѣе налитые бокалы съ шампанскимъ. Сама выбравъ бокалъ, она подала его герцогу и потомъ, въ видѣ особой милости, собственноручно каждому изъ насъ. Фонъ Гогеншицъ усиленно кашлялъ.

Берта фонъ Либкозенфельдтъ громко смѣялась, когда герцогъ, жалуюсь на легкое недомоганье, удалился въ свои апартаменты.

ГЛАВА VIII.

Передо мной стоялъ молодой человекъ, почти еще мальчикъ, безъ парика, въ скромномъ черномъ камзолѣ, блѣдный, съ бле-

стящими глазами и острымъ подбородкомъ, развивая утопическія мечты о равенствѣ, свободѣ, братствѣ, грядущихъ будто бы великихъ событіяхъ, міровомъ потрясеніи, новомъ потопѣ. Я спросилъ его—Вы англичанинъ?

— Нѣтъ, я французъ, и обратился къ вашему покровительству, какъ соотечественника.

— Да, я знаю ваше дѣло, оно будетъ исполнено, но ваши слова мнѣ живѣйше интересуютъ; вы говорите, что это мечты цѣлой массы людей, которые готовы дѣйствовать не для своего только освобожденія.

— Мы освободимъ міръ!

— Освободите отъ чего? меня, на примѣръ.

— Отъ тирановъ,— воскликнулъ мальчикъ, краснѣя.

— Но вѣдь предрасудки, приличія, наши чувства, наконецъ, болѣе жестокіе тираны, чѣмъ вѣнценосцы. Какъ поется:

«Любовь — тиранъ сильнѣйшій всѣхъ царей.—

Любовь смиряетъ гордаго Самсона».

Слуга подалъ мнѣ клочекъ бумаги, гдѣ карандашомъ было написано: «другъ, спасайтесь, герцогъ умеръ отъ оспы послѣ вчерашняго ужина, у власти ваши злѣй-

шіе враги, вамъ грозитъ въ лучшемъ случаѣ изгнаніе, пользуйтесь временемъ. Вашъ другъ».

Я посмотрѣлъ на готоваго продолжать свои рѣчи юношу и сказалъ—«Ваше дѣло будетъ исполнено согласно моимъ словамъ», и благосклонно улыбнулся на его почтительный, хотя и съ достоинствомъ, поклонъ. Оставшись одинъ, я долго смотрѣлъ въ окно на мелкій дождь, рябившій лужу, потомъ позвонилъ, чтобы мнѣ давали одѣваться.

ГЛАВА IX.

Въ комнатѣ, гдѣ горѣли уже канделябры, была одна Берта фонъ Либкозенфельдтъ. Она стояла посреди комнаты, читая какую-то записку, улыбаясь своимъ розовымъ сочнымъ ртомъ. Замѣтивъ меня, она подозвала меня знакомъ и, положивъ руку на мое плечо, сказала: «мейстеръ, только въ несчастьи узнаешь настоящихъ друзей. Повѣрьте, что я
.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ДѢВІ-
ЦЫ КЛАРЫ ВАЛЬМОИГЪ
КЪ РОЗАЛИ ТЮТЕЛЬ МАЙЕРЪ

27 іюля 172...

Простите, дорогая тетушка, что такъ долго Вамъ не писала, но съ этимъ переездомъ всѣ совершенно потеряли голову; теперь все устраивается понемногу, и вчера уже повѣсили вывѣску; папаша все хлопочетъ самъ, сердится и бранится на насъ и вчера дошелъ до того, что надѣлъ жилетъ задомъ напередъ. Мамаша Вамъ оченъ кланяется; у меня отдѣльная комната отъ нея, но рядомъ, и двери на ночь я оставляю открытыми, продолжая быть все такой же трусихой. У папаши, кромѣ Жана и Пьера, еще только мальчикъ и потомъ еще недавно поступившій Жакъ Моберъ, здѣшній, кажется, обыватель. И такой чудакъ—пришелъ наниматься совсѣмъ ночью, когда мы уже собирались спать; папаша чуть не прогналъ его прямо безъ разговорья, но потомъ все обошлось. Работы, слава Богу, много, такъ что папаша довольно утомляется; но что же

дѣлать, надо же жить какъ-нибудь. Что Вамъ сказать о Лашезъ-Дье? Это совсѣмъ маленькій городокъ со старымъ, въ родѣ крѣпости, монастыремъ, вдали видны горы. Не знаю, не будетъ ли намъ тутъ очень скучно, хотя мы и познакомились уже кое съ кѣмъ. Покуда еще ничего дѣлать некогда за устройствомъ. Прощайте, милая тетя; простите, что мало пишу—ужасно некогда и къ тому же такая жара, что у меня вся шея мокрая. Цѣлую Васъ и пр.

Любящая Васъ племянница

Клара Вальмонтъ.

— — — — —
15 сентября 172..

Благодарю Васъ, милая тетушка, за присланную Вами шубку. Право, Вы слишкомъ предусмотрительны, приславши Вашъ милый подарокъ теперь, когда мы всѣ гуляемъ еще въ однихъ платьяхъ. Узнаю милую тетушку Розалию и въ этой внимательности и въ выборѣ матеріи! Гдѣ Вы отыскиали такой чудный штофъ? Главное, съ такимъ рисункомъ. Эти столь яркія розы съ зелеными листьями на золотисто-желтомъ фонѣ—предметъ удивленія всѣхъ нашихъ знако-

мыхъ, которые специально заходятъ смотрѣть Вашу подарокъ, и я съ нетерпѣніемъ жду холодовъ, чтобы обновить это чудо. Мы все здоровы, хотя живемъ скромно и пигдѣ не бываемъ. Дома насъ очень забавляетъ Жакъ; это очень веселый, милый молодой человекъ, способный и работающій, такъ что папаша имъ не нахвалится. Матушкѣ не нравится, что онъ не ходитъ въ церковь и не любитъ благочестивыхъ разговоровъ. Конечно, это дурно, но молодости можно простить этотъ недостатокъ, тѣмъ болѣе, что Жакъ—юноша въ общемъ очень скромный: не гуляка, не игрокъ, не пьяница. Еще разъ благодарю Васъ, милая тетя, за шубку, и остаюсь любящая Васъ племянница

Клара Вальмонъ.

2 октября 172...

Дорогая тетюшка, поздравляю Васъ отъ души съ днемъ Вашего рожденія (вѣдь это въ 69 годъ Вы вступаете!) и желаю встрѣтить его въ менѣе смутномъ, менѣе смѣшанномъ состояніи, чѣмъ нахожусь я. Ахъ, тетя, тетя. Я такъ привыкла Вамъ все писать, что признаться Вамъ мнѣ гораздо

легче, чѣмъ отцу Виталію, нашему духовнику, котораго я знаю всего нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ мнѣ начать? съ чего? Я трепещу какъ дѣвочка, и только воспоминанія Вашего милаго, добраго лица, сознаніе, что для тети Розаліи я—все та же маленькая Клара, придають мнѣ смѣлость. Помните, я Вамъ писала о Жакѣ Мобертъ, ну, такъ вотъ, тетя, я его полюбила. Вспомните вашу юность, Регенсбургъ, молодого Генриха фонъ Моншійнъ и не будьте строги къ Вашей бѣдной Кларочкѣ, которая не устояла противъ очарованія любви... Онъ обѣщаетъ открыться отцу и жениться на мнѣ послѣ Рождества, но дома никто ничего не подозреваетъ и вы пожалуйста меня не выдайте. Какъ мнѣ стало легче послѣ того, какъ я открылась вамъ. Я особенно люблю его глаза, которые такъ огромны во время поцѣлуевъ, и потомъ у него есть манера тереться бровями о мои щеки, что очаровательно пріятно. Простите меня, милая тетя, и не сердитесь на Вашу бѣдную

Клару Вальмонъ.

Кстати, Жакъ совсѣмъ не злѣшній и въ Лашезъ-Дье никто его не знаетъ, мы

совершенно напрасно это вообразили. Въ сущности, не все ли это равно? Не правда ли?..

6 декабря 172...

Правда, что несчастья хоятъ всегда толною! Мамаша вчера, замѣтивъ мою талію, стала разспрашивать, и я во всемъ созналась. Можете представить горе матушки, гнѣвъ папаши. Онъ ударилъ меня по лицу и сказалъ: «никогда не думалъ имѣть въ дочери потаскушку», ушелъ, хлопнувъ дверью. Мамаша, плача, сама меня утѣшала, какъ могла. Какъ мнѣ не хватало васъ, милая тетя, Вашей ласки, Вашего совѣта. Теперь я никуда не выхожу и не придется мнѣ обновить Вашей шубки. Но ужаснѣе всего, что Жакъ насъ покинулъ. Я увѣрена, что онъ отправился въ свой городъ просить благословія своихъ родителей; но какъ бы тамъ ни было, его нѣтъ какъ нѣтъ, и моя скука, моя тоска еще усиливаются его отсутствіемъ. Мнѣ кажется, что всѣ знаютъ о моемъ позорѣ, и я боюсь подойти къ окнамъ; я нѣю не покладая рукъ, хотя теперь и трудноато долго сидѣть наклонившись. Да, тяжелос

время настало для меня. Какъ въ пѣснѣ поется:

«Любви утѣхи длятся мигъ единый,
Любви страданья длятся долгій вѣкъ».

Прощайте и пр. любящая Васъ
Клара.

2 іюня 172...

ВЫ вѣроятно думали, тетя, что я уже умерла, не получая отъ меня писемъ столько мѣсяцевъ. Къ несчастью, я жива. Расскажу спокойно все, что произошло. Жака нѣтъ, пусть Богъ проститъ ему его зло, какъ Онъ насъ избавилъ отъ козней сатаны. 22 мая я разрѣшилась отъ бремени ребенкомъ, мальчикомъ. Но, праведный Боже, что это былъ за ребенокъ: весь въ шерсти, безъ глазъ и съ ясными рожками на головѣ. Боялись за мою жизнь, когда я увидала свое дитя. Свое дитя, какой ужасъ! Тѣмъ не менѣе рѣшили его окрестить по обряду святой католической церкви. Во время св. таинства вода, приготовленная для поливанія, вдругъ задымилась, поднялся страшный смрадъ и когда служащіе могли открыть глаза послѣ ѣдкаго пара, они увидѣли въ купели вмѣсто младенца большую черную рѣдьку.

Козни сатаны насъ да не коснутся. Можете вы представить всю горестъ, весь ужасъ и радость, что мы не до конца погублены. Когда мнѣ рассказали все происшедшее въ церкви, я сдѣлалась какъ безумная. У насъ отслужили молебень и каждый день кропятъ святой водой. Мнѣ читали молитвы на изгнаніе злого духа. Отецъ Виталій совѣтовалъ очистить мой организмъ отъ злого сѣмени.

Вы бы меня не узнали, милая тетя, такъ я измѣнилась за это время. Не всякому на долю выпадаетъ такое несчастье. Но Богъ сохранить всѣхъ на Него уповающихъ. Прощайте и пр., любящая Васъ

Клара Вальмонъ.

15 іюня 172...

Пишу вамъ опять, милая тетя, думая, что Вы очень беспокоитесь нашими дѣлами. Послѣ моего очищенія жители стали искоренять и у себя остатки слѣдовъ злого духа. Припомнили всѣ работы, которые дѣлалъ Жакъ Моберъ (хотя лучше бы его звать чортомъ Вельзсвуломъ): сапоги, полу-сапожки, туфли, ботфорты, и, сложивши

все на площади у аббатства, сожгли ихъ. Лишь старый часовщикъ Лимозіусъ отказался дать свои сапоги, говоря, что ему важнѣе прочные сапоги, чѣмъ глупое суевѣріе. Но, конечно, онъ былъ еврей и безбожникъ, не заботящійся о спасеніи бессмертной души. Прощайте, милая тетя, и пр.

Остаюсь любящая Васъ

Клара Вальмонъ.

**ФЛОРЪ И
РАЗБОЙНИКЪ**

Всякій разъ, что Флоръ Эмилиі быстро достигалъ противоположной, изъ того же краснаго съ блескомъ камня, стѣны, онъ такъ стремительно оборачивалъ обратно свое поблѣднѣвшее лицо и столь звонкіе, столь непохожіе на обычную легкость его походки, шаги, что старикъ рабъ и нѣмой мальчикъ, сидѣвшій на полу, вздрагивали каждый разъ и взмахивали глазами, когда края голубой одежды господина задѣвали ихъ слегка при оборотахъ.

Утомившись какъ бы отъ метаній, онъ выслалъ старика, покачавъ головой съ закрытыми глазами въ знакъ отказа выслушивать хозяйственные доклады. Мальчикъ, подползши къ сидящему, поцѣловалъ ему колѣно, смотря въ глаза. Свистнувъ большаго водолаза, они трое прошли въ садъ, гдѣ опять ходили другъ за другомъ: госпо-

дигъ, молчавшій, большими шагами, нѣмой мальчикъ сѣменилъ, носившая, помахивая большой головою, ступаль водолазь.

Успокоенный вторичной усталостью, Флоръ войдя въ домъ, продолжалъ уже начатое посланіе:

«... тебѣ покажется ребячествомъ, что я готовлюсь тебѣ сказать, но эта малость лишаетъ меня покоя и равновѣсія души, необходимыхъ всѣмъ, кто дорожитъ достоинствомъ чловѣка. На-дняхъ я встрѣтилъ простолюдина, никогда мною не видѣннаго раньше, но столь знакомаго взгляда, что, раздѣляя и ученіе Брахмановъ о метампсихозѣ, я подумалъ бы, что мы съ нимъ встрѣчались въ предыдущей жизни. И страннѣе еще, что мысль объ этой встрѣчѣ, усилившись въ моей головѣ, какъ бобы разбухаютъ, положенныя на ночь въ воду, не даетъ миѣ покоя, и я готовъ самъ итти отыскивать этого чловѣка, не рѣшаясь довѣряться другимъ, самъ стыдись своей слабости. Можетъ быть, это зависитъ отъ несовершеннаго состоянія моего здоровья: частныя головокруженія, бессонница, тоска и безпричинный страхъ не могутъ позволить считать его удовлетворительнымъ. У встрѣчнаго

были необыкновенной свѣтлости сѣрые глаза при смуглой кожѣ и темныхъ волосахъ; ростомъ и сложеніемъ подобенъ мнѣ. Привѣтъ Кальнуриѣ, поцѣлуй дѣтей; амфоры я послалъ въ твой городской домъ уже давно. Еще разъ будь здоровъ».

II.

Медикъ, помолчавъ, спросилъ: «Съ какимъ состояніемъ болѣе всего сходно твое, господиный?»

— Я не испытывалъ положеніе чловѣка, заключеннаго въ темницу, но я думаю, что мое состояніе ближе всего подходитъ къ этому случаю. Съ нѣкоторыхъ поръ стѣснены мои движенія, сама воля кажется ограниченной; хочу идти—и не могу, хочу дышать—задыхаюсь; смутное безпокойство и тоска владѣютъ мною.

Флоръ, уставъ будто говорить, умолкъ; поблѣднѣвшій снова началъ:

— Можетъ быть, на мое представленіе о темницѣ вліяетъ сонъ, мною видѣнный перель болѣзнью.

— «Ты имѣлъ сновидѣнье?»

— Да, такое ясное, такое очевидное! И странно, оно продолжается какъ бы до

сей поры и при желаніи (увѣренъ) я могъ бы непрерывно пребывать въ немъ, считая тебя, другъ, призракомъ.

— «Тебя не волнуетъ его сказать мнѣ?»

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчалъ поспѣшно Эмилиі, утирая капли пота, выступившаго на блѣдномъ лбу. Началъ будто вспоминая, съ усиленіемъ, прерывисто, голосомъ, то вдругъ до крика доходящимъ, то падающимъ къ шлепящему шепоту.

— Никому не говори, что ты услышишь... клянись... можетъ быть, это—самая правда. Я не знаю... я убилъ—не думай... это—тамъ, во снѣ. Бѣжалъ, долго брелъ, питаюсь ягодами (помню: вишнями дикими), ворую хлѣбъ, молоко изъ сосцовъ коровъ въ полѣ, прямо. Ахъ, солнце жгло и пьянили болота! Войдя черезъ гаянскія ворота, я былъ задержанъ, какъ укравшій пожъ. Высокій рыжій торговецъ (да, «Гитъ» его крикнули) меня держалъ, ослабѣвшаго, растерявшагося; рыжая женщина громко смѣялась, рыжая собака визжала между ногами, гвоздика валялась на мостовой, шли солдаты въ мѣди... меня ударили... солнце палило. Потомъ мракъ и душная прохлада. О, прохлада садовъ, свѣтлыхъ ключей, горнаго вѣтра, гдѣ ты..

И Флоръ, обезсилѣвъ, смолкъ и склонился. Медикъ, сказавъ: «усни», вышелъ къ управителю говорить о больномъ. Нѣмой мальчикъ слушалъ, раскрывъ жадно глаза и ротъ. Къ вечеру Флоръ позвалъ старую няньку. Сидя на корточкахъ, старая, истощивъ сказки и дѣтскія воспоминанія, говорила безъ связи о томъ, что видѣли ея дряхлые глаза и слышали глохнушія уши. Кутаясь въ плащъ, шамкала нянька:

«Сынокъ, на-дняхъ у гаванскихъ воротъ видѣла я убійцу: ножъ былъ у него въ рукахъ, но ликъ не былъ ужасенъ; свѣтлы; ахъ, свѣтлы были глаза у него, темные волосы, мальчикъ на видъ. Зять мой, лавочникъ Титъ, его задержалъ»...

Флоръ закричалъ, схвативъ ее за руку:

— Не надо! не надо! уйди! Титъ, говоришь? Титъ, колдунья?

Мальчикъ испуганно вбѣжалъ на крики въ покой.

III.

Много дней прошло еще въ этомъ бореніи, при чемъ не разъ говорилъ больной: «я не могу больше: это—выше моихъ силъ!» и изъ поблѣднѣвшаго сдѣлался какимъ-то

почернѣвшимъ, снѣдаемый тайнымъ недугомъ. Темными кругами окаймились глаза его и голосъ выходилъ будто изъ пересохшаго горла. Всѣ ночи онъ не спалъ, мучая страхомъ нѣмого отрока.

Однажды утромъ, вставъ до свѣта, потребовалъ онъ шляпу и плащъ, будто собираясь въ путь. Старикъ удержался отъ вопроса, и лишь на взглядъ его въ отвѣтъ Флоръ промолвилъ:

— Ты будешь слѣдовать за мною!

Походка господина была снова легка и свободна; на впавшія щеки алая роза вернулъ румянецъ. Повороты по улицамъ и площадямъ вели ихъ далеко отъ дома, не давая отгадокъ рабу. Наконецъ, онъ рѣшился спросить, когда они стали, словно лойдя до пѣли.

— «Ты войдешь сюда, господинъ?»

— Да.

Флора голосъ безопасно зазвучалъ. Вошли въ тюрьму. Такъ какъ Флора Эмилиа знали богатымъ и знатнымъ, то безъ труда, хотъ и за плату, осмотрѣть, нѣтъ ли среди заточенныхъ его, будто бы бѣжавшаго недавно раба, допустили. Быстро, зорко обрыскалъ тюрьму до послѣдняго подвала, словно

извѣстныхъ раньше глазъ взоромъ искать.
Задохнувшись, спросилъ:

— Здѣсь всѣ заточенники? Больше нѣтъ?

— «Больше нѣтъ, господинъ. Вчера одинъ бѣжалъ»...

— Бѣжалъ?.. Имя?..

— «Малхъ».

— Малхъ?—будто прислушиваясь, повторилъ онъ,—свѣтлые глаза, смугль, черень волосомъ?—спрашивалъ радостный Флоръ.

— «Да, ты правъ, господинъ»,—кивалъ головою тюремщикъ.

Весель былъ, какъ никогда, выйдя изъ зданія, Эмилиѣ Флоръ, говорилъ какъ дитя, блестя глазами, не потерявшими темныхъ круговъ.

— Старый мой Муммъ, смотри: было ли когда такъ ласково небо, такъ дружественны деревья и травы? Мы пойдемъ въ мои фермы пѣшкомъ; я буду ѣсть дикія вишни и пить молоко изъ коровьихъ сосновъ прямо. Ласково дни протекутъ! Ты достанешь мнѣ дѣвушку, пахнущую травкою, козой и слегка лукомъ; мы не возьмемъ нѣмого Луки въ деревню. Ахъ, старый Муммъ, не здоровъ ли я, какъ никогда? Облака — будто весною, будто весною!

Съ утра Флоръ радостно собирався въ дорогу, покидая привѣтливый домъ помѣстья, чтобы по узкимъ и широкимъ путямъ дѣлать продолжительныя прогулки. Найденная Горго была тиха, молчалива, покорна и проста, какъ телушка; смуглое тѣло свое отдавала легко и чисто; въ домѣ ждала, напѣвая старинныя пѣсни.

Самъ прибѣжавшій, Лука-нѣмой сопровождалъ вездѣ господина, радуясь печальными глазами и усталымъ отроческимъ лицомъ. Молча слѣдилъ, ни на минуту Флора не оставляя въ его внезапно возвращенномъ весельи. Все бы ходить по горнымъ дорогамъ, лежать на пестрой цвѣтами травѣ, въ голубую навзничь смотрѣть твердь безъ устали, пѣть простыя сельскія пѣсни, заставляя нѣмого дуть въ двуствольную флейту! Тихимъ становищемъ бѣлыя, ярко бѣлыя, слѣпительно бѣлыя стояли надъ рощей и рѣкой облака; ждали. Со слѣдами молока на губахъ, не бритый, съ краснымъ ртомъ цѣловалъ Флоръ Горго, забывъ городскую томность, запахомъ лука пренебрегая. Лука нѣмой плакалъ въ углу. День

за днемъ, какъ за нѣтъкомъ цвѣтокъ въ вѣнокъ сплетаясь, или чередой.

Однажды вечеромъ, среди безнечной игры, сталъ Флоръ, словно отуманенный тоскою или невидимымъ врагомъ схваченный. Сразу охрипнувъ, молвилъ: «что это? откуда эта тьма? этотъ плѣтъ?» Легъ на низкую постель, отвернувшись къ стѣнкѣ, молча вздыхая. Тихо вошла Горго, обнявъ его, не глядя наго. Отстранилъ се Флоръ, говоря: «Кто ты? не знаю тебя, не время: смотри, замокъ, загремѣвъ, пробудитъ спящаго стража». Отступила, молча же, и нѣмой снова вползъ, какъ собака, поцѣловавъ свѣсившуюся руку.

V.

Ночь была душна для слугъ, дремавшихъ у входа во Флорову спальню. Одинъ Лука оставался при господинѣ, нѣмой и преданный. Долгое время были слышны только шаги ходившаго взадъ и впередъ Эмилиа. Подъ утро забылись слуги тонкимъ сномъ, предразсвѣтнымъ. Вдругъ воздухъ разрѣзанъ былъ воплемъ, не похожимъ на человѣческой голось. Казалось, неземное что-то прокрикнуло: «смерть!», будя раннее эхо.

Помедливъ, слуги, стукнувшіе въ двери, впущены были въ покой нѣмымъ отрокомъ съ испуганнымъ до неузнаваемости лицомъ. «Смерть, смерть!»—твердилъ онъ дикимъ, непривычнымъ произноситъ слова, голосомъ. Даже не поразившись звуками нѣмого, слуги ринулись къ постели, гдѣ, закинувъ почернѣвшую голову, недвижимо лежалъ господинъ. Лука вернулся, будто къ покинутому мѣсту, къ кровати Флора, гдѣ и склонился на полъ, безшумно и быстро сложившись.

За медикомъ и управителемъ быстро сходили, неся зловѣщую новость.

Нѣмой твердилъ, не переставая: «смерть», будто власть звука далась ему снова только для этого, одного этого слова.

Флоръ лежалъ, закинувъ почернѣвшее лицо и свѣсивъ безжизненную руку. Медикъ, осмотрѣвъ тѣло и за несомнѣнную признавъ смерть, съ удивленіемъ показывалъ управителю узкій, темный и вздувшійся кровоподтекъ на шеѣ умершаго, объяснить который было ничѣмъ невозможно. Единственный свидѣтель смерти Флора Эмилія, нѣмой Лука, преодолевая божественное косноязычіе чудеснаго страха, даръ слова ему вернушаго, говорилъ:

— Смерть! смерть! опять заключенъ... ходитъ, ходитъ: легъ на постель, словно утомясь... ни слова мнѣ не сказалъ; подъ утро захрипѣлъ, беспокоясь; бросился я къ нему; взмахнувъ на меня глазами, завелъ ихъ, хрипя. Боги! утро сверкнуло въ окно краснымъ. Флоръ не двигался, почернѣвъ...

Забыли Луку въ печали и скорбныхъ хлопотахъ.

Чуть свѣтъ, на другое утро пробрался босой и оборванный старикъ, прося видѣть Флора, никому не знакомый. Управитель вышелъ, думая найти какое-либо объясненіе смерти господина. Пришелецъ былъ упоренъ и простъ на видъ. Вокругъ лаяли стаей собаки.

— «Ты не зналъ, что господинъ Флоръ Эмилиѣ скончался?»

— Нѣтъ. Все равно. Я исполнялъ, что мнѣ было приказано.

— «Кѣмъ?»

— Малхомъ.

— «Кто онъ?»

— Теперь—ушедшій.

— «Онъ умеръ?»

— Вчера утромъ былъ повѣшенъ.

— «Онъ зналъ господина?»

— Нѣтъ. Онъ посылалъ ему, незнако-

мому, любовь и вѣсть смерти. У васъ заговорять пѣмне.

— «Говорить уже»,—сказалъ подошедшій Лука, склонившись къ грязной рукѣ старика.

— «Ты не взглянешь на усоншаго?»

— Къ чему? Онъ очень измѣнился въ лицѣ?

— «Очень».

— Того тоже петля измѣнила. Большой знакъ имѣеть на шеѣ...

— «Тебѣ много нужно говорить?»

— Нѣтъ, я ухожу.

— «Я иду съ тобой!»—сказалъ Лука ласково незнакомцу.

Солнце уже окрасило розой дворъ и пропитательно вопли къ небу пускали наемныя женщины, обнажая исхудалыя груди.

ТЪНЬ ФИЛЛИДЫ

Когда старый Нектанебъ поднялъ глаза отъ закинутыхъ сѣтей, привлеченный рѣзкимъ и одиноко разнесшимся въ вечерней прохладѣ крикомъ, онъ увидѣлъ небольшую лодку въ столбѣ отраженнаго заходящаго солнца и человѣка, дѣлающаго тщетныя усилія выплыть. Подъѣхать, бросивъ сѣти, къ мѣсту, гдѣ видѣлся утопающій, броситься въ воду и обратно въ лодку, уже неся спасеннаго, — было дѣломъ немногихъ минутъ. Дѣвушка была лишеною чувствъ и при сбѣжавшемъ съ нея щекъ естественномъ румянцѣ ясиѣе выступала видимость искусственной окраски на ся худоцавомъ длинноватомъ лицѣ. Только когда старикъ положилъ ее бережно на циновки въ своей лачугѣ, — ибо онъ былъ не болѣе какъ бѣдный рыбакъ, — спасенная

открыла глаза и вздохнула, будто пробужденная отъ глубокаго сна, при чемъ вмѣстѣ съ первыми признаками жизни вернулась и ея печаль, потому что обильныя и неударжимыя слезы потекли изъ ея свѣтло-карихъ глазъ и она начала метаться, какъ въ горячкѣ, громко и горько сѣтуя на свою участь. Изъ ея безсвязныхъ словъ и восклицаній Нектанебъ узналъ, что она богатая наслѣдница, сирота, отвергнутая какимъ-то безсердечнымъ юношей и пытавшаяся въ припадкѣ отчаянья схоронить въ рѣчныхъ струяхъ свос горе. Узналъ онъ также, что зовутъ ее—Филлидой. Впрочемъ, онъ могъ догадаться объ этомъ и безъ ея словъ, ибо домъ ея родителей, теперь уже умершихъ, находился невдалекѣ отъ берега рѣки, гдѣ стояли лодки для прогулокъ и другихъ какихъ надобостей владѣльцевъ. Говоря, она плакала, обвивала его шею руками и прижималась къ старому рыбаку, какъ младенецъ прижимается къ своей кормилицѣ, онъ же ее гладилъ по волосамъ, утѣшая какъ могъ.

II.

УТро и крѣпкій сонъ принесли успокоеніе, не приходившее съ ласковыми словами.

Болѣ веселыя мысли, болѣ улыбчивыя планы явились въ головѣ нѣжной Филлиды. Она ясно рассказала Нектанебу, какъ пройти къ дому жестокаго Панкратія, какъ сочинить обманную повѣсть объ ея будто бы состоявшейся уже смерти, наблюдая, чтобъ передать ей, какъ измѣнится его прекрасное, всегда съ налетомъ скуки, лицо, когда въ доказательство своего разказа онъ передастъ записку, будто бы найденную въ складкахъ одежды утопленницы, и полосатое покрывало. Она хлопала въ ладоши, написавъ прощальное письмо, и торопила старика, волнуясь и радуясь. Посланному пришлось пройти не мало улицъ раньше, чѣмъ онъ достигъ небольшого, но благоустроеннаго загороднаго дома Панкратія. Молодой хозяинъ былъ занятъ игрою въ мячъ съ высокимъ мальчикомъ въ голубой легкой одеждѣ, когда ввели къ нему стараго рыбака. Узнавъ, что письмо отъ Филлиды, чей садъ спускается до рѣки, онъ спросилъ, не ломая печати и поправляя завитые темные локоны: «сама госпожа тебя послала?»

— Нѣтъ, но ея желаніе было видѣть это письмо въ твоихъ рукахъ.

— Рука—несомнѣнно ея; посмотримъ, что несетъ намъ это милое посланіе.

Улыбка была еще на губахъ юноши, когда онъ начиналъ читать предсмертное письмо дѣвушки, но постепенно лобъ его хмурился, брови подымались, губы сжимались и голосъ его звучалъ тревожно и сурово, когда онъ спросилъ, спрятавъ письмо за одежду: «это правда то, что написано въ этомъ письмѣ?»

— Я не знаю, что писала бѣдная госпожа, но вотъ что я видѣлъ собственными глазами — и затѣмъ слѣдовалъ искусно придуманный, наполовину, впрочемъ, правдивый разсказъ о мнимой смерти Филлиды. Покрывало, извѣстное Панкратію какъ несомнѣнно принадлежавшее дѣвушкѣ, окончательно убѣдило его въ вѣрности печальной выдумки и, отпустивъ рыбака награжденнымъ, онъ разсѣянно принялся за игру въ мячъ съ высокимъ мальчикомъ, которою онъ всегда занимался между ванною и обѣдомъ.

Филлида, притаившись за низкою дверью, долго ждала своего хозяина, смотря, какъ работали въ огородахъ за рѣкой, пока солнце не начало склоняться и ласточки съ крикомъ носиться надъ землею, чуть не за дѣвая крыломъ спокойной воды. Наконецъ она услышала звукъ камешковъ, катившихся

изъ-подъ усталыхъ ногъ старика, подымавшагося въ гору.

III.

РАЗЪ семь или восемь заставляла себѣ пересказывать отвергнутая Филлида подробности свиданія съ Панкратіемъ. Она хотѣла знать и что онъ сказалъ вначалѣ, и что онъ сказалъ потомъ, и какъ онъ былъ одѣтъ, и какъ онъ смотрѣлъ: былъ ли печаленъ или равнодушенъ, блѣденъ или цвѣтущій видомъ,—и Нектанебъ тицетно напрягалъ свою старую память, чтобы отвѣчать на торопливые и прерывистые вопросы дѣвушки.

На слѣдующее утро онъ сказалъ: «что ты думаешь, госпожа? тебѣ нужно возвращаться въ домъ, разъ ты въ числѣ живыхъ».

— Домой? да ни за что на свѣтѣ! тогда всѣ узнаютъ, что я — жива; ты забываешь, что я — покойница.

И Филлида громко засмѣялась, живостью глазъ и щекъ дѣлая еще болѣе смѣшными шутовскія выдумки.

— Я останусь у тебя: днемъ, пока ты будешь ходить въ городъ, я буду лежать между грядъ, и меня не замѣтятъ среди спѣлыхъ дынь, а вечеромъ ты мнѣ будешь рассказывать о томъ, что видѣлъ днемъ.

Наконецъ, рыбакъ убѣдилъ молодую госпожу дать знать тайкомъ старой кормилицѣ, живущей на хуторѣ невдалекѣ отъ Александріи, рассказать ей все откровенно и дожидаться тамъ, что покажетъ время и судьба, Самъ же онъ обѣщалъ ежедневно доносить о дѣйствіяхъ Панкратія, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ его возлюбленной.

— «Какъ же я проѣду туда?»

— Я перевезу тебя самъ въ лодкѣ.

— «Черезъ весь городъ? живою покойницею?»

— Нѣтъ, ты будешь лежать на днѣ подъ тканью.

— «Стражи примутъ тебя за вора и заберутъ».

— Сверху же я прикрою тебя рогожей.

Будучи круглой сиротой, Филлида могла легко скрывать свое исчезновеніе и мирно жить на хуторѣ у старой Манто, съ утра до вечера гадая по цвѣтамъ, полюбить ли ее далекій юноша, то обрывая лепестки одинъ за другимъ, то хлопая листьями, сердясь на неблагоприятныя, обратнымъ же дѣтски радясь отвѣтамъ. Такъ какъ волненіе любви не лишало ее аппетита и скромный обѣдъ хутора не удовлетворялъ ея капризный отъ бездѣлья вкусъ, то скоро тайна ся жизни

слѣдалась извѣстной еще и домоправительницѣ въ городѣ, ежедневно посылавшей со старымъ рыбакомъ то сладкое печенье съ имбиремъ, то дичь искусно зажаренную, то пирожки съ пѣтушиными гребешками, то вареную въ нѣжномъ меду душистую дыню.

IV.

Съ трудомъ поспѣвали старья ноги Нектанеба за быстрыми и молодыми шагами Панкратія и его спутника. Былъ уже вечеръ съ моря доносился запахъ соли и травъ, въ гостиницахъ зажигались большіе фонари и слышалась музыка, матросы ходили по-четверо и болѣе, взявшись за руки, поперекъ улицы и наши путники все дальше и дальше углублялись въ темные опустѣвшіе кварталы. Наконецъ, отдернувъ тростниковую занавѣску, они вошли въ домъ, имѣющій видъ притона или кабачка для портовой черни. Нектанебъ повременилъ идти за ними, чтобы не обратить на себя ихъ вниманія, и ждалъ другихъ посѣтителей, чтобы проникнуть внутрь незамѣченнымъ. Наконецъ, онъ замѣтилъ пятерыхъ матросовъ, изъ которыхъ самый младшій говорилъ: «и она

вложила ему губку вмѣсто сердца; утромъ онъ сталъ пить, губка выпала—онъ и умеръ».

Рыбакъ, вошедши съ ними, первыя минуты ничего не могъ разобрать, отученный своею бѣдностью и возрастомъ отъ посѣщенія полюбныхъ мѣстъ. Шумъ, крики, стукъ глиняныхъ кружекъ, пѣнье и звуки барабана раздирали удушливый густой воздухъ. Пѣвицы сидѣли у завѣски, утирая руками потъ и потекшія румяна. На столѣ между сосудами съ виномъ танцевала голая нубійская дѣвочка лѣтъ десяти, приближая голову къ пяткамъ въ ловкомъ извивѣ. Ученая собака возбуждала громкій восторгъ, угадывая посредствомъ грубо вырѣзанныхъ изъ дерева цифръ количество денегъ въ кошелькахъ посѣтителей. Панкратій сидѣлъ у выхода со своимъ спутникомъ, еще болѣе нахлобучивъ каракаллу себѣ наб рови, отчего глаза его казались другими и блестящими. Онъ остановилъ проходившаго старика, сказавъ: «послушай, это ты приносилъ мнѣ извѣстіе о смерти несчастной Филлиды? Я искалъ тебя, я—Панкратій риторъ, но тише... Приходи ко мнѣ завтра послѣ полудня; я имѣю сказать тебѣ нѣчто: умершая меня тревожитъ». Онъ говорилъ полушопотомъ, былъ блѣденъ, и глаза отъ капюшона казались другими и блестящими.

Филлида сидѣла на порогѣ дома, читая свитки, только что привезенные Нектанебомъ, гдѣ почеркомъ переписчика было написано: «Элегія Филлиды, несчастной дочери Палемона». Она сидѣла наклонившись, не слыша, какъ проходили рабы съ полными ушатами парного молока, какъ садовникъ подрѣзаль цвѣты, какъ собачка лаяла, гоняясь за прыгающими лягушками, и вдалькѣ пѣли жнецы заунывную пѣсню. Строки вились передъ нею и воспоминаніе прошлыхъ тревогъ туманило вновь ея безпечные глаза.

«Родители, родители,
отецъ да мать,
много вы мнѣ оставили
пестрыхъ одеждъ,
бѣлыхъ лошадей,
витыхъ браслетъ,—
но всего мнѣ милѣй
алое покрывало
съ поющими фениксами.

Родители, родители,
отецъ да мать,
много вы мнѣ оставили
земель и скота:
крѣпконогихъ ковъ,
крѣпцолобыхъ овецъ,
круторогихъ коровъ,
муловъ и воловъ,—

но всего мнѣ милѣй
бѣлый голубь съ бурымъ пятнышкомъ:
назвала его «Катамитъ».

Родители, родители,
отецъ да мать,
много вы мнѣ оставили
вѣрныхъ слугъ:
огородниковъ, садовниковъ,
ткачей и прядильщиковъ,
медоваровъ, хлѣбопекарей,
скомороховъ и свирѣльщиковъ,—
но всего мнѣ милѣй
старая старушка
моя нянюшка.

Мила мнѣ и нянюшка,
милъ голубокъ,
мило покрывало,
но милѣе садъ.

Онъ спускается, спускается
къ рѣкѣ нашъ садъ,
наверху по рѣкѣ, наверху по рѣкѣ
мой другъ живетъ.

Не могу послать, не могу послать
я цвѣтка къ нему,
а пошлю поклонъ, пошлю поклонъ
съ гребельщиками.

И еще было написано:

«Утромъ нянюшка мнѣ сказала:
— незачѣмъ скрываться отъ старой —
ты весь день по цвѣтамъ галаешь,
не отличаешь айвы отъ яблокъ,
не шьешь, не вышиваешь,

нѣжно голубя пестраго цѣлуешь
и ночью шепчешь: «Панкратій».

И еще было написано:

«Что мнѣ выбрать, милыя подруги:
Признаться ли еще разъ жестокому другу?
или броситься въ быструю рѣчку?
равно трудны обѣ дороги,
но первый путь труднѣе —
такъ придется краснѣть и запинаться».

И еще было написано:

«Утромъ солнце румяное встанетъ,
ты пойдешь на свои занятя,
встрѣчные тебя увидятъ,
подумаютъ: «гордый Панкратій», —
а блѣдной Филлиды уже не будетъ!»

Ты будешь гулять по аллеямъ,
съ друзьями читать Филона,
бросать дискъ и бѣгать въ перегонки —
всѣ скажутъ: «прекрасный Панкратій» —
а блѣдной Филлиды уже не будетъ!»

Ты вернешься въ свой домъ прохладный,
возьмешь душистую ванну,
съ мальчикомъ въ мячъ поиграешь,
и уснешь до утра спокойно,
думая: «счастливый Панкратій» —
а блѣдной Филлиды уже не будетъ!»

И еще было написано много, такъ что до
вечера прочитала дѣвушка, вздыхая и плача
надъ своими собственными словами.

Теперь Панкратій не игралъ съ мальчикомъ въ мячъ, не читалъ, не обѣдалъ, а ходилъ по небольшому внутреннему саду вдоль грядки левкоевъ, имѣя видъ озабоченнаго тревогами человѣка. Тотчасъ послѣ привѣтствія онъ началъ: «умершая дѣвушка тревожитъ меня; я ее вижу во снѣ и она меня; манить куда-то, улыбаясь блѣднымъ лицомъ».

Старикъ, зная Филлиду въ живыхъ, замѣтилъ:

— Есть обманчивые сны, господинъ, пусть они не тревожатъ тебя.

— «Они не могутъ меня не тревожить; можетъ быть, все-таки я—невинная причина ся гибели».

— Считай ея живою, если эго вернуть твоей покой.

-- «Но она же умерла?»

— Мертво то, что мы считаемъ мертвымъ, и считаемое нами живымъ—живетъ.

— «Ты, кажется, подходишь къ тому, о чемъ я хотѣлъ говорить съ тобою. Объясни мнѣ полную тайну».

— Ты ее имѣешь.

— «Не знаешь ли ты заклинателя, который бы вызвалъ мнѣ тѣнь Филлиды?»

— Какъ тѣнь Филлиды?

— «Ну да, тѣнь умершей Филлиды. Развѣ это тебѣ кажется страннымъ?»

Нектанебъ, овладѣвъ собою, отвѣтилъ: «нѣтъ, это мнѣ не кажется страннымъ и я даже знаю нужнаго тебѣ человѣка, только вѣришь ли ты самъ въ силу магій?»

— Зачѣмъ же бы я тогда и спрашивалъ тебя? и при чемъ тутъ моя вѣра?

— «Онъ живетъ недалеко отъ меня и я могу условиться, когда намъ устроить свиданье».

— Прошу тебя. Ты мнѣ много помогъ словами: мертво то, что мы считаемъ таковымъ и наоборотъ.

— «Полно, господинъ, это пустыя слова, не думая брошенная такимъ старымъ неученымъ рыбакомъ, какъ я».

— Ты самъ не знаешь всего значенія этихъ словъ. Филлида для меня какъ живая. Устрой скорѣе, что ты знаешь!

Юноша далъ рыбаку денегъ и старикъ, идя долгою дорогою на хуторъ, былъ занятъ многими и различными мыслями, приведенными потомъ къ одной болѣе ясной и благоприятной, такъ что неспавшая и отворившая сама ему калитку Филлида увидѣла его улыбающимся и какъ бы несущимъ въ-сти счастья.

Планъ Нектанеба быть встрѣченъ удивленными восклицаніями дѣвушки.

— «Ты думаешь? возможно ли это? это не будетъ святотатствомъ? Подумай: магическія заклятія имѣютъ силу вызывать душу умершихъ—какъ же я, живая, буду обманывать того, кого люблю? не накажетъ ли меня собачьеголовая богиня?»

— Мы не дѣлаемъ оскорбленія обрядамъ; ты не мертвая и не была такою; мы воспользуемся внѣшностью заклятія, чтобы успокоить мятущейся духъ Панкратія.

— «Онъ полюбилъ меня теперь и хочетъ видѣть?»

— Да.

— «Мертвую! мертвую!»

— А ты будешь живая.

— «На меня надѣнутъ погребальныя одежды, вѣнчикъ усопшей! я буду говорить черезъ дымъ отъ сѣры, который сдѣлаетъ мертвеннымъ мой образъ!»

— Я не знаю, въ какомъ видѣ придется тебѣ представлять духа. Если ты не желаешь, можно этого избѣгнуть.

— «Какъ?»

— Отказаться отъ вызыванія.

— «Не видѣть его! нѣтъ, нѣтъ».

— Можно сказать, что заклинатель находитъ лунную четверть неблагопріятной.

— «А потомъ?»

— Потомъ Панкратіи самъ успокоится и забудеть.

— «Успокоится, говоришь? Когда придетъ Парразіи, чтобы улавливаться и учить меня, что дѣлать?»

— Когда хочешь: завтра, послѣзавтра.

— «Сегодня. Хорошо?»

Оставшись одна, Филлида долго сидѣла недвижно, потомъ сорвала цвѣтокъ и, получивъ «да» на свой постоянный вопросъ, улыбнулась было, но тотчасъ опять поблѣднѣла, прошептавъ: «не живой досталось тебѣ счастье любви, горькая Филлида!» Но утреннее солнце, но пѣніе кузпечиковъ въ росѣ, но тихая рѣка, но краткій списокъ прожитыхъ годовъ, но мечты о любящемъ теперь Панкратіи снова быстро вернули смѣхъ на алыя губы веселой и вѣрной Филлиды.

VIII.

Когда въ отвѣтъ на магическія формулы тихо зазвучала арфа и неясная тѣнь пока-

залась на завѣскѣ, Панкратій не узналъ Филлиды; ся глаза были закрыты, щеки блѣдны, губы сжаты, сложенные на груди руки въ повязкахъ давали особенное сходство съ покойницей. Когда, открывъ глаза и поднявъ слабо связанныя руки, она остановилась, Панкратій, спросивъ позволенія у заклинателя, обратился къ ней, ставъ на колѣни, такъ: «ты ли тѣнь Филлиды?»

— Я — сама Филлида, — раздалось въ отвѣтъ.

— «Прошаешь ли ты меня?»

— Мы всѣ водимся судьбою; ты не могъ иначе поступать, какъ ты поступалъ.

— «Ты охотно вернулась на землю?»

— Я не могла не повиноваться заклѣтіямъ.

— «Ты любишь меня?»

— Я любила тебя.

— «Ты видишь теперь мою любовь; я рѣшился на страшное, можетъ быть, преступное дѣло, вызывая тебя. Вѣришь ли ты мнѣ, что я люблю тебя?»

— Мертвую?

— «Да. Можешь ли ты приблизиться ко мнѣ? дать мнѣ руку? отвѣчать на мои поцѣлуи? я согрѣю тебя и заставлю биться вновь твое сердце».

— Я могу подойти къ тебѣ, дать руку, отвѣчать на твои поцѣлуи. Я пришла къ тебѣ для этого.

Она сдѣлала шагъ къ нему, бросившемуся навстрѣчу; онъ не замѣчалъ, какъ ея руки были теплѣе его собственныхъ, какъ билось ея сердце на почти замершемъ его сердцѣ, какъ блестящи были глаза, смотряшіе въ его меркнувшіе взоры. Филлида, отстранивъ его, сказала: «я ревную тебя».

— Къ кому? — прошепталъ онъ, томясь.

— «Къ живой Филлидѣ. Ее любилъ ты, терпишь меня.»

— Ахъ, я не знаю, не спрашивай, одна ты, одна ты, тебя люблю!

Ничего не говорила больше Филлида, не отвѣчая на поцѣлуи и отстраняясь; наконецъ, когда онъ въ отчаяньи бросился на полъ, плача какъ мальчикъ и говоря: «ты не любишь меня», Филлида медленно произнесла: «ты самъ не знаешь еще, что я сдѣлала», и, подошедъ къ нему, крѣпко обняла и стала сама страстно и сладко цѣловать его въ губы. Самъ усиливая нѣжность, онъ не замѣтилъ, какъ слабѣла дѣвушка, и вдругъ воскликнувъ: «Филлида, что съ тобой?» онъ выпустилъ ее изъ объятій, и она безшумно упала къ его ногамъ. Его не удивило, что

руки ся были холодны, что сердце ея не билось, но молчанье, вдругъ воцарившееся въ покоѣ, поразило его необъяснимымъ страхомъ. Онъ громко вскричалъ, и вошедшіе рабы и заклинатель при свѣтѣ факеловъ увидѣли дѣвушку мертвою въ погребальныхъ спутанныхъ одеждахъ и отброшенныхъ повязки и вѣнчикъ изъ тонкихъ золотыхъ листочковъ. Панкратій снова громко воскликнулъ, видя безжизненной только что отвѣчавшую на его ласки, и, пятась къ двери, въ ужасѣ шепталъ: «смотрите: трехнедѣльное тлѣніе на ея челѣ! о! о!»

Подошедшій заклинатель сказалъ: «срокъ, данный магіей, прошелъ и снова смерть овладѣла на время возвращенной къ жизни» — и далъ знакъ рабамъ вынести трупъ блѣдной Филлиды дочери Палемона.

РѢШЕНІЕ АННЫ
МЕЙЕРЪ

Сергію Павловичу Дягигеву.

I.

— Ты бы пошла, Анюта, въ княгинину спальню сидѣть, а то мнѣ отойти нельзя, а тамъ слесарь работаетъ,—еще стащить что-нибудь!

— Что же я буду тамъ дѣлать?

— Да то же, что и здѣсь: въ окно смотрѣть.

— А слесарь?

— Довольно того, что кто-нибудь въ комнатѣ будетъ, довольно того!..

Объ женщины,—и соскочившая со стула, на который она встала, чтобы достигнуть высоко расположеннаго окна, и глотившая у печки бѣлье, и старая, и молодая, и Анюта, и Каролина Ивановна, и племянница изъ деревни, и петербургская тетка, освѣщаемая солнцемъ изъ трехъ оконъ большой низкой комнаты были схожи голосами, не-

чистымъ выговоромъ русской рѣчи и неизгладимымъ сельскимъ румянцемъ.

Большое окно комнаты въ другомъ этажѣ не измѣнило зрѣлища передъ глазами дѣвушки: та же площадь съ густымъ издали садомъ за нею, тотъ же налѣво горбыль моста, тотъ же направо снова садъ за каналомъ. Тѣ же вѣтеръ и солнце въ лицо, тишина лѣтнихъ полупокинутыхъ комнатъ, нарушаемая лишь тихой работой то уходящаго куда-то, то возвращающагося слесаря, долгій безъ дѣла день—наводили сонъ, сладкій и бездумный, не смущаемый ни мыслью о подысканіи мѣста, ни воспоминаньями о болотистыхъ лугахъ покинутаго Ямбурга, о родимой сыроварнѣ, ни мечтами о блестящей жизни петербургскихъ господъ.

II.

Дни за днями, — туманные и ясные, солнечные и дождливые, — одинаково проходили для Анны Мейеръ. Такъ же она вставала со своей теткой — не слишкомъ рано, не слишкомъ поздно; такъ же слегка помогала ей, такъ же читала романъ за романомъ; ѣздила на Охту, гдѣ безъ шляпы

сидѣла на травѣ кладбища, слушая птицъ и пѣсни пьяныхъ; такъ же не торопилась искать мѣста, ожидая осени и не понукаемая Каролиной Ивановной.

Послѣ обѣда она ходила въ Лѣтній садъ смотрѣть гуляющихъ, довольная уже тѣмъ, что узнавала часто встрѣчаемыя лица. Одни она любила, другія—нѣтъ, давала прозвища и смѣялась, рассказывая дома. Всего больше ей нравились два офицера, всегда приходившіе вмѣстѣ или сходявшіеся уже въ саду. Одинъ былъ высокій, съ розовыми щеками, длиннымъ носомъ, большими карими глазами, очень молодой. Другого она не поспѣвала посмотрѣть, всегда разглядывая перваго. Часто она слышала, не понимая, ихъ французскій разговоръ. Когда они говорили по-русски, Анна тоже не понимала, такъ какъ казалось, что простые слова имѣли двойной смыслъ, недоступный дѣвушкѣ. Часто между романами она фантазировала, придумывая,—кто эти два, гдѣ они живутъ, какія у нихъ матери, сестры,—и однажды пошла за ними изъ сада.

Была толпа... Офицеры взяли извозчика и поѣхали мимо Павловскихъ казармъ на Мильонную; Анны они не замѣтили, были очень веселы и громко смѣялись.

Дома она записывала на переплетѣ книги дни, когда ихъ видѣла, и, на вопросъ старухи, отвѣтила:

— Глупости, танта Каролина, записываю, когда было солнце и когда лодждь...

— Развѣ сегодня не было дождя?

— Я ошиблась, тетя, правда! Я такая разсѣянная, — отвѣтила Мейеръ, не зачеркивая записи.

III.

Въ другой разъ Анна была счастливѣе, такъ какъ ей удалось пройти слѣдомъ до подѣзда, куда они вошли и гдѣ могъ жить одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, она шла недолго, то совсѣмъ вплотную, ясно слыша запахъ духовъ, то раздѣленная прохожими, при чемъ высокая фигура офицера и бѣлое лоннышко его плоской фуражки были ясно и далеко виднымъ маякомъ въ пути. Они быстро вошли въ подѣздъ, куда, спотыкаясь, поспѣшила и Мейеръ, и, поднявшись во второй этажъ, безъ звонка проникли съ ключемъ въ дверь, тотчасъ ее захлопнувъ. Дѣвушка, подыавшаяся было выше, прочла на мѣдной доскѣ: „Варвара Андреевна Скач-

кова“ и, нарочно стуча каблукками, чтобы вызвать швейцара изъ его помѣщенія съ запахомъ пирога на всю лѣстницу, безотчетно сообразивши, спросила:

— Госпожа Скачкова еще не въ городѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, раньше двадцатаго не будутъ.

— И никого при квартирѣ не оставлено?

— А кого вамъ угодно?

— Подруга моя у нихъ жила,—врала Анна по вдохновенію.

— Что же, она въ нѣмкахъ у нихъ при дѣтяхъ?

— Да, да!—обрадовалась спрашивающая.

— Онѣ съ дѣтьми и уѣхали,—молвилъ, улыбнувшись, швейцаръ.

— Я знаю... я узнать хотѣла,—и дѣвушка рылась въ кошелекъ, гдѣ вмѣстѣ были смѣшаны и двугривенные, и пятялтынные, и гривенники съ мѣдью, краснѣя и не находя. Собесѣдникъ, слѣдя за ея движеніями, нарочно медленно говорилъ:

— Дарья Гавриловна при квартирѣ оставлена и потомъ барынянъ братъ, Павелъ Андреевичъ, временно проживаютъ; Гавриловна имъ услуживаетъ.

Анна, ничего не найдя, закрыла кошелекъ и спросила:

— Павелъ Андреевичъ?

— Ну да, Павелъ Андреевичъ Долининъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

— Ахъ, да! вотъ какъ? Что же, они долго здѣсь пробудутъ? — лопотала нѣмка, но швейцаръ молча отворялъ ей двери.

— Павелъ Андреевичъ! Павелъ Андреевичъ, — твердила она, идя домой, — Павлуша, Паля, Павля, Павликъ; Поль! — рѣшила она вдругъ.

Она еле отвѣчала Каролинѣ Ивановнѣ, думая: «Неловко, что я человѣку не дала на чай! Ну завтра зайду и можно дать 25 копсекъ. Номеръ дома забыла посмотрѣть... Ну, и такъ помню: второй отъ угла палѣво, кажется, красный».

— Милый Поль! — сказала она вслухъ и сѣла къ окну.

IV.

Женщины одѣвались съ возможною тщательностью, собираясь на именины къ дальней родственницѣ. Племянница слегка ворчала, не желая надѣвать наряднаго платья и говоря:

— Это — смѣшно, танта, въ такую грязь на-

дѣвать свѣтлое платье, — будто на смотринки!..

— Можетъ и вправду я на смотринки веду тебя, Анюта, — отозвалась тетка.

— Ну, сами себя и показывайте, если это вамъ нравится! — молвила Анна.

Каролина не отвѣчала, размазывая пальцами рещейное масло по пробору. Анна была съ утра не въ духѣ, долго не видя Панла Андреевича, недовольная погодой, Каролиной Ивановной, предстоящей вечеринкой — всѣмъ на свѣтѣ. Она и въ гостяхъ сидѣла молча и скучая, не обращая вниманія на рассказы маленькаго, лысаго, бритаго человека посредицѣ стола, — почетнаго гостя. Какъ черезъ воду доносились до ушей дѣвочки его слова:

— Поѣхала графиня покупать домашнія туфли, а сапожникъ, какъ старый знакомый, и спрашиваетъ: «а что же, тѣ туфельки, что позавчера вашъ супругъ бралъ, не по ножкѣ изволили прійтись?» — Графиня говоритъ: «да, въ подъемѣ жмутъ!» — и виду никакого не подаетъ. А на утро, какъ у графа пріему быть, въ кабинетѣ и начала его начинать: «Кому ты, окромя меня, туфли покупаешь?» Въ пріемной просители сидятъ, все слышно; графиня голосъ усили-

наеть, графъ ее унимаетъ,—прямо срамъ! На эту баталію вхожу я съ подносомъ въ кабинетъ, вижу,—у графа даже шея покраснѣла и кашуль развился, и, какъ старый слуга, чтобы бѣдствіе предотвратить, говоритъ графинѣ, будто ни въ чемъ не бывало: «Видѣли, матушка-графиня, сколько сегодня въ «Новомъ Времени» покойничковъ? 16 человѣкъ!»—«Неужели 16? Я сегодня еще газетъ не читала. Дай-ка мнѣ!»—И вышла, а графъ мнѣ три рубля въ руку! А графиня у насъ была съ фантазіей: любила считать, сколько покойниковъ; и когда было много, очень довольна бывала!..

Молчала Анна и въ конкѣ на обратномъ пути и только на вторичный вопросъ старухи, какъ ей понравился Павелъ Ефимовичъ Побѣдинъ, спросила:

— Какой это?

— Да вотъ посреди стола сидѣлъ, графскій камердинеръ.

— Лысый-то?

— Да развѣ онъ лысый?

И опять, помолчавъ, завела Каролина Ивановна подъ стукъ колесъ по рельсамъ:

— А знаешь, Анюта, онъ вѣдь намѣренія имѣеть.

— Кто?

— Павелъ Ефимовичъ!..

— А!..

Тетка подождала еще и продолжала, понижая голосъ:

— Намъренія, говорю, относительно тебя...

Анна попросительно посмотрѣла.

— Просить твоей руки...

— Глупости!

— Это ничего, что онъ не такъ ужъ молодъ; онъ—человѣкъ почтенный и обезпеченный, онъ очень оцѣнилъ тебя, и вотъ..

Анна вдругъ громко заплакала и сказала громко:

— Отставьте меня въ покоѣ! Никогда я не выйду замужъ за Павла, ищите мнѣ Петра или Ивана!

— Что ты кричишь, Анюта? При чемъ тутъ Павелъ?

Но дѣвушка не отвѣчала, отвернувшись къ стеклу окна и продолжая плакать.

V.

Не съ веселымъ, но и не съ грустнымъ лицомъ объявила Анна Каролинѣ Ивановнѣ, что мѣсто она нашла. Удивленно та на нее посмотрѣла.

— Какъ же это, Анюта, такъ вдругъ, не посоветовалась, ничего?

— Такъ ужъ вышло, тетя! Въ саду разговорила я съ одной дамой,—такая милая и дѣти милья: мальчикъ и дѣвочка: Очень она мнѣ понравилась,—говорила Анна, глядя въ сторону.

— Что же это за госпожа, что съ вѣтру беретъ челоѣка къ дѣтямъ?

— Скачкова.

— Не слыхала!..

— Они недалско живутъ. Не понравится—вѣдь и уйти можно.

— Конечно; только это не очень хорошо—мѣста мѣнять. Гдѣ они живутъ-то? Пойти самой разузнать.

— Она такая милая, тетя, право!..

Тетка промолчала, думая о возможномъ бракѣ племянницы; та же ясно и отчетливо вспоминала смутныя минуты дня.

Войдя въ переднюю, она зорко посмотрѣла, пока горничная пошла за барыней, — нѣтъ ли гдѣ фуражки и сѣраго форменнаго пальто, но ся почти хозяйственный и влюбленный взглядъ видѣлъ только женскія и дѣтскія пальто и шубки, — одна съ дырочкой на синей подкладкѣ, откуда виднѣлась вата, — и рядъ калошъ. Барыня была вѣж-

лива и суха, нѣсколько удивленная визиту безъ публикацій.

— Я бы очень хотѣла у васъ жить, миѣ такъ нравятся ваши дѣти и все!—болтала Анна, окрыляемая чѣмъ-то.

Дама, усмѣхнувшись, спросила:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Деятнадцать.

— Уже? На видъ вы кажетесь моложе.

— Взрослыхъ — только вы и супругъ вашъ?

— Я живу одна съ дѣтьми: мой мужъ умеръ.

— Ахъ, умеръ!—воскликнула Анна, разочарованно.

Снова усмѣхнувшись, дама сухо сказала, показывая большую свѣтлую комнату:

— Спать вамъ придется съ дѣтьми. Павлуша, поздоровайся съ фрейлейнъ.

— Здравствуйте, Павлуша,—сказала дѣвушка, нагибаясь къ толстому мальчику.

— Зачѣмъ у тебя такой носъ?—спросилъ тотъ серьезно.

— Какой?

— Какъ у дяди Павла.

Придя домой, Анна вдругъ подумала, что Скачкова можетъ быть сестрой другого офи-

пера, и Павелъ Андреевичъ—не ея избранникъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ не былъ Подемъ, — отгоняла она докучныя сомнѣнiя и разсудительно сообразила, что молодые люди такъ неразлучны, что въ сущности не все ли равно, который—братъ ея госпожи.

VI.

Они являлись всегда вмѣстѣ: Павелъ Андреевичъ Долининъ и Петръ Алексѣевичъ Дурновъ — «Петръ и Павелъ», какъ ихъ звали, но «ея» офицеръ былъ дѣйствительно Поль. И когда она, случайно или намѣренно, открывала имъ двери, она замѣчала, куда положить фуражку Павелъ Андреевичъ, чтобы потомъ незамѣтно поцѣловать именно ее, ибо обѣ фуражки были съ одинаковымъ околышемъ и имѣли на тульѣ тѣ же П. Д.

Она не рѣшалась на него смотрѣть и только впивала его голосъ съ нѣкоторымъ недостаткомъ произношенiя. Когда однажды, кромѣ обычныхъ «здравствуйте», «прощайте», «какъ поживаете», онъ обратился къ

ней съ какимъ-то незначущимъ вопросомъ, она такъ смутилась, что ничего не могла отвѣтить. Она училась подражать его говору и была дѣтски рада, когда догадалась, въ чемъ секретъ: нужно было нѣсколько выставить языкъ изъ-за плотно сложенныхъ зубовъ и такъ говорить.

Однажды, забывшись, она такъ заговорила при другихъ. Варвара Андреевна озабоченно спросила:

— Что съ вами, фрейлейнъ? Отчего вы такъ странно говорите?

— Языкъ обожгла, — быстро отвѣтила Анна и съ возгласомъ «Павлуша плачетъ!» бросилась изъ комнаты, хотя не слышалось никакого плача.

VII.

Она рѣшилась. Она долго писала это письмо по ночамъ урывками, даже разными чернилами: синими—дѣтскими и рыжими—кухонными, трепеща, чтобы ее не застали за этимъ занятіемъ и вздрагивая отъ каждаго вздоха спящихъ дѣтей.

И теперь она время отъ времени нащупывала его въ своемъ карманѣ, разсѣянно

смотря на танцующихъ краковякъ, подбo-
ченясь и стуча каблуками, дѣтей и съ то-
скою думая о столовой, гдѣ пили чай теперъ
большіе.

Француженка говорила:

— Я очень довольна: за завтракомъ и
обѣдомъ даютъ красное вино; встаемъ не
рано; я въ 9 часовъ даю Жоржу двѣ кон-
феты и онъ опять засыпаетъ; когда холодно,
беру его себѣ въ постель вмѣсто грѣлки.
И monsieur такъ милъ. На-дняхъ онъ пода-
рилъ мыло, сказавъ: «вотъ мыло, m-me,
чтобы мыть шею». Мы такъ смѣялись, по-
тому что вы понимаете, что это значить?

Всѣ снова смѣялись, и Анна съ другими.
Она изображала и «зеркало» въ фантахъ,
и «морского льва», и пѣла высокимъ голо-
сомъ, разводя большими руками. Дѣти виз-
гливо смѣялись и лѣзли ей на голову. Под-
нявши глаза, она вдругъ увидѣла въ две-
ряхъ стоявшаго Павла Андреевича; громко
вскрикнувъ, она бросилась прямо въ перед-
нюю, прямо къ замѣченному раньше пальто,
быстро сунула смятое письмо въ карманъ и
вернулась. «Сдѣлано, сдѣлано, что-то бу-
детъ?»—стучало у нея въ головѣ.

Маленькій Павлуша, расшалившись, бро-
силъ въ чужую англичанку конфетой, и та

стояла въ негодованіи, молча вытирая липкій ликеръ съ лица и лифа.

Анна бросилась къ мальчику и, вмѣсто упрековъ, стала его мять, цѣлуя и шепча: «милый Поль, милый, милый!»—и мягкія пухлыя щеки ребенка, его мокрая губы казались ей другими: розовыми, крѣпкими, съ темнымъ пушкомъ и уже колючими усами.

VIII.

УЖЕ другое письмо шуршало у нея въ карманѣ, когда она, весело напѣвая, одѣвалась на вечеринку къ Побѣдину. Такое милое, такое вѣжливое, такое благородное было это письмо! Оно начиналось такъ: «Милый и прелестный другъ! Ваше искреннее признаніе было не только неожиданно, но и крайне лестно, не только лестно, но и трогательно»... Она знала его наизусть.

Каролина Ивановна не могла нахвалиться своей племянницей, помогавшей ей надѣть длинное собачье пальто, укутывавшей ее теплымъ платкомъ, смѣющейся и сіяющей.

За столомъ она говорила всѣмъ пріятныя вещи, даже привирала; расхваливала Лахту, гдѣ она никогда не бывала, какой-то лахтинской

жительницѣ, говорила какой-то старушкѣ, днемъ бывшей на похоронахъ, что у нея, Анны, на этомъ же кладбищѣ похоронена бабушка, хотя это было и невѣрно, пила рябиновку и наливки, не отказывалась отъ пирога съ сагой и копченаго сига, пѣла высокимъ голосомъ, опять разводя большими руками, и, наконецъ, громко расплакалась, когда хозяинъ подъ гитару запѣлъ, блестя лысиной, «Среди долины ровныя».

— Чувствительная дѣвица—ваша племянница, Анна Петровна! — говорилъ Павелъ Ефимовичъ, провожая Каролину Ивановну.— Чувствительная и утѣшительная,—добавилъ онъ, пожевавъ губами.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ!—кивала та головою, ища руками рукава собачьяго сапога и долго ихъ не находя.

«Милый и прелестный другъ! Ваше искреннее признаніе было не только неожиданно, но и лестно, не только лестно»... — твердила Анна, лежа въ постели и цѣлуя скомканную подушку.

Отвѣтъ уже на второе письмо получила Анна и еще послала, но самого его съ тѣхъ поръ не видала.

Со смутной тревогой прислушивалась она къ разговорамъ за столомъ, гдѣ говорили о скорой мобилизаціи, о странномъ желаніи Павла Андреевича и его друга отправляться добровольно на Дальній Востокъ, о близкомъ отъѣздѣ, разлукѣ.

Однажды, вернувшись отъ тетушки, она застала хозяйку разстроенной, ходящей по залу съ платкомъ въ рукѣ. Не снимая шапочки, она прошла въ дѣтскую и, вставъ передъ топившейся печкой, спросила у Павлуши:

— Дитя, что съ мамой?

— Что?—переспросилъ тотъ, не отрываясь отъ карточного домика.

— Что съ мамой? Она сердится, она плачетъ?

— За завтракомъ были картофельныя котлеты, мама ихъ не ѣла и плакала; она ихъ не любитъ, а дядя Павелъ уѣхалъ.

— Дядя Павелъ уѣхалъ?—молвила Анна, не чувствуя тепла топящейся печки за спиною.

— Уѣхалъ далеко, далеко! — съ увлеченіемъ рассказывалъ мальчикъ, — уѣхалъ драться. Когда онъ пріѣдетъ, онъ привезетъ мнѣ костяныхъ солдатъ и саблю...

— Не спрашивалъ онъ обо мнѣ, Павлуша, вспомни, не кланялся?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ разсѣяннo ребенокъ.

— Вспомни, дитя, вспомни! — настаивала дѣвушка.

Подумавъ, мальчикъ поднялъ съ улыбкой глаза и сказалъ опять:

— Нѣтъ, дядя Павелъ только велѣлъ мнѣ расти и не быть трусомъ, — и снова сталъ ставить пестрыя карты, легкія и неустойчивыя, одна къ другой. — Отчего вы не снимаете шапочки, фрейлейнъ? Вы куда-нибудь пойдете? — ласково спросилъ онъ, видя дѣвушку печальной.

— Сниму, — сказала она и пошла мимо зала, гдѣ госпожа ходила взадъ и впередъ, одна, со скомканнымъ платкомъ въ рукахъ.

— Вы знаете, фрейлейнъ, братъ уѣхалъ на войну? — громко сказала Варвара Андреевна.

— Да, мнѣ Павлуша сказывалъ, — отозвалась та, входя, и ждала съ трепетомъ, что прибавитъ госпожа, но та, походивъ и видя Анну ожидающей, замѣтила только:

— Когда Соня придетъ изъ школы, не забудьте перемѣнить ей чулки.

Х.

Долгимъ постомъ показалось Аннѣ время, пока она не узнала адреса Павла Андреевича, такого далекаго, такъ часто мѣняемаго; длинныя недѣли потомъ казались мигомъ, когда проходило время отъ письма до письма, какъ отъ вѣхи до вѣхи. Она сама ходила въ почтамтъ, такъ какъ писалось «до востребованія», и чиновникъ уже зналъ ее, заранѣе роясь въ пачкѣ и спрашивая ее: «Съ Дальняго Востока?»—«Да!»—отвѣчала она, краснѣя и чувствуя, что взоры другихъ обращаются на нее съ вопросомъ: «кто—это? жена, сестра, любовница?»

Такъ прошла зима, весна, лѣто и осень уже близка была заключить круглый годъ. Равно онѣ проходили для дѣвушки, всецѣло занятой письмами друга,—такими нѣжными, такими благородными,—дѣлающей аккуратно, но какъ бы автоматически, свое дѣло, веселой, кроткой, покорной, покорной даже до того, что она не отказывала наотрѣзъ своему искателю, Павлу Ефимовичу Побѣдину,

не говоря ни «да», ни «нѣтъ», живя въ сладкой и беззаботной неопредѣленности.

Наконецъ, настала Пасха для ся сердца: вернулся онъ и съ нимъ вернулись новыя мученья. Бывши однажды опять безъ нея у сестры, онъ не то заболѣлъ, не то поссорился со Скачковой, но пересталъ у нихъ бывать. Письма приходили все такъ же, и еще чаще, но, зная его такъ близко, Анна томилась желаніемъ видѣть его лицо, слышать голосъ, который, можетъ быть, прозвучитъ для нея тѣми же словами писемъ,—такими нѣжными, такими благородными.

И она рѣшилась сама пойти къ нему, храбрая любовью и сердечной простотою.

XI.

Хотя комната, куда ввели Анну, не отличалась особенно отъ видѣнныхъ ею у Скачковыхъ и ихъ знакомыхъ, но, случайно увидѣвъ себя въ зеркалѣ, дѣвушка показалась самой себѣ такой жалкой, смѣшной, ненужной въ этомъ свѣтломъ небольшомъ кабинетѣ.

Зная отъ денщика, что дома только Петръ Алексѣевичъ, Мейеръ, тѣмъ не менѣе, осталась, думая отъ него узнать новости о другомъ.

На столѣ лежалъ разорванный конвертъ, развернутое письмо и пачатый на него отвѣтъ. Узнавши сразу письмо за свое, Анна невольно пробѣжала глазами нѣсколько написанныхъ строкъ второго: «Милый и вѣрный другъ» и т. д.

«Какая небрежность—бросать такъ письма!»—хозяйственно и ревниво подумала Анна въ то время, какъ за нею раздавался голосъ Дурнова:

— Здравствуйте, дорогая фрейлейнъ...

Онъ покраснѣлъ, очевидно, догадавшись, что письма замѣчены, и въ смущеніи остановился. Дѣвушка, повернувшись къ нему, видѣла его въ первый разъ, не отвлекаемая Павломъ Андреевичемъ. Онъ былъ высокъ, бѣлокуръ, курносъ и свѣжъ,—ничего особеннаго,—тонокъ. Посадивъ Анну въ кресло, онъ началъ говорить самъ, будто посетительница пришла только за его словами. Запинаясь, онъ говорилъ:

— Вы справедливо изумлены, видя это письмо на моемъ столѣ. Я крайне виноватъ, передъ вами своимъ легкомысліемъ; повѣрьте, я такъ наказанъ вотъ уже этой минутой объясненія! Павелъ Андреевичъ ничего не знаетъ объ этой перепискѣ; письма писалъ всѣ я. Это была очень легкомысленная

шутка. Я очень виноватъ передъ вами; я надѣюсь, что вы также здраво смотрите на эту корреспонденцію. Я могу въ любое время вернуть вамъ ваши письма. Не сердитесь, ради Бога! Счастливо, что эта опрометчивость не повлекла за собой возможныхъ бѣдствій! Вотъ я вижу васъ спокойной и храброй—и это меня утѣшаетъ:

Онъ долго еще говорилъ о томъ же, и лицо дѣвушки съ неизгладимымъ сельскимъ румянцемъ было неподвижно, словно окаменѣлое. Когда онъ пересталъ говорить, она, будто очнувшись отъ сна, произнесла:

— Благодарю васъ...

— Помилуйте, это была моя обязанность заглядить вину этимъ признаніемъ, быть можетъ, даже запоздалымъ!...

— Я васъ благодарю не за него,—я васъ благодарю за письма. Для меня они были отвѣтами Павла Андреевича; они сдѣлали меня такъ надолго счастливой. Ваши слова мало измѣнили. И я васъ прошу, если вы получите письмо не на ваше имя, не откажитесь отвѣчать... какъ и прежде, — добавила она тихо.

— Письмо отъ васъ?

— Да, конечно. Вы отвѣтите?

— Да,—сказалъ онъ нѣсколько удивленно.

Она встала, прощаясь, и съ какой-то спокойной тоской обвела глазами комнату: диваны, столъ, занавѣски, фотографіи хозяевъ и друзей, старыя сабли, скрестившіяся надъ оттоманкой,—и вышла, не смотря въ зеркало.

ХІІ.

Анна была спокойна и подъ вѣнцомъ въ некрасивой парикмахерской прическѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ фатой и свѣчой въ рукахъ. Она казалась веселой и спокойной и за ужиномъ—простая, радушная и не стѣсняющаяся. Павелъ Ефимовичъ и Каролина Ивановна сіяли, видя свадьбу какъ слѣдуетъ, какъ у всѣхъ, и даже лучше, чѣмъ часто бываетъ.

Утромъ въ ночной кофточкѣ, оставя спящаго мужа въ спальнѣ, Анна прошла въ кухню и, сѣвъ за кухонный столъ, начала писать быстро, какъ ранѣе обдуманное: «Милый другъ, моя любовь къ вамъ остается непоколебимой...» Писала она, долго, временами вздыхая и сладко улыбаясь.

КУШЕТКА ТЕТИ СОНИ

Моей сестрѣ В. А. Мошковой.

Я Такъ долго стояла въ кладовой между старымъ хламомъ, что почти утратила воспоминанія моей молодости, когда вышитые на моей спинѣ турокъ съ трубой и пастушка съ собачкой, ищущей блохъ, поднявъ заднюю лапку, — блестя яркими красками, желтой, розовой и голубой, не запыленными и не потускнѣвшими; и теперь меня занимаютъ больше всего событія, свидѣтельницами которыхъ я оказалась передъ тѣмъ, какъ перейти снова, вѣроятно, уже въ безнадежно забвеніе. Меня обили новой шелковой матеріей цвѣта массака и, поставивъ въ проходную гостиную, бросили на мою ручку шаль съ яркими розами, будто какая-нибудь красавица, времянь моей юности, оставила ее, внезапно спугнутая съ нѣжнаго свиданья. Впрочемъ, эта шаль всегда лежала въ одномъ и томъ же положеніи, и, когда случай-

но генераль или сестра его, тетья Павла, слни-
гали ее, Костя, устраивавшій проходную
гостиную по своему вкусу, снова приводилъ
эту иѣжную пеструю ткань въ прежній
изысканно-небрежный, неподвижный видъ.
Тетья Павла протестовала противъ моего
извлеченія изъ кладовой, говоря, что на
мигъ умерла бѣдная Софи, что изъ за меня
разстроилась чья-то свадьба, что я приношу
несчастье семьѣ, но меня защищали не толь-
ко Костя и его пріятели-студенты и моло-
дые люди, но и самъ генераль сказалъ:

— Это все предразсудки, Павла Петров-
на! Если и было въ этой каракатицѣ какое-
нибудь волшебство, оно выдохлось въ кла-
довой за 60 лѣтъ; и потомъ она стоитъ на
такомъ проходѣ, что никто ни умирать, ни
дѣлать предложеній на ней не станетъ!

Хотя мнѣ не очень льстило названіе «ка-
ракатицы», и генераль оказался не дально-
виднымъ, но я водворилась въ проходной
гостиной съ зеленоватыми обоями, имѣя
напротивъ шкапикъ съ фарфоромъ, надъ
которымъ висѣло старое круглое зеркало,
смутно отражавшее рѣдкихъ моихъ посѣ-
тителей. У генерала Гамбакова, кромѣ се-
стры Павлы и сына Кости, жила еще дочь,
Настя, институтка

Сосѣдняя комната, выходя на западъ, пропускала въ мою гостиную длинныя лучи вечерняго солнца, задѣвавшіе какъ разъ шаль съ розами, которая блестѣла и играла тогда съ удвоенной прелестью. Теперь эти лучи ложились на лицо и платье Насти, сидѣвшей на мнѣ и казавшейся такой тоненькой, что было странно не видѣть тѣхъ же лучей сквозь нее на ея собесѣдникѣ, будто ея фигура была достаточная преграда румяному свѣту. Она говорила съ братомъ о затѣваемомъ на святкахъ спектаклѣ, гдѣ предполагали ставить дѣйствіе изъ «Эсѳири», но, казалось, мысли дѣвушки были далеки отъ предмета разговора. Костя замѣтилъ:

— Я думаю, Сережа намъ тоже могъ бы изобразить что-нибудь: онъ же достаточно хорошо произносить.

— Что жъ, Сергѣй Павловичъ будетъ одной изъ моихъ служанокъ, молодой израильтянкой?

— Зачѣмъ? Я терпѣть не могу *travesti*, хотя къ нему пошелъ бы женскій нарядъ.

— Иначе, кого же онъ будетъ играть?

Я поняла, что рѣчь идетъ о Сергѣѣ Павловичѣ Павиликинѣ, товарищѣ молодого

Гамбакова. Мнѣ онъ всегда казался незначительнымъ, хотя и очень красивымъ мальчикомъ. Коротко обстриженные темные волосы дѣлали болѣе полнымъ его круглое, безъ румянца, лицо; у него былъ хорошій ротъ и большіе свѣтло-сѣрые глаза. Высокій ростъ смягчалъ его нѣкоторую дородность, но онъ былъ очень тяжелъ, всегда на мнѣ разваливался и осыпалъ меня пепломъ поминутно куримыхъ имъ папирозъ съ очень длинными мундштуками, и разговоръ его былъ самый пустой. Бывалъ онъ у насъ каждый день, несмотря на неудовольствіе Павлы Петровны, не любившей его.

Барышня, помолчавъ, начала неувѣренно:

— Ты хорошо знаешь Навиликина, Костя?

— Вотъ вопросъ! Это же мой лучший другъ!

— Да?.. Развѣ это такъ ужъ долго, что вы—друзья?

— Съ этого года, какъ я поступилъ въ университетъ. Но развѣ это что-нибудь значить?

— Нѣтъ; я просто спросила, чтобы знать...

— Почему тебя интересуешь наша дружба?

— Я бы хотѣла знать, можно ли ему довѣрять... я бы хотѣла...

Костя перебилъ ее со смѣхомъ:

— Смотри потому, въ чемъ! Въ денеж-
ныхъ дѣлахъ не совѣтую!.. Впрочемъ, онъ
хорошій товарищъ и не скупъ, когда при
деньгахъ, но онъ бѣденъ...

Настя, промолчавъ, сказала:

— Нѣтъ, я совсѣмъ не о томъ, а въ
смыслѣ чувствъ, привязанности?

— Какія глупости! Чѣмъ набиваютъ го-
ловы у васъ въ институтахъ? Почему я
знаю!.. Ты влюбилась въ Серсжу, что ли?

Не отвѣчая, барышня продолжала:

— У меня къ тебѣ просьба: ты ее испол-
нишь?

— Насчетъ Сергѣя Павловича?

— Можетъ быть.

— Ну, ладно, хотя имѣй въ виду, что
онъ—не большой охотникъ возиться съ ва-
шимъ братомъ.

— Нѣтъ, Костя, ты мнѣ обѣщай!..

— Да, хорошо, сказалъ ужъ! Ну?

— Я скажу тебѣ вечеромъ,—промолвила
Настя, смотря въ бѣгающіе глаза брата, ка-
ріе, какъ и у нея, съ искрами.

— Вечеромъ, такъ вечеромъ, — безопасно
произнесъ молодой человѣкъ, вставая и по-
правляя шаль съ розами, которую освободила
тоже поднявшаяся дѣвица.

Но лучъ вечерняго солнца не заигралъ на

нѣжныхъ розахъ, такъ какъ Настя, выйдя въ сосѣдную комнату, стала у окна, такая же непроницаемая для румянаго свѣта, и такъ стояла тамъ, глядя на снѣжную улицу, пока не зажгли электричества.

* * *

Сегодня цѣлый день прямо нѣтъ покоя—такая бѣготня черезъ мою комнату! И къ чему это затѣваютъ спектакли—не понимаю? Рой какихъ-то дѣвицъ, молодыхъ людей; суетились, кричали, бѣгали, призывали какихъ-то мужиковъ что-то подпиливать; таскали мебель, подушки, матеріи; хорошо, что изъ проходной гостиной ничего не взяли и не унесли мою шаль! Наконецъ, все стихло и вдали заиграли на фортепьяно. Генераль и Павла Петровна вышли осторожно и сѣли рядомъ; старая дѣвица продолжала:

— Это будетъ семейное несчастье, если она его полюбитъ. Подумай, совѣтъ мальчишка и какой: безъ имени, безъ состоянія, ничѣмъ не выдающійся!..

— Я думаю, ты очень преувеличиваешь; я ничего не замѣтилъ...

— Развѣ мужчины замѣчаютъ подобныя вещи? Но я, во всякомъ случаѣ, до конца буду противъ этого!

— Я думаю, что дѣло и не дойдетъ до того, чтобы быть за или противъ.

— Онъ же совершенно безнравственъ: ты знаешь, что о немъ говорятъ? Я увѣрена, что и Костю портитъ онъ. Настя — ребенокъ, она не можетъ ничего понять, — горячилась старая дама.

— Ну, матушка, про кого не говорятъ? Послушала бы ты сплетни про Костю! Да я не знаю, не правда ли отчасти эти басни? Это меня не касается. Отъ сплетенъ защититъ развѣ только возрастъ, — вотъ какъ нашъ съ тобой!..

Навла Петровна густо покраснѣла и замѣтила коротко:

— Ты какъ хочешь; вотъ я тебя предупредила, но я и сама буду на-сторожѣ: Настя и мнѣ не чужая!

Гутъ вошла сама Настя, уже въ костюмѣ: голубомъ, съ желтыми полосами и желтой чалмѣ.

— Папа,—торопливо заговорила она генералу,—отчего вы не смотрите рептиции?—и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:— не дашь ли ты свой перстень нашему царю: тамъ такой громадный изумрудъ!

— Вотъ этотъ? — спросилъ удивленно старикъ, показывая старинный, рѣдкой ра-

боты, перстень съ темнымъ изумрудомъ, величиною съ крупный крыжовникъ.

— Ну, да! — беззаботно отвѣчала барышня.

— Настя, ты сама не знаешь, чего просишь!—вступилась тетка,—фамильное кольцо, съ которымъ Максимъ не разстается никогда, отдать на вашу суматоху, гдѣ вы его живо потеряете? Ты знаешь, что отецъ его никогда не снимаетъ!

— На одинъ или два раза; куда же онъ дѣнется изъ комнатъ, если и спадетъ съ пальца?

— Нѣтъ, Максимъ, я положительно тебѣ не позволяю его снимать!

— Видишь, тетя Павла мнѣ не разрешаетъ!—со смущеннымъ смѣхомъ сказала генераль.

Настя ушла недовольно безъ кольца, а Павла Петровна начала утѣшать брата, жалѣвшаго опечалившуюся дѣвушку.

Снова поднялся шумъ, бѣготня, раздѣванье, прощанье.

Господинъ Павиликинъ оставался у насъ долго. Когда онъ съ Костей вышелъ въ мою комнату, было уже около четырехъ часовъ утра. Остановившись, они поцѣловались на прощанье. Сергѣй Павловичъ смущенно говорилъ:

— Ты не можешь представить, Костя, какъ я радъ! но мнѣ такъ неприятно, что это вышло именно сегодня, послѣ того, какъ ты мнѣ далъ эти деньги! Ты можешь подумать чортъ знаетъ какую гадость...

Костя, блѣдный и счастливый, со смятой прической, опять поцѣловалъ его, говоря:

— Ничего я не подумаю, чудакъ ты этакій! Это просто совпаденіе, случай возможный со всякимъ.

— Да, но такъ неловко, такъ неловко...

— Брось, пожалуйста, весной отдашь...

— Мнѣ до зарѣзу нужны были эти 600 рублей...

Костя уже молчалъ. Постоявъ, онъ сказалъ:

— Ну, до свиданья. Завтра вмѣстѣ на «Мапон».

— Да, да!..

— А не съ Петей Климовымъ?

— О, *tempi passati!* До свиданья!

— Тише затворяй двери и не стучи, проходя мимо спальни тети Пявлы: она не видѣла, какъ ты вернулся, и не долюбливаетъ тебя. До свиданья!

Молодые люди простились еще разъ; было, какъ я уже сказала, около четырехъ часовъ утра.

* * *

НЕ снимая послѣ прогулки мѣховой шляпы съ розанами, Настя присѣла на край стула, между тѣмъ какъ ея кавалеръ продолжалъ ходить по комнатѣ съ чуть покраснѣвшими отъ мороза щеками. Дѣвушка легко и весело говорила, но слышалось какое-то безпокойство за этимъ щебетаньемъ.

— Мы отлично проѣхались! Такъ приятно: морозъ и солнце! Я обожаю набережную!...

— Да.

— Я страшно люблю ѣздить на лошадахъ, особенно верхомъ; лѣтомъ я цѣлыми днями пропадаю на такихъ прогулкахъ. Вы не были у насъ въ «Святой Кручѣ»?

— Нѣтъ. Я предпочитаю автомобили.

— У васъ дурной вкусъ... Вѣдь вы знаете «Святая Круча», и «Алексѣевское», и «Льговка», это—все мое, личное; я очень богатая невѣста. Потомъ тетушка Павла Петровна дѣлаетъ меня единственной наследницей. Видите,—я вамъ совѣтую подумать.

— Гдѣ ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ!

— Откуда у васъ такія поговорки приказчицы?

Сергея, пожавъ плечами, продолжалъ ходить, не останавливаясь. Барышня начинала раза два щебетать все короче и короче, какъ испорченная игрушка, наконецъ, умолкла и, когда снова раздался ее голосъ, онъ былъ уже тихій и грустный. Не снимая шляпы, она сѣла глубже и говорила въ потемнѣвшей комнатѣ, будто жаловалась сама себѣ:

— Какъ давно былъ нашъ спектакль!.. Помните? Вашъ выходъ... Какъ много измѣнилось съ тѣхъ поръ! Вы сами уже не тотъ, и я, и всѣ... Я васъ тогда еще такъ мало знала. Вы не можете представить, какъ я васъ понимаю, гораздо лучше, чѣмъ Костя! Вы не вѣрите? Зачѣмъ вы представляетесь недогадливымъ? Вамъ доставило бы удовольствіе, если бы я сама сказала то, что считается унизительнымъ для женщины говорить первой? Вы меня мучите, Сергѣй Павловичъ!

— Вы страшно все преувеличиваете, Настасья Максимовна: и мою непонятливость, и мое самолюбіе и, можетъ быть, ваше отношеніе ко мнѣ...

Она встала и сказала беззвучно:

— Да? Можетъ быть...

— Вы уходите? — встрепенулся онъ.

— Да, нужно переодѣться къ обѣду. Вы обѣдаете не у насъ?

— Да, я обѣдаю въ гостяхъ.

— Съ Костей?

— Нѣтъ. Почему?

Она не уходила, стоя у стола съ журналами.

— Вы зайдете къ нему?

— Нѣтъ, я сейчасъ ѣду.

— Да? Ну, до свиданья! А я васъ люблю, вотъ!—вдругъ добавила она, отворачиваясь. Видя, что онъ молчитъ въ темнотѣ, скрывавшей его лицо, она быстро произнесла будто смѣющимся голосомъ: — ну, что же, вы довольны?

— Развѣ это вы находите подходящимъ словомъ? — сказалъ онъ, наклоняясь къ ея рукѣ.

— До свиданья... Теперь уходите,—молвила она, проходя въ другую комнату.

Ссрежа зажегъ свѣтъ и пошелъ къ комнатѣ Кости, весело напѣвая что-то.

*
**

Генераль вошелъ въ большомъ волненіи, держа газету въ рукахъ; Павла Петровна, шурша шелковымъ чернымъ платьемъ, быстро слѣдовала за нимъ.

— Успокойся, Максимъ! Теперь это такъ часто бываетъ, почти привыкаешь. Конечно, это ужасно, но что же дѣлать? Противъ рожна, какъ говорятъ, не попрешь...

— Нѣтъ, Павла, я не могу примириться: одна фуражка осталась, и кровавая, съ мозгами, каша на стѣнѣ. Бѣдный Левъ Ивановичъ!

— Не думай объ этомъ, братъ? Завтра мы отслужимъ панихиду въ «Удѣлахъ». Не думай, побереги себя: у тебя у самого дочь и сынъ.

Генералъ, красный, опустился на меня, выронивъ газету; старая дама, быстро поднявъ ее и положивъ подальше отъ брата, начала быстро о другомъ:

— Ну, что же, ты нашелъ кольцо?

Генералъ снова затревожился:

— Нѣтъ, нѣтъ! Еще и это меня страшно беспокоитъ.

— Когда ты помнишь его послѣдній разъ?

-- Я сегодня утромъ показывалъ его здѣсь, на этой самой кушеткѣ, Сергѣю Павловичу: онъ очень былъ заинтересованъ... Потомъ я соснулъ; когда я проснулся, я помню, что кольца уже не было...

— Ты его снималъ?

— Да...

— Это не благоразумно съ твоей стороны! Помимо денежной цѣнности, оно безцѣнно, какъ фамильная вещь.

— Это прямо предвѣстіе несчастій.

— Будемъ надѣяться, что смерть Льва Ивановича достаточно несчастное извѣстіе, чтобы исчерпать всю бѣду.

Генераль завздыхалъ снова. Павла Петровна не удержалась, чтобы не начать:

— Не взялъ ли его Павиликинъ съ собою? Отъ него станется!

— Зачѣмъ? Разсмотрѣть? Такъ онъ его и такъ хорошо видѣлъ и спрашивалъ, сколько за него давали антиквары и все прочее.

— Могъ и такъ, просто, взять.

— То-есть, своровалъ, по-твоему?

Павла Петровна не успѣла отвѣтить, потому что въ разговоръ вступила Настя, быстро и взволнованно вошедшая въ комнату.

— Папа!—громко заговорила она:—Сергѣй Павловичъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе; надѣюсь, ты не противъ?

— Не теперь, не теперь!—замахалъ на нее руками генераль.

— Отчего? Что за сроки? Ты его достаточно хорошо знаешь,—сказала Настя и покраснѣла.

Павла Петровна встала, говоря:

— Я тоже имѣю голосъ и протестую вообще противъ такого соединенія, а во всякомъ случаѣ требую, чтобы вопросъ былъ отложенъ, пока не найдется кольцо Максима.

— Какое отношеніе имѣетъ папино кольцо къ моему жениху? — спросила дѣвушка надменно.

— Мы думаемъ, что перстень у Сергѣя Павловича.

— Вы думаете, что онъ сдѣлалъ кражу?

— Да, въ такомъ родѣ.

Настя повернулась къ генералу и, не отвѣчая теткѣ, сказала:

— Ты тоже вѣрнись этой баснѣ?

Отецъ молчалъ, еще болѣе красный.

Дѣвушка обратилась снова къ Павлѣ:

— Зачѣмъ вы становитесь между нами? Вы ненавидите Сережу, Сергѣя Павловича, и выдумываете всякій вздоръ! Вы ссорите отца съ Костей. Что вамъ отъ насъ надо?

— Настасья, не дерзи, не смѣй! — говорилъ отецъ, задыхаясь.

Настя его не слушала.

— Что ты бѣсишься? Почему ты не можешь потерпѣть до выясненія этой исторіи? Это принципиально, ты понимаешь?

— Я понимаю, что моего жениха не смѣютъ даже подозрѣвать ни въ чемъ подобномъ! — кричала Настя; генераль сидѣлъ молча, все краснѣя.

— Ты боишься правды?

— Правда можетъ быть только одна, и я ее знаю. И совѣтую вамъ не противиться нашему браку: вамъ же хуже будетъ!

— Ты думаешь?

— Я знаю!

Павла пристально посмотрѣла на нее.

— Развѣ нужно торопиться?

— Какая пошлость! Костя! — бросилась Настя къ вошедшему студенту:—Костя, милый, будь судьбою! Миѣ дѣлаетъ предложеніе Сергѣй Павловичъ, и отецъ, весь подъ вліяніемъ тети Павлы, не соглашается, пока не выяснится вопросъ, гдѣ его перстень.

— Чортъ знаетъ, что такое! Что жъ, вы Павиликина обвиняете въ кражѣ?

— Да! —злбно заговорила старая дама.— Ты, конечно, за него заступишься, ты купишь этотъ перстень. Я тоже кое-что знаю и про тебя! Отъ меня слышно, какъ скрипятъ двери, выпуская твоего друга, и что при этомъ говорится. Будь благодаренъ что я молчу!

Я никогда въ жизни не слышала такого скандала, такой руготни. Костя стучалъ кулакомъ, оралъ; Павла взывала къ почтенію къ старшимъ; Настя говорила истерически... Но вдругъ всё смолкли, потому что всё голоса, крики и шумъ покрылъ нечеловѣческой звукъ, изданный вдругъ поднявшимся и до сихъ поръ молчавшимъ генераломъ. Потомъ онъ грузно опустился, красно-синій, и захрипѣлъ. Павла бросилась къ нему:

— Что съ тобой? Максимъ, Максимъ?

Генералъ только хрипѣлъ, ворочая бѣлками, синій.

— Воды! воды! Онъ умираетъ, ударъ!— шептала тетка, но Настя отстранила ее словами:

— Пустите, я сама разстегну ему воротъ! — и опустилась на колѣни передо мною.

* * *

Даже въ проходную гостиную проникалъ запахъ ладана и церковное пѣніе съ панихидъ по старому генералу. Временами мнѣ казалось, что это отпѣваютъ меня. Ахъ, какъ недалеко я была отъ истины!

Когда молодые люди вошли, Павликинъ продолжалъ начатый разговоръ:

— И вотъ сегодня я получилъ отъ Павлы Петровны слѣдующую записку,—и, вынувъ изъ кармана письмо, онъ прочелъ вслухъ:

— «М. Г. Сергѣй Павловичъ! По причинамъ, которыхъ, думается, нѣтъ надобности вамъ объяснять, я нахожу ваши визиты въ настоящіе, столь тяжелые для нашей семьи, дни излишними, и, надѣюсь, вы не откажетесь согласовать ваше поведеніе съ нашимъ общимъ желаніемъ. Будущее покажетъ само возможность прежнихъ отношеній, но, могу васъ увѣрить, что Анастасія Максимовна, племянница моя, въ данномъ случаѣ вполне солидарна со мною. Примите и пр.»

Онъ поглядѣлъ вопросительно на Костю, который замѣтилъ ему:

-- Знаешь, тетя по своему права, и я не знаю, какъ вообще отвѣтить тебѣ сестра.

— Но, согласись, такія ничтожныя причины!..

— Г.-е. смерть папы?

— Да, но вѣдь я же не виновенъ въ ней!

— Конечно... Я читалъ недавно ту сказку изъ 1001 ночи, гдѣ человекъ бросалъ косточки финиковъ,—занятіе вполне невинное, — и, попавъ въ глазъ сыну Духа, навлекъ на себя рядъ бѣдствій. Кто можетъ напередъ разсчитать послѣдствія мелочей?

— Но съ тобой-то мы будемъ видѣться?

— О, безъ сомнѣнья! Я теперь не буду жить съ нашими и всегда тебѣ радъ. Это прочнѣе, чѣмъ влюбленность институтки.

— И не боится финиковыхъ косточекъ?

— Вотъ именно...

Сережа обнялъ молодого Гамбакова, и они вмѣстѣ вышли изъ комнаты. Больше я не видала Павликина, какъ и вообще уже мало видѣла людей, бывавшихъ въ эти дни моего послѣдняго почта.

* * *

Раннимъ утромъ пришли мужики въ сапогахъ и, спросивши у Павлы Петровны: «вотъ эту?», принялись меня поднимать. Старшій все допытывался, нѣтъ ли чего еще продажнаго, но, получивъ отрицательный отвѣтъ, пошелъ за другими.

Когда меня поворачивали, чтобы пронести въ дверь, что-то стукнуло объ полъ, уже лишенный по случаю близкаго лѣта ковровъ. Одинъ изъ несшихъ, поднявъ упавшій предметъ, подалъ его старой дамѣ, говоря:

— Вотъ колечко-съ! Какъ-нибудь обронить на кушеточкѣ изволили, оно за обивку и закатилось.

— Хорошо. Благодарствуй!— сказала, поблѣдивъ, тетя Павла, и, поспѣшно опустивъ кольцо съ изумрудомъ, какъ крупный крыжовникъ, въ свой ридикюль, вышла изъ комнаты.

КРЫЛЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ нѣсколько опустѣвшемъ подь утро вагонъ становилось все свѣтлѣе; черезъ запотѣвшія окна можно было видѣть почти ядовито-яркую, несмотря на конецъ августа, зелень травы, размокшія дороги, телѣжки молочницъ передъ закрытымъ шлагбаумомъ, будки сторожей, гуляющихъ дачницъ подь цвѣтными зонтиками. На частыхъ и однообразныхъ станціяхъ въ вагонъ набирались новые мѣстные пассажиры съ портфелями, и было видно, что вагонъ, дорога,—для нихъ не эпоха, ни даже эпизодъ жизни, а обычная часть дневной программы, и скамейка, гдѣ сидѣлъ Николай Ивановичъ Смуровъ съ Ваней, казалась наиболѣе солидной и значительной изъ всего вагона. И крѣпко завязанные чемоданы, ремни съ подушками, сидѣвшій напротивъ старый господинъ съ

длинными волосами и съ вышедшей изъ моды сумкой черезъ плечо,—все говорило о болѣе продолжительномъ пути, о менѣе привычномъ, болѣе дѣлающемъ эпоху путешествіи.

Глядя на красноватый лучъ солнца, мелькавшій неровнымъ заревомъ черезъ клубы локомотивнаго пара, на поглупѣвшее лицо спящаго Николая Ивановича, Ваня вспомнилъ скрипучій голосъ этого же брата, говорившаго ему въ передней тамъ, далеко, «дома»: «денегъ тебѣ отъ мамыши ничего не осталось; ты знаешь, мы и сами не богаты, но, какъ брату, я готовъ тебѣ помочь; тебѣ еще долго учиться, къ себѣ я взять тебя не могу, а поселю у Алексѣя Васильевича, буду навѣщать; тамъ весело, много нужныхъ людей можно встрѣтить. Ты старайся; мы сами бы съ Наташей рады тебя взять, но рѣшительно невозможно; да тебѣ и самому у Казанскихъ будетъ веселѣй: тамъ вѣчно молодежь. За тебя я буду платить; когда раздѣлимся—вычту». Ваня слушалъ, сидя на окнѣ въ передней и глядя, какъ солнце освѣщало уголь сундука, полосатія, сѣрыя съ лиловатымъ, брюки Николая Ивановича и крашеный полъ. Смысла словъ онъ не старался уловить, думая, какъ умирала мама, какъ вдругъ весь домъ наполнился какими-

то, прежде чужими и теперь ставшими необыкновенно близкими, бабами, вспоминая хлопоты, панихиды, похороны, и внезапную пустоту и пустынную послѣ всего этого, и, не смотря на Николая Ивановича, онъ говорилъ только машинально: «да, дядя Коля»,—хотя Николай Ивановичъ и не былъ дядя, а только двоюродный братъ Вани.

И теперь ему казалось страннымъ ѣхать вдвоємъ съ этимъ все-таки совсѣмъ чужимъ ему человѣкомъ, быть такъ долго близко къ нему, разговаривать о дѣлахъ, строить планы. И онъ былъ нѣсколько разочарованъ, хотя и зналъ это раньше, что въ Петербургъ вѣѣзжаютъ не сразу въ центръ дворцовъ и большихъ стросній при народѣ, солнцѣ, военной музыкѣ, черезъ большую арку, а тянутся длинные огороды, видные черезъ сѣрые заборы, кладбища, издали казавшіяся романтическими рощами, шестиэтажные промозглые дома рабочихъ среди деревянныхъ развалюшекъ, черезъ дымъ и копоть. «Такъ вотъ онъ.—Петербургъ!»—съ разочарованіемъ и любопытствомъ думалъ Ваня, смотря на непривѣтливыя лица носильщиковъ.

— Ты прочиталъ, Костя,—можно?— про-

говорила Анна Николаевна, вставая изъ-за стола и беря длинными, въ дешевыхъ кольцахъ, несмотря на утренній часъ, пальцами пачку русскихъ газетъ отъ Константина Васильевича.

— Да; ничего интереснаго.

— Что же можетъ быть интереснаго въ нашихъ газетахъ? Я понимаю—за границей! Тамъ все можно писать, отвѣчая за все же, въ случаѣ надобности, передъ судомъ. У насъ же нѣчто ужасное,—не знаешь чему вѣрить. Донесенія и сообщенія отъ правительства—невѣрны или ничтожны, внутренней жизни, кромѣ растраты,—никакой, только слухи специальныхъ корреспондентовъ.

— Но вѣдь и за границей только сенсационные слухи, при чемъ за вранье перель закономъ не отвѣчаютъ.

Кока и Боба лѣниво болтали ложками въ стаканахъ и ѣли хлѣбъ съ плохимъ масломъ.

— Ты куда сегодня, Ната? много дѣла?—спрашивала Анна Николаевна нѣсколько дѣланнымъ тономъ.

Ната,—вся въ веснушкахъ, съ вульгарно припухлымъ ртомъ, рыжевсая, —что-то отвѣчала сквозь набитый булкою ротъ. Дядя

Костя, проворовавший кассиръ какого-то темнаго клуба, послѣ выхода изъ заключенья жившій безъ мѣста и дѣлъ у брата, возмущался процессомъ о хищеньи.

— Теперь, когда все просыпается, нарождаются новыя силы, все пробуждается, — горячился Алексѣй Васильевичъ.

— Я вовсе не за всякое пробужденіе; напримѣръ, тетку Сошну я предпочитаю спящей.

Приходили и уходили какіе-то студенты и просто молодые люди въ пиджакахъ, обмѣниваясь впечатлѣніями о только что бывшихъ скачкахъ, почерпнутыми изъ газетъ; дядя Костя потребовалъ водки; Анна Николаевна, уже въ шляпѣ, натягивая перчатки, говорила о выставкѣ, косясь на дядю Костю, который наливалъ рюмки слегка дрожащими руками, и, поводя добрыми красноватыми глазами, говорилъ: «Забастовка, други мои, это знаете, это, знаете»...

— Ларіонъ Дмитріевичъ! — доложила прислуга, быстро проходя въ кухню и забирая по пути подносъ со стаканами и запачканную смятую скатерть.

Ваня отвернулся отъ окна, гдѣ онъ стоялъ, и увидѣлъ входящую въ дверь хорошо знакомую длинную фигуру, въ мѣши-

коватомъ платьѣ, — Ларіона Дмитріевича Штрупа

Ваня сталъ причисляться и съ нѣкоторыхъ поръ заниматься своимъ туалетомъ. Разсматривая въ небольшое зеркало на стѣнѣ свое отраженіе, онъ безучастно смотрѣлъ на нѣсколько незначительное круглое лицо съ румянцемъ, большіе сѣрые глаза, красивый, но еще дѣтски припухлый ротъ и свѣтлыя волосы, которые, не остриженные коротко, слегка кудрявились. Ему ни нравился, ни не нравился этотъ высокій и тонкій мальчикъ въ черной блузѣ съ тонкими бровями. За окномъ виднѣлся дворъ съ мокрыми плитами, окна противоположнаго флигеля, разносчики со спичками. Былъ праздникъ, и всѣ еще спали. Вставши рано по привычкѣ, Ваня сѣлъ къ окну дожидаться чая, слушая звонъ ближайшей церкви и шорохъ прислуги, убиравшей сосѣднюю комнату. Онъ вспомнилъ праздничныя утра тамъ, «дома», въ старомъ уѣздномъ городкѣ, ихъ чистыя комнатки съ кисейными занавѣсками и лампы, обѣдню, пирогъ за обѣдомъ, все простое, свѣтлое и милое, и ему стало скучно отъ дождливой погоды, шарманокъ на дво-

рахъ, газетъ за утреннимъ часемъ, сумбурной и несуетной жизни, темныхъ комнатъ.

Въ дверь заглянулъ Константинъ Васильевичъ, иногда заходившій къ Ванѣ.

— Ты одинъ, Ваня?

— Да, дядя Костя. Здравствуйте! А что?

— Ничего. Чаю ожидаешься?

— Да. Тети еще не встала?

— Встала, да не выходитъ. Злитса, вѣрно, денегъ нѣтъ. Это первый признакъ: какъ два часа сидитъ въ спальнѣ,—значить, денегъ нѣтъ. И къ чему? Все равно вылѣзать придется.

— Дядя Алексѣй Васильевичъ много получаетъ? Вы не знаете?

— Какъ придется. Да и что значить «много»? Для человѣка денегъ никогда не бываетъ много.

Константинъ Васильевичъ вздохнулъ и помолчалъ; молчалъ и Ваня, смотря въ окно.

— Что я у тебя хочу спросить, Иванушка,— началъ опять Константинъ Васильевичъ, — нѣтъ ли у тебя свободныхъ денегъ до среды, я тебѣ тотчасъ въ среду отдамъ?

— Да откуда же у меня будутъ деньги? Нѣтъ, конечно.

— Мало ли откуда? Можетъ дать кто...

— Что вы, дядя! Кто же мнѣ будетъ давать?

— Такъ, значить, нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Плохо дѣло!

— А вы сколько желали бы имѣть?

— Рублей пять, не много, совсѣмъ не много, снова оживился Константинъ Васильевичъ — Можетъ, найдутся, а? Только до середины!

— Нѣтъ у меня пяти рублей.

Константинъ Васильевичъ посмотрѣлъ разочарованно и хитро на Ваню и помолчалъ. Ванѣ сдѣлалось еще тоскливѣе.

— Что жъ дѣлать-то? Дождикъ еще идетъ... Вотъ что, Иванушка, попроси денегъ для меня у Ларіона Дмитріевича.

— У Штрупа?

— Да, попроси голубчикъ!

— Что жъ вы сами не попросите?

— Онъ мнѣ не дастъ.

— Почему же вамъ не дастъ, а мнѣ дастъ.

— Да ужъ дастъ, повѣрь; пожалуйста, голубчикъ, только не говори, что для меня; будто для тебя самого нужно 20 рублей.

— Да вѣдь 5 только?!

— Не все ли равно сколько просить? Пожалуйста, Ваня!

— Ну, хорошо. А если онъ спроситъ зачѣмъ мнѣ?

— Онъ не спроситъ, онъ — умница.

— Только вы ужъ сами отдавайте, смотрите.

— Не премину, не премину.

— А почему вы думаете, дядя, что Штрупъ мнѣ дастъ денегъ?

— Такъ ужъ думаю!—И, улыбаясь, сконфуженный и довольный, Константинъ Васильевичъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Ваня долго стоялъ у окна, не оборачиваясь и не видя мокраго двора, и когда его позвали къ чаю, раньше, чѣмъ войти въ столовую, онъ еще разъ посмотрѣлъ въ зеркало на свое покраснѣвшее лицо съ сѣрыми глазами и тонкими бровями.

НА греческомъ Николаевъ и Шнилевскій все время развлекали Ваню, вертясь и хихикая на передней партѣ. Передъ каникулами занятія шли кое-какъ, и маленькій старѣющій учитель, сидя на ногѣ, говорилъ о греческой жизни, не спрашивая уроковъ; окна были открыты и виднѣлись верхушки зеленѣющихъ деревьевъ и красный корпусъ какого-то зданія. Ванѣ все больше и боль-

ше хотѣлось изъ Петербурга на воздухъ, куда-нибудь подальше. Мѣдная ручки дверей и оконъ, плевательницы, все ярко вычищеннос, карты по стѣнамъ, доска, желтый ящикъ для бумагъ, то стриженные, то кудрявые затылки товарищей — казались ему невыносимыми.

— Сикофанты-доносчики, шпионы, буквально—показыватели фигъ; когда былъ еще запрещенъ вывозъ изъ Аттики этихъ продуктовъ подъ страхомъ штрафа, эти люди, шантажисты, по нашему, показывали подозрѣваемому изъ-подъ плаща фигу въ видѣ угрозы, что въ случаѣ если онъ не откупится отъ нихъ...—И Даніилъ Ивановичъ, не сходя съ кафедры, показывалъ жестами и мимикой и доносчиковъ, и оклеветанныхъ, и плащъ и фигу; потомъ, сорвавшись съ мѣста, ходилъ по классу, озабоченно повторяя что-нибудь одно и то же, въ родѣ: «Сикофанты,... да, сикофанты... да, господа, сикофанты», придавая различные, но совершенно неожиданные для даннаго слова оттѣнки.

«Сегодня постараюсь спросить у Штрупа денегъ»,—думалъ Ваня, глядя въ окно.

Шпилевскій, окончательно красный, поднялся съ парты:

— Что это Николаевъ ко мнѣ пристаесть?!

— Николаевъ, зачѣмъ вы пристаеете къ Шпилевскому?

— Я не пристаю.

— Что же вы дѣлаете?

— Я его щекочу.

— Садитесь. А вамъ, г-нъ Шпилевскій, совѣтую быть болѣе точнымъ въ словоупотребленіи. Принимая въ соображеніе, что вы не женщина, приставать къ вамъ г-нъ Николаевъ не можетъ, будучи юношей уже на возрастѣ и понятій достаточно ограниченыхъ.

— Я Ставлю вопросъ такъ: хочешь работатать—работай, не хочешь—не работай!—говорила Анна Николаевна съ такимъ видомъ, будто интересъ всего міра сосредоточенъ на томъ, какъ она ставитъ вопросъ. Въ гостиной, уставленной вдоль и поперекъ стильной мебелью въ видѣ сидячихъ ваннъ, купальныхъ креселъ и ящиковъ для бумагъ, было шумно отъ четырехъ женскихъ голосовъ: Анны Николаевны, Наты, сестеръ Шпейеръ—художницъ.

— Этотъ шкафъ я очень люблю, но ска-

мейка меня не привлекаетъ. Я бы всегда предпочла шкафъ.

— Даже если бъ нужна была мебель для сидѣнья?

— Негодуютъ на заваленность работой прислуги: она больше гуляетъ, чѣмъ мы! Иногда я днями не выхожу изъ дому, а нашей Аннушкѣ сколько разъ приходится сходить въ лавку, — мало ли за чѣмъ, за хлѣбомъ, за сапогами. И притомъ общенье съ людьми громадное. Я нахожу жалобы всѣхъ жалѣльчиковъ очень преувеличенными.

— Представьте, онъ позируетъ съ такимъ настроеніемъ, что ученицы боятся сидѣть близко. Притомъ интереснѣйшая личность: русскій цыганъ изъ Мюнхена; былъ въ гимназіи, въ балетѣ, въ натурщикахъ; о Штукѣ сообщаетъ презанятныя подробности.

— На розовомъ фулярѣ это будетъ слишкомъ ярко. Я бы предпочла блѣдно-зеленый.

— Объ этомъ нужно спросить у Штрупа.

— Но вѣдь онъ вчера уѣхалъ, Штрупъ, несчастныя!—закричала старшая Шпейеръ.

— Какъ, Штрупъ уѣхалъ? Куда? зачѣмъ?

— Ну, ужъ этого я вамъ не могу сказать: по обыкновенію—тайна.

Отъ кого вы слышали?

— Да отъ него же и слышала; говорить, недѣли на три.

— Ну, это еще не такъ страшно!

— А сегодня еще Ваня Смуровъ спрашивалъ, когда будетъ у насъ Штрупъ.

— А ему-то на что?

— Не знаю, дѣло какое-то.

— У Вани со Штрупомъ?—Вотъ оригинально!

— Ну, Ната, намъ пора,—старалась зашебетать Анна Николаевна, и обѣ дамы, шурша юбками, удалились, увѣренныя, что онѣ очень похожи на свѣтскихъ дамъ романовъ Прево и Онэ, которые онѣ читади въ переводѣ.

Въ апрѣлѣ былъ поднятъ вопросъ о дачѣ. Алексѣй Васильевичъ долженъ былъ часто, почти сжедневно бывать въ городѣ; Кока съ Бобой также, и планы Анны Николаевны и Наты относительно Волги висѣли въ воздухѣ. Колсбались между Теріоками и Се-строрѣцкомъ, но, независимо отъ мѣста дачи, всѣ заботились о лѣтнихъ платьяхъ. Въ раскрытыя окна летѣла пыль и слышался шумъ ѣзды и звонки конокъ.

Готовить уроки, читать Ваня уходилъ

иногда въ Лѣтній садъ. Сидя на крайней дорожкѣ къ Марсову полю, положивъ раскрытую желто-розовую книжку изданій Тейбнера обложкой вверхъ, онъ смотрѣлъ, слегка еще выросшій и поблѣднѣвшій отъ весенняго загара, на прохожихъ въ саду и по ту сторону Лебяжей канавки. Съ другого конца сада доносился смѣхъ дѣтей, играющихъ на Крыловской площадкѣ, и Ваня не слышалъ, какъ заскрипѣлъ песокъ подъ ногами подходившаго Штрупа.

— Занимаетесь?—проговорилъ тотъ, опускаясь на скамью рядомъ съ Ваней, думавшимъ ограничиться поклономъ.

— Занимаюсь; да, знаете, такъ все это надоѣло, что просто ужасъ!.

— Что это, Гомеръ?

— Гомеръ. Особенно этотъ греческій!

— Вы не любите греческаго?

— Кто же его любитъ?—улыбнулся Ваня.

— Это очень жаль!

— Что это?

— Что вы не любите языковъ.

— Новые я, ничего, люблю, можно прочитать что-нибудь, а по-гречески кто же будетъ ихъ читать, допотопность такую?

— Какой вы мальчикъ, Ваня. Цѣлый міръ, міры, для васъ закрыты; притомъ міръ кра-

соты, не только знать, но любить которой — основа всякой образованности.

— Можно читать въ переводахъ, а столько времени учить грамматику?!

Штрупъ посмотрѣлъ на Ваню съ безконечнымъ сожалѣніемъ.

— Въмѣсто человѣка изъ плоти и крови, смѣющагося или хмураго, котораго можно любить, цѣловать, ненавидѣть, въ которомъ видна кровь, переливающаяся въ жилахъ, и естественная грація нагого тѣла — имѣть бездушную куклу, часто сдѣланную руками ремесленника, — вотъ переводы. А времени на подготовительное занятіе грамматикой нужно очень мало. Нужно только читать, читать и читать. Читать, смотря каждое слово въ словарь, пробираясь какъ сквозь чашу лѣса, и вы получили бы неиспытанныя наслажденья. А мнѣ кажется, что въ васъ, Ваня, есть задатки сдѣлаться настоящимъ новымъ человѣкомъ.

Ваня недовольно молчалъ.

— Вы плохо окружены, но это можетъ быть къ лучшему, лишая васъ предразсудковъ всякой традиціонной жизни, и вы могли бы сдѣлаться вполнѣ современнымъ человѣкомъ, если бы хотѣли, — добавилъ помолчавъ Штрупъ.

— Я не знаю, я хотѣлъ бы куда-нибудь уѣхать отъ всего этого: и отъ гимназіи, и отъ Гомера, и отъ Анны Николаевны—вотъ и все.

— На лоно природы?

— Именно.

— Но, милый другъ мой, если жить на лонѣ природы—значитъ больше ѣсть, пить молоко, купаться и ничего не дѣлать, то, конечно, это очень просто; но наслаждаться природой, пожалуй, труднѣе греческой грамматики и, какъ всякое наслажденье, утомляетъ. И я не повѣрю человѣку, который, видя равнодушно въ городѣ лучшую часть природы—небо и воду, ѣдетъ искать природы на Монбланъ; я не повѣрю, что онъ любить природу.

Дядя Костя предложилъ Ванѣ подвезти его, на извозчикѣ.

Въ жаркомъ утрѣ уже чувствовалась близость лѣта, и улицы наполовину были перегорожены рогатками. Дядя Костя, занимая три четверти пролетки, крѣпко сидѣлъ, разставя ноги.

— Дядя Костя, вы подождите немного, я только узнаю, пришлѣ ли батюшка, и

если не пришелъ, и пройдусь съ вами до-куда вамъ нужно, а оттуда пройдусь пѣшкомъ, чѣмъ въ гимназій-то сидѣть. Хорошо?

— А почему вашъ батюшка долженъ не прійти?

— Онъ ужъ недѣлю болѣетъ.

— А, ну хорошо, спрашивай.

Черезъ минуту Ваня вышелъ и, обошедши извозчика, сѣлъ съ другой стороны, рядомъ съ Константиномъ Васильевичемъ.

— А Ларіонъ-то Дмитріевичъ будто прел-чувствовалъ, братъ, какіе мы на него планы строи-мъ, — уѣхалъ, да и не пріѣзжаетъ.

— Можетъ быть, онъ и пріѣхалъ.

— Тогда бы явился къ Аннѣ Николаевнѣ.

— Кто онъ такой, дядя Костя?

— Кто, кто такой?

— Ларіонъ Дмитріевичъ.

— Штрупъ — и больше ничего. Полу-англичанинъ, богатый человѣкъ, нигдѣ не служитъ живетъ хорошо, даже отлично, въ высшей степени образованный и начи-танный человѣкъ, такъ что я даже не пони-маю, чего онъ бываетъ у Казанскихъ?

— Вѣдь онъ не женатый, дядя?

— Даже совсѣмъ наоборотъ, и если Ната думаетъ, что онъ на нее прельстится, то жестоко ошибается; и вообще, я рѣшительно

не понимаю, что ему дѣлать у Казанскихъ? Вчера, умора: Анна Николаевна давала генеральное сраженіе Алексѣю!

Они переѣзжали мостомъ черезъ Фонтанку. Мужики на садкахъ вытаскивали рыбу изъ люковъ, дымили пароходики, и толпа безъ дѣла стояла у каменнаго парапета. Мороженникъ съ грохотомъ подвигалъ свой голубой ящикъ.

— Ты, можетъ быть, слышалъ отъ кого, что Штрупъ вернулся, или его самого видѣлъ?—говорилъ на прощанье дядя Костя.

— Нѣтъ, да гдѣ же, разъ онъ, говорите, не приѣзжалъ,—сказалъ Ваня, краснѣя.

— Вотъ ты говорилъ, что не жарко, а самъ какъ раскраснѣлся,—и тучная фигура Константина Васильевича скрылась въ подъѣздѣ.

«Зачѣмъ я скрылъ встрѣчу со Штрупомъ?»—думалъ Ваня, радуясь, что у него образовывается какая-то тайна.

Въ учительской было сильно накурено, и стаканы жидкаго чая слегка янтарились въ полутемной комнатѣ перваго этажа. Входящимъ казалось, что фигуры движутся въ акваріумѣ. Шедшій за матовыми окнами

проливной дождь усиливалъ это впечатлѣніе. Шумъ голосовъ, звяканье ложечекъ мѣшался съ глухимъ гамомъ большой перемены, доносившимся изъ залы и временами совсѣмъ близко—изъ коридора.

— Орлова опять изводятъ шестиклассники; рѣшительно, онъ не умѣетъ себя поставить.

— Ну, хорошо, ну, допустимъ, вы выведете ему двойку, онъ останется, — думаете ли вы этимъ его исправить?

— Я вовсе не преслѣдую исправительныя цѣли, а стараюсь о справедливой оцѣнкѣ знанія.

— Наши бы гимназисты пришли въ ужасъ, если бы увидали программы французскихъ коллежей, не говоря о семинаріяхъ.

— Врядъ ли Иванъ Петровичъ будетъ этимъ доволенъ.

— Безподобно, говорю вамъ, безподобно, вчера онъ былъ отлично въ голосѣ.

— Вы тоже хороши, лѣзете на малый въ трескахъ, а у самого король, валетъ и двѣ маленькія.

— Шпилевскій—распутный мальчишка, и я не понимаю, что вы за него такъ стоите.

Всѣ голоса покрылъ рѣзкій теноръ ин-

спектора, чека въ пенсїю и въ сѣдой бородачкѣ клиномъ:

— Потомъ я попрошу васъ, господа, наблюдать за форточками; никогда выше четырнадцать градусъ, тяга и вентиляція.

Постепенно расходились, и въ пустѣвшей учительской раздавался только тихій басокъ учителя русскаго языка, бесѣдовавшаго съ грекомъ.

— Удивительные тамъ попадаются типы. На лѣто, передъ поступленіемъ, преллагалось прочесть кое-что, довольно много, и, напримѣръ, Демона — такъ передають ех абурто: «Дьяволъ леталъ надъ землею и увидѣлъ дѣвочку». — Какъ же эту дѣвочку звали? — «Лиза» — Положимъ, Тамара. — «Такъ точно, Тамара». — Ну и что же? — «Онъ захотѣлъ на ней жениться, да женихъ помѣшалъ; потомъ жениха убили татары». — Что же тогда Демонъ женился на Тамарѣ? — «Никакъ нѣтъ, ангелъ помѣшалъ, дорогу перешелъ; такъ Дьяволъ и остался холостымъ и все возненавидѣлъ».

— По-моему, это великолѣпно...

— Или объ Рудинѣ отзывъ: «дрянной былъ человекъ, все говорилъ, а ничего не дѣлалъ; потомъ связался съ пустыми людьми, его и убили». — Почему же, — спрашиваю, —

вы считаете рабочахъ и вообще всѣхъ участниковъ народнаго движенія, во время котораго погибъ Рудинъ, людьми пустыми?— «Такъ точно, — отвѣтствуетъ, — за правду пострадалъ».

— Вы напрасно лобивались личнаго мнѣнія этого молодого человѣка о прочитанномъ. Военная служба, какъ монастырь, какъ почти всякое выработанное вѣроученіе, имѣетъ громадную привлекательность въ личности готовыхъ и опредѣленныхъ отношеній ко всякаго рода явленіямъ и понятіямъ. Для слабыхъ людей это — большая поддержка, и жизнь дѣлается необыкновенно легкой, лишенная этического творчества.

Въ коридорѣ Даніила Ивановича поджидалъ Ваня.

— Что вамъ угодно, Смуровъ?

— Я бы хотѣлъ, Даніилъ Ивановичъ, поговорить съ вами приватно.

— Насчетъ чего же?

— Насчетъ греческаго.

— Развѣ у васъ не все благополучно?

— Нѣтъ, у меня три съ плюсомъ.

— Такъ чего же вамъ?

— Нѣтъ, я вообще хотѣлъ поговорить съ вами о греческомъ, и вы, пожалуйста,

Даніиль Ивановичъ, позвольте мнѣ прійти къ намъ на квартиру.

— Да, пожалуйста, пожалуйста. Адресъ мой знаете. Хотя это болѣе, чѣмъ замѣчательно: человѣкъ, у котораго все благополучно, — и желающій приватно говорить о греческомъ. Пожалуйста, я живу одинъ, отъ семи до одиннадцати всегда къ вашимъ услугамъ.

Даніиль Ивановичъ сталъ уже подыматься по половику лѣстницы, но, остановясь, закричалъ Ванѣ: «вы, Смуровъ, не подумайте чего: послѣ одиннадцати я тоже дома, но ложусь спать и способенъ уже только на самыя приватныя объясненія, въ которыхъ вы, вѣроятно, не нуждаетесь».

Ваня не разъ встрѣчалъ Штрупа въ Лѣтнемъ саду и, самъ не замѣчая, поджидалъ его, всегда садясь въ одну и ту же аллею, и, уходя, не дождавшись, легкой, несмотря на преднамѣренную медленность, походкою, зорко всматривался въ похожія на Штрупа фигуры мужчинъ. Однажды, когда, не дождавшись, онъ пошелъ обойти часть сада, гдѣ онъ никогда не бывалъ, онъ встрѣтилъ Коку, шедшаго въ растегнутомъ пальто поверхъ тужурки.

— Вотъ ты гдѣ, Иванъ! Что, гуляешь?
— Да, я довольно часто здѣсь бываю,
а что?

— Что же я тебя никогда не вижу? Ты
гдѣ-нибудь въ другой сторонѣ сидишь,
что ли?

— Какъ придется.

— Вотъ Штрупа я каждый разъ встрѣ-
чаю и даже подозрѣваю—не за однимъ ли
и тѣмъ же мы и ходимъ сюда?

— Развѣ Штрупъ приѣхалъ?

— Нѣкоторое время. Ната и всѣ это зна-
ютъ, и какая бы Ната ни была дура,—все-
таки свинство, что онъ къ намъ не является,
будто мы какая-нибудь дрянь.

— При чемъ же тутъ Ната?

— Она ловитъ Штрупа и совершенно
зря дѣлаетъ: онъ вообще не женится, а
тѣмъ болѣе на Натѣ; я думаю, что и съ
Идой-то Гольбергъ у него только эстети-
ческіе разговоры, и я напрасно волнуюсь.

— Развѣ ты волнуешься?

— Понятно, разъ я влюбленъ!—и, поза-
бывъ, что онъ разговариваетъ съ незнавшимъ
его дѣлѣ Ваней, Кока оживился: — чудная
дѣвушка, образованная, музыкантша, кра-
савица, и какъ богата! Только она—хромая.
И вотъ хожу сюда каждый день видѣть се,

она здѣсь гуляетъ отъ 3 — 4 часовъ, и Штрупъ, боюсь, ходитъ не затѣмъ же ли.

— Развѣ Штрупъ тоже въ нее влюбленъ?

— Штрупъ?— Ну, ужъ это атанде, у него ность не тѣмъ концомъ пришить! Онъ только разговоры разговариваетъ, а она-то на него чуть не молится. А влюбленности Штрупа, это—совсѣмъ другая, совсѣмъ другая область.

— Ты просто злишься Кока!..

— Глупо!..

Они только что повернули мимо грядки красной герани, какъ Кока провозгласилъ: «вотъ и они!» Ваня увидѣлъ высокую дѣвушку, съ блѣднымъ кругловатымъ лицомъ, совсѣмъ свѣтлыми волосами, съ афродизійскимъ разрѣзомъ большихъ сѣрыхъ, теперь посинѣвшихъ отъ волненія глазъ, со ртомъ, какъ на картинахъ Боттичелли, въ темномъ платьѣ; она шла, хромая и опираясь на руку пожилой дамы, между тѣмъ, какъ Штрупъ съ другой стороны говорилъ: «и люди увидѣли, что всякая красота, всякая любовь — отъ боговъ и стали свободны и смѣлы и у нихъ выросли крылья».

Въ концѣ концовъ Кока и Баба достали ложу на «Самсона и Далилу». Но первое

представленіе было замѣнено «Карменъ», и Ната, по настоянію которой и было затѣяно это предпріятіе, въ надеждѣ встрѣтиться со Штрупомъ на нейтральной почвѣ, рвала и мстала, зная, что онъ не поидеть безъ особыхъ причинъ на эту столь хорошо извѣстную оперу. Мѣсто свое въ ложѣ уступила Ванѣ, съ тѣмъ, чтобы, если она посреди спектакля пріѣдетъ въ театръ, онъ уѣзжалъ домой. Анна Николаевна съ сестрами Шнейеръ и Алексѣй Васильевичъ отправились на извозчикахъ, а молодые люди впередъ пѣшкомъ.

Уже Карменъ и ся подруги плясали у Лилясы Пастыи, когда Ната, какъ по вдохновенью узнавшая, что Штрупъ въ театрѣ, явилась вся въ голубомъ, напудренная и взволнованная.

— Ну, Иванъ, тебѣ придется сокращаться.

— Досижу до конца-то дѣйствія.

— Штрупъ здѣсь?—спрашивала Ната шепотомъ, усаживаясь рядомъ съ Анной Николаевной. Та молча понела глазами на ложу, гдѣ сидѣла Ида Гольбергъ съ пожилой дамой, совѣмъ молоденькій офицеръ и Штрупъ.

— Это прямо предчувствіе, прямо предчувствіе!—говорила Ната, раскрывая и закрывая вѣеръ.

— Бѣдняжка! — вздохнула Анна Николаевна.

Въ антрактѣ Ваня собирался уходить, какъ Ната остановила его и позвала пройтись въ фойэ.

— Ната, Ната!—раздавался голосъ Анны Николаевны изъ глубины ложи,—прилично ли это будетъ?

Ната бурно устремилась внизъ, увлекая за собой Ваню. Передъ входомъ въ фойэ она остановилась у зеркала поправить свои волосы и потомъ медленно пошла въ еще не наполнившійся публикою залъ. Штруппа они встрѣтили: онъ шелъ въ разговорѣ съ тѣмъ же молодымъ офицеромъ, что былъ въ ложѣ, не замѣчая Смурова и Наты, и даже тотчасъ вышелъ въ сосѣдную проходную комнату, гдѣ за столомъ съ фотографіями скучала завитая продавщица.

— Выйдемъ, страшная духота!—проговорила Ната, таща Ваню за Штруппомъ.

— Съ того выхода намъ ближе къ мѣсту.

— Не все ли равно! — прикрикнула дѣвушка, торопясь и почти расталкивая публику.

Штруппъ ихъ увидѣлъ и наклонился надъ фотографіями. Поровнявшись съ нимъ, Ваня громко окликнулъ: «Ларіонъ Дмитріевичъ!»

— Ахъ, Ваня! — обернулся тотъ: — Наталья Алексѣевна, простите, сразу не замѣтила.

— Не ожидала, что вы здѣсь, — начала Ната.

— Отчего же? Я очень люблю «Карменъ», и она мнѣ никогда не надоѣсть: въ ней есть глубокое и истинное бѣненіе жизни и все залито солнцемъ; я понимаю, что Ницше могъ увлекаться этой музыкой.

Ната молча прослушала, злорадно смотря рыжими глазами на говорившаго, и произнесла:

— Я не тому удивляюсь, что встрѣтила васъ на «Карменъ», а тому, что увидѣла васъ въ Петербургѣ и не у насъ.

— Да, я прѣхалъ недѣли двѣ.

— Очень мило.

Они стали ходить по пустому коридору мимо дремлющихъ лакеевъ, и Ваня, стоя у лѣстницы, съ интересомъ смотрѣлъ на все болѣе покрывавшееся красными пятнами лицо Наты и сердитую физиономію ея кавалера. Антрактъ кончился, и Ваня тихо сталъ подыматься по лѣстницѣ въ ярусъ, чтобы одѣться и ѣхать домой, какъ вдругъ его обогнала почти бѣжавшая Ната съ платкомъ у рта.

— Это позорно, слышишь, Иванъ, позорно, какъ этотъ человѣкъ со мной говорить,—прошептала она Ванѣ и пробѣжала наверхъ. Ваня хотѣлъ проститься со Штрупомъ и, постоявъ нѣкоторое время на лѣстницѣ, спустился въ нижній коридоръ; тамъ, у дверей въ ложу, стоялъ Штрупъ съ офицеромъ.

— Прощайте, Ларіонъ Дмитріевичъ, — дѣлая видъ, что идетъ къ себѣ наверхъ, проговорилъ Ваня.

— Развѣ вы уходите?

— Да вѣдь я былъ не на своемъ мѣстѣ: Ната пріѣхала, я и оказался лишнимъ.

— Что за глупости, идите къ намъ въ ложу, у насъ есть свободныя мѣста. Последнее дѣйствіе—одно изъ лучшихъ.

— А это ничего, что я пойду въ ложу: я вѣдь незнакомъ?

— Конечно, ничего: Гольбергъ—препростыя люди, и вы же еще мальчикъ, Ваня.

Пройдя въ ложу, Штрупъ наклонился къ Ванѣ, который слушалъ его, не поворачивая головы:

— И потомъ, Ваня, я, можетъ быть, не буду бывать у Казанскихъ; такъ, если вы не прочь, я буду очень радъ всегда васъ видѣть у себя. Можете сказать, что занимае-

тесъ со мной англійскимъ; да никто и не спросить, куда и зачѣмъ вы ходите. Пожалуйста, Ваня, приходите.

— Хорошо. А развѣ вы поругались съ Натой? Вы на ней не женитесь? — спрашивалъ Ваня, не оборачивая головы.

— Нѣтъ,—серьезно сказалъ Штруппъ.

— Это, знаете ли, очень хорошо, что вы на ней не женитесь, потому что она странно противная, совершенная лягушка! — вдругъ разсмѣялся, повернувшись всѣмъ лицомъ къ Штруппу, Ваня и зачѣмъ-то схватилъ его руку.

— Это занятно, насколько мы видимъ то, что желаемъ видѣть, и понимаемъ то, что ищется нами. Какъ въ греческихъ трагикахъ, римляне и романскіе народы XVII-го вѣка усмотрѣли только три единства, XVIII-й вѣкъ — раскатистыя тирады и освободительныя идеи, романтики — подвиги высокаго героизма и нашъ вѣкъ — острый отбѣнокъ первобытности и Клингеровскую осіялость далей...

Ваня слушалъ, осматривая еще залитую вечернимъ солнцемъ комнату: по стѣнамъ — полки до потолка съ переплетенными кни-

гами, книги на столахъ и стульяхъ, клѣтку съ дроздомъ, параличнаго котенка на кожаномъ диванѣ и въ углу небольшую голову Антиноя, стоящую одиноко, какъ пенаты этого обиталища. Даніиль Ивановичъ, въ войлочныхъ туфляхъ, хлопоталъ о чаѣ, вытаскивая изъ желѣзной печки сыръ и масло въ бумажкахъ, и котенокъ, не поворачивая головы, слѣдилъ зелеными глазами за движеніями своего хозяина. «И откуда мы взяли, что онъ старый, когда онъ совсѣмъ молодой», — думалъ Ваня, съ удивленіемъ разглядывая лысую голову маленькаго грека.

— Въ XV-мъ вѣкѣ у итальянцевъ уже прочно установился взглядъ на дружбу Ахилла съ Патрокломъ и Ореста съ Пиладомъ, какъ на содомскую любовь, между тѣмъ какъ у Гомера нѣтъ прямыхъ указаній на это.

— Что жъ, итальянцы это придумали сами?

— Нѣтъ, они были правы, но дѣло въ томъ, что только циничное отношеніе къ какой бы то ни было любви дѣлаетъ ее развратомъ. Нравственно или безнравственно я поступаю, когда чихаю, стираю пыль со стола, глажу котенка? И, однако, эти же поступки могутъ бты преступны, если, на-

примѣръ, скажемъ, я чиханьсмъ предупреждаю убійцу о времени, удобномъ для убійства, и такъ далѣе. Хладнокровно, безъ злобы совершающей убійство лишаетъ это дѣйствіе всякой этической окраски, кромѣ мистическаго общенья убійцы и жертвы, любовниковъ, матери и ребенка.

Совсѣмъ стемнѣло и въ окно еле виднѣлись крыши домовъ и вдали Исаакій на грязновато-розовомъ небѣ, заволакиваемомъ дымомъ.

Ваня сталъ собираться домой; котенокъ заковылялъ на своихъ искалѣченныхъ переднихъ лапкахъ, потревоженный съ Ваниной фуражки, на которой онъ спалъ.

— Вотъ вы, вѣрно, добрый, Даніилъ Ивановичъ: разныхъ калѣкъ прибираете.

— Онъ мнѣ нравится и мнѣ пріятно его у себя имѣть. Если дѣлать то, что доставляетъ удовольствіе, значитъ, быть добрымъ, то я—такой.

— Скажите, пожалуйста, Смуровъ,—говорилъ Даніилъ Ивановичъ, на прощанье пожимая Ванину руку, -- вы сами по себѣ надумали прійти ко мнѣ за греческими разговорами?

— Да, т.-е. мысль эту мнѣ далъ, пожалуй, и другой человѣкъ.

— Кто же, если это не секретъ?

Нѣтъ, отчего же? Только вы его не знаете.

— А можетъ быть?

— Нѣкто Штрупъ.

— Ларіонъ Дмитріевичъ?

— Развѣ вы его знаете?

— И даже очень, — отвѣтилъ грекъ, свѣти Вагъ на лѣстницѣ лампой.

Въ закрытой каютѣ финляндскаго пароходика никого не было, но Ната, боявшаяся сквозняковъ и флюсовъ, повела всю компанію именно сюда.

— Совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ дачъ! — говорила уставшая Анна Николаевна. — Вездѣ такая скверность: дыры, дуетъ!

— На дачахъ всегда дуетъ, — чего же вы ожидали? Не въ первый разъ живете!

— Хочешь? — предложилъ Кока свой раскрытый серебряный портсигаръ съ голдой дамой Бобѣ.

— Не потому на дачѣ прескверно, что тамъ скверно, а потому, что чувствуешь себя на бивуакахъ, временно проживающимъ, и не установлена жизнь, а въ городѣ всегда знаешь, что надо въ какое время дѣлать.

— А если бѣ ты жилъ всегда на дачѣ, зиму и лѣто?

— Тогда бы не было скверно; я бы установилъ программу.

— Правда, — подхватила Анна Николаевна, — на время не хочется и устраиваться. Напримѣръ, позапрошрое лѣто оклеили новыми обоями, — такъ всѣ чистенькими и пришлось подарить хозяйну; не сдирать же ихъ!

— Что жъ ты жалѣешь, что ихъ не вымазала?

Ната съ гримасой смотрѣла черезъ стекло на горящія при закатѣ окна дворцовъ и золотисто-розовыя, широко и гладко расходящіяся волны.

— И потомъ народу масса, всѣ другъ про друга знаютъ, что готовятъ, сколько прислугѣ платятъ.

— Вообще гадость!...

— Зачѣмъ же ты ѣдешь?

— Какъ зачѣмъ? Куда же дѣваться? Въ городѣ что ли оставаться?

— Ну такъ что жъ? По крайней мѣрѣ, когда солнце, можно ходить по тѣневой сторонѣ.

— Вѣчно дядя Костя выдумаетъ.

— Мама, — вдругъ обернулась Ната, — поѣдемъ, голубчикъ, на Волгу: тамъ есть не-

большіе города, Плесь, Васильсурскъ, гдѣ можно очень недорого устроиться. Варвара Николаевна Шпейеръ говорила... Они въ Плесь жили цѣлой компаніей, знаете, тамъ Левитанъ еще жилъ; въ Угличѣ тоже они жили.

— Ну изъ Углича-то ихъ, кажется, вытурили, — отозвался Кока.

— Ну и вытурили, ну и что же? А насъ не вытурятъ! Имъ, конечно, хозяева сказали: «вась цѣлая компанія, барышни, кавалеры, нашъ городъ тихій, никто не ѣздитъ, мы боимся: вы ужъ извините, а квартирку очищайте».

Подъѣзжали къ Александровскому саду; въ нижнія окна пристани виднѣлась ярко освѣщенная кухня, поваренокъ, весь въ бѣломъ, за чисткой рыбы, пылающая плита въ глубинѣ.

— Тетя, я пройду отсюда къ Ларіону Дмитриевичу, — сказалъ Ваня.

— Что же, иди; вотъ тоже товарища нашель! — ворчала Анна Николаевна.

— Развѣ онъ дурной человѣкъ?

— Не про то говорю, что дурной, а что не товарищъ.

— Я съ нимъ англійскимъ занимаюсь.

— Все пустяки, лучше бы уроки готовиль...

— Нѣтъ, я все-таки, тети, знаете, пойду.

— Да иди, кто тебя держитъ?

— Цѣлуйся со своимъ Штрупомъ,—добавила Ната.

— Ну, и буду, ну, и буду, и никому нѣтъ до этого дѣла.

— Положимъ, — началъ было Боба, но Ваня прервалъ его, налетая на Нату:

— Ты бы и не прочь съ нимъ цѣловаться, да онъ самъ не хочетъ, потому что ты — рыжая лягушка, потому что ты — дура! Да!

— Иванъ, прекрати! — раздался голосъ Алексѣя Васильевича.

— Что жъ онѣ на меня взѣлись? Что онѣ меня не пускаютъ? Развѣ я маленькій? Завтра же напишу дядѣ Колѣ!..

— Иванъ, прекрати,—тономъ выше возгласилъ Алексѣй Васильевичъ.

— Такой мальчишка, поросенокъ, смѣетъ такъ вести себя! — волновалась Анна Николаевна.

— И Штрупъ на тебѣ никогда не женится, не женится, не женится!—внѣ себя выпаливалъ Ваня.

Ната сразу стихла, и, почти спокойная, тихо сказала.

— А на Идѣ Гольбергъ женится?

— Не знаю,—тоже тихо и просто отвѣ-

тилъ Ваня, — вридъ ли, я думаю, — добавилъ онъ почти ласково.

— Вотъ еще начали разговоры! — прикрикнула Анна Николаевна.

— Что ты, вѣришь, что ли, этому мальчишкѣ?

— Можетъ быть, и вѣрю, — буркнула Ната, повернувшись къ окну.

— Ты, Иванъ, не думай, что онѣ такія дурочки, какъ хотятъ казаться, — уговаривалъ Боба Ваню: — онѣ радехоньки, что черезъ тебя могутъ еще имѣть сношенія со Штрупомъ и свѣдѣнія о Гольбергъ; только, если ты расположенъ дѣйствительно къ Ларіону Дмитріевичу, ты будь осторожниѣй, не выдавай себя головой.

— Въ чемъ же я себя выдаю? — удивился Ваня.

— Такъ скоро мои совѣты въ прокъ пошли!? — разсмѣялся Боба и пошагалъ на пристань.

Когда Ваня входилъ къ квартиру Штрупа, онъ услышалъ пѣнье и фортепьяно. Онъ тихо прошелъ въ кабинетъ налѣво отъ передней, не входя въ гостиную, и сталъ слушать. Незнакомый ему мужской голосъ пѣлъ:

Вечерній сумракъ надъ теплымъ моремъ,
Огни маяковъ на потемнѣвшемъ небѣ,
Запахъ нербены при концѣ пира,
Свѣжее утро послѣ долгихъ бдѣній,
Прогулка въ аллеяхъ весеняго сада,
Крики и смѣхъ купающихся женщинъ,
Священныя павлины у храма Юноны,
Продавцы фіалокъ, гранатъ и лимоновъ,
Воркуютъ голуби, свѣтитъ солнце, -
Когда увижу тебя, родимый гороль!

И фортепьяно низкими аккордами, какъ густымъ туманомъ, окутало томительныя фразы голоса. Начался перебойный разговоръ мужскихъ голосовъ, и Ваня вышелъ въ залу. Какъ онъ любилъ эту зеленоватую просторную комнату, оглашаемую звуками Рамо и Дебюсси, и этихъ друзей Штрупа, такъ непохожихъ на людей, встрѣчаемыхъ у Казанскихъ; эти споры; эти поздніе ужины мужчинъ съ виномъ и легкимъ разговоромъ; этотъ кабинетъ съ книгами до потолка, гдѣ они читали Марлоу и Суинберна, эту спальню съ умывальнымъ приборомъ, гдѣ по ярко-зеленому фону плясали гирляндой темно-красныя фавны; эту столовую, всю въ красной мѣди; эти рассказы объ Италіи, Египтѣ, Индіи; эти восторги отъ всякой острой красоты всѣхъ странъ и всѣхъ временъ; эти прогулки на острова; эти смущающія, но

влекущія разсужденія; эту улыбку на прекрасивомъ лицѣ; этотъ запахъ *reau d'Espagne*, вѣющій тлѣніемъ; эти худые, сильные пальцы въ перстняхъ, башмаки на необыкновенно толстой подошвѣ,—какъ онъ любилъ все это, не понимая, но смутно увлеченный.

— **МЫ**—эллыны: намъ чуждъ нетерпимый монотеизмъ іудеевъ, ихъ отвертываніе отъ изобразительныхъ искусствъ, ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанность къ плоти, къ потомству, къ сѣмени. Во всей Библии нѣтъ указаній на вѣрованіе въ загробное блаженство, и единственная награда, упомянутая въ заповѣдяхъ (и именно за почтеніе къ давшимъ жизнь) — долготѣнъ будешь на землѣ. Неполезный бракъ — пятно и проклятье, лишшающее даже права на участіе въ богослуженіи, будто забыли, что по еврейской же легендѣ чадородье и трудъ—наказаніе за грѣхъ, а не цѣль жизни. И чѣмъ дальше люди будутъ отъ грѣха, тѣмъ дальше будутъ уходить отъ дѣторожденія и физическаго труда. У христіанъ это смутно понято, когда женщина очищается молитвой послѣ родовъ, но не послѣ брака, и мужчина не подверженъ ничему подобному.

Любовь не имѣетъ другой цѣли помимо себя самой; природа также лишена всякой тѣни идеи финальности. Законы природы совершенно другого разряда, чѣмъ законы божескіе, такъ называемые, и человѣческіе. Законъ природы—не то, что данное дерево должно принести свой плодъ, но что при извѣстныхъ условіяхъ оно принесетъ плодъ, а при другихъ — не принесетъ и даже погибнетъ само такъ же справедливо и просто, какъ принесло бы плодъ. Что при введеніи въ сердце ножа оно можетъ перестать биться; тутъ нѣтъ ни финальности, ни добра и зла. И нарушить законъ природы можетъ только тотъ, кто сможетъ лобзать свои глаза, не вырванными изъ орбитъ, и безъ зеркала видѣть собственный затылокъ. И когда вамъ скажутъ: «противоестественно»,— вы только посмотрите на сказавшаго слѣпца и проходите мимо, не уподобляясь тѣмъ воробьямъ, что разлетаются отъ огороднаго пугала. Люди ходятъ, какъ слѣпые, какъ мертвые, когда они могли бы создать пламеннѣйшую жизнь, гдѣ все наслажденіе было бы такъ обострено, будто вы только что родились и сейчасъ умрете. Съ такою именно жадностью нужно все воспринимать. Чудеса вокругъ насъ на каждомъ шагѣ:

есть мускулы, связки въ человѣческомъ тѣлѣ, которыхъ невозможно безъ трепета видѣть! И связывающіе понятіе о красотѣ съ красотой женщины для мужчины являются только пошлую похоть, и дальше, дальше всего отъ истинной идеи красоты. Мы — эллины, любовники прекраснаго, вакханты грядущей жизни. Какъ видѣнья Тангейзера въ гротѣ Венеры, какъ ясновидѣніе Клингера и Тома, есть протчизна, залитая солнцемъ и свободой, съ прекрасными и смѣлыми людьми, и туда, черезъ моря, черезъ туманъ и мракъ, мы идсмъ, аргонавты! И въ самой неслыханной новизнѣ мы узнаемъ древнѣйшіе корни, и въ самыхъ невиданныхъ сіяніяхъ мы чуемъ отчизну!

— Ваня, взгляните, пожалуйста, въ столовой, который часъ?— сказала Ида Гольбергъ, опуская на колѣни какое-то цвѣтное шитье.

Большая комната въ новомъ домѣ, похожая на свѣтлую каюту на палубѣ корабля, была скудно уставлена простой мебелью; желтая занавѣска во всю стѣну задергивала сразу всѣ три окна, и на кожаные сундуки, еще не упакованные чемоданы, усаженные мѣдными гвоздиками, ящикъ съ запоздав-

шими гiацинтами, ложился желтый, тревожащій свѣтъ. Ваня сложилъ Данта, котораго онъ читалъ вслухъ, и вышелъ въ сосѣдную комнату.

— Половина шестого, — сказали онъ, вернувшись. — Долго пѣтъ Ларіона Дмитріевича, — будто отвѣчая на мысли дѣвушки, промолвилъ онъ. — Мы больше не будемъ заниматься?

— Не стоитъ, Ваня, начинать новой пѣсни. Итакъ:

e vidi che con riso
Udito havevan l'ultimo costruito;
Poi a la bella donna tornai il viso

и увидѣлъ, что съ улыбкой они слушали послѣднее заключеніе, потомъ къ прекрасной дамѣ обернулся.

— Прекрасная дама—это созерцаніе активной жизни?

— Нельзя, Ваня, вполне вѣрить комментаторамъ, кромѣ историческихъ свѣдѣній; понимаете просто и красиво, — вотъ и все, а то, право, выходитъ вмѣсто Данта какая-то математика.

Она окончательно сложила свою работу, и сидѣла, какъ бы дожидаясь чего-то, постукивая разрѣзнымъ ножомъ по свѣтлой ручкѣ стола.

— Ларіонъ Дмитріевичъ скоро, навѣрное, придетъ, — почти покровительственно заявилъ Ваня, опять поймавъ мысль дѣвушки.

— Вы видѣли его вчера?

— Нѣтъ, я ни вчера, ни третьяго дня его не видѣлъ. Вчера онъ днемъ ѣздилъ въ Царское, а вечеромъ былъ въ клубѣ, а третьяго дня онъ ѣздилъ куда-то на Выборгскую, — не знаю, куда, — почтительно и гордо докладывалъ Ваня.

— Къ кому?

— Не знаю, по дѣламъ куда-то.

— Вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Послушайте, Ваня, — заговорила дѣвушка, разсматривая ножикъ. — Я васъ прошу, -- не для меня одной, для васъ, для Ларіона Дмитріевича, для всѣхъ насъ, — узнайте, что это за адресъ? Это очень важно, очень важно для всѣхъ троихъ, — и она протянула Ванѣ клочекъ бумаги, гдѣ разгонистымъ и острымъ почеркомъ Штрупа было написано: «Выборгская, Симбирская ул., д. 36, кв. 103, Федоръ Васильевичъ Соловьевъ».

Никого особенно не удивило, что Штрупъ между прочими увлеченіями сталъ

заниматься и русской стариной; что къ нему стали ходить то рѣчистые въ нѣмецкомъ платьѣ, то старыя «отъ божества» въ длиннополыхъ полукафтамахъ, но одинаково плутоватыя торговцы съ рукописями, иконами, старинными матеріями, поддѣльнымъ литьемъ; что онъ сталъ интересоваться древнимъ пѣніемъ, читать Смоленскаго, Разумовскаго и Металлова, ходить иногда слушать пѣніе на Николаевскую и, наконецъ, самъ, подъ руководствомъ какого-то рябого пѣвчаго, выучивать крюки. «Мнѣ совершенно былъ незнакомъ этотъ закоулокъ міроваго духа», — повторялъ Штрупъ, старавшійся заразить этими увлеченіемъ и Ваню, къ удивленію, ту же поддававшася въ этомъ именно направленіи.

Однажды Штрупъ объявилъ за часмъ:

— Ну это, Ваня, вы должны непременно видѣть: автентичный раскольникъ съ Волги, стараго закала, представьте: 18 лѣтъ—и ходитъ въ поддевкѣ, чаю не пьетъ; сестры живутъ въ скиту; домъ на Волгѣ, съ высокимъ заборомъ и цѣпными собаками, гдѣ спать ложатся въ 9 часовъ—что-то въ родѣ Печерскаго, только менѣе паточно. Вы это должны непременно видѣть. Пойдемте

завтра къ Засадину, у него есть интересное «Вознесенье»; туда придетъ нашъ типъ, и я васъ познакомлю. Да, кстати, запишите адресъ на всякій случай; можетъ быть, я проѣду прямо съ выставки, и вамъ придется однимъ его отыскивать. — И Штрупъ, не смотря въ записную книжку, какъ хорошо знакомое, продиктовалъ: «Симбирская, д. 36, кв. 103, меблированныя комнаты, — тамъ спросите».

ЗА стѣной слышался глухой говоръ двухъ голосовъ; часы съ гирями тихо тикали; по столамъ, стульямъ, подоконникамъ были навалены и наставлены темныя иконы и книги въ доскахъ, обтянутыхъ кожей; было пыльно и затхло, и изъ коридора черезъ форточку надъ дверью неся прѣлный запахъ кислыхъ щей. Засадинъ, стоя передъ Ваней и надѣвая кафтанъ, говорилъ:

— Ларіонъ Дмитріевичъ не раньше какъ черезъ минутъ сорокъ будетъ, а то, можетъ, и черезъ часъ; нужно бы сходить миѣ тутъ за иконкой, да ужъ не знаю, какъ сдѣлаться? Здѣсь что ли вы подождете, или пройдетесь куда?

— Останусь здѣсь.

— Ну, ну, а я тотчасъ вернусь. Вотъ книжками покуда не поинтересуетесь ли,— и Засадинъ, подавши Ванѣ запыленный Лимонарь, поспѣшно скрылся въ дверь, откуда сильнѣе пахнуло прѣлымъ запахомъ кислыхъ шей. И Ваня, стоя у окна, открылъ повѣсть, гласящую, какъ нѣкій старецъ послѣ случайнаго посѣщенія женщиной, жившей одиноко въ той же пустынѣ, все возвращался блудною мыслью къ той же женѣ и, не вытерпѣвъ, въ самый неслый жаръ взялъ посохъ и пошелъ, шатаясь, какъ слѣпой, отъ похоти, къ тому мѣсту, гдѣ думалъ найти эту женщину; и, какъ въ изступленьи, онъ увидѣлъ: разверзлась земля, и вотъ въ ней — три разложившіяся трупы: женщина, мужчина и ребенокъ; и былъ голось: «вотъ женщина, вотъ мужчина, вотъ ребенокъ,—кто можетъ теперь различить ихъ? Иди и сотвори свою похоть». Всѣ равны, всѣ равны передъ смертью, любовью и красотой, всѣ тѣла прекрасныя равны, и только похоть заставляетъ мужчину гоняться за женщиной и женщину жаждать мужчины.

За стѣной молодой сиповатый голось продолжалъ?

— Ну, я уйду, дядя Ермолай, что ты все ругаешься?

— Да какъ же тебя, лодыря, не ругать? Баловаться вздумалъ!

— Да Васька, можетъ, тебѣ все навралъ; что ты его слушаешь?

— Чего Васькѣ врать? Ну, самъ скажи, самъ отрекись: не балуешься развѣ?

— Ну, что же? Ну балуюсь! А Васька не балуется? У насъ, почитай, всѣ балуются, развѣ только Дмитрій Павловичъ,—и слышно было, какъ говорившій разсмѣялся. Помолчавъ, онъ опять началъ болѣе интимнымъ тономъ, вполголоса: — Самъ же Васька и научилъ меня; пришелъ разъ молодой баринъ и говоритъ Дмитрію Павловичу: «я желаю, чтобы меня мылъ, который пускалъ», — а пускалъ его я; а какъ Дмитрій Павловичъ зналъ, что баринъ этотъ—баловникъ и прежде всегда имъ Василій занимался, онъ и говоритъ: «никакъ невозможно, ваша милость, ему одному иггти: онъ—не очередной и ничего этого не понимаетъ». — Ну, чортъ съ вами, давайте двоихъ съ Васильемъ!—Васька какъ вошелъ и говоритъ: «Сколько же вы намъ положите?»—Кромѣ пива, десять рублей.—А у насъ положеніе: кто на дверяхъ занавѣску задернулъ, значитъ, баловаться будутъ, и старостѣ меньше пяти рублей нельзя вы-

нести; Василій и говоритъ:—«Нѣтъ, ваше благородіе, намъ такъ не съ руки».—Еще красненькую посулилъ. Пошелъ Вася воду готовить, и я сталъ раздѣваться, а баринъ и говоритъ: «Что это у тебя, Федоръ, на щекѣ: родинка или запачкано чѣмъ?»—самъ смѣется и руку протягиваетъ. А я стою какъ дуракъ, и самъ не знаю, есть ли у меня какая родинка на щекѣ, нѣтъ ли. Однако, тутъ Василій, сердитый такой, пришелъ и говоритъ барину: «пожалуйте-съ»,—мы всѣ и пошли.

— Матвѣй-тс живетъ у васъ?

— Нѣтъ, онъ на мѣсто поступилъ.

— Къ кому же? Къ полковнику?

— Къ нему, 30 рублей, на всемъ готовомъ, положилъ.

— Онъ никакъ женился, Матвѣй-то?

— Женился, самъ же ему на свадьбу и денегъ далъ, пальто за 80 рублей слѣлалъ, а жена что же? Она въ деревнѣ живетъ, развѣ дозволятъ на такомъ мѣстѣ съ бабой жить? Я тоже на мѣсто надумалъ итти,—промолвилъ, помолчавъ, разсказчикъ.

— Какъ Матвѣй, все равно?

— Баринъ хорошій, одинъ, 30 рублей тоже, какъ Матвѣю.

— Пропадешь ты, Федя, смотри!

— Можеть и не пропаду.

— Да кто такой баринъ-то, знакомый, что ли?

— Тутъ, на Фуриштадтской, живетъ, гдѣ еще Дмитрій служить въ младшихъ, во второмъ этажѣ. Да онъ и здѣсь, у Степана Степановича, иногда бываетъ.

— Старовѣрь, что ли?

— Нѣтъ, какое! Онъ даже и не русскій, кажется. Англичанинъ, что ли.

— Хвалятъ?

— Да, говорятъ, хорошій, добрый баринъ.

— Ну, что же, въ часть добрый!

— Прощай, дядя Ермолай, спасибо на угощеньи.

— Заходи когда, Федя, въ случаѣ.

— Зайду, — и легкой походкой, постукивая каблуками, Федоръ пошелъ по корридору, хлопнувъ дверь. Ваня быстро вышелъ, не вполне сознавая, зачѣмъ это дѣлаетъ, и крикнулъ вслѣдъ проходившему парню въ пиджакѣ поверхъ русской рубашки, изъ-подъ котораго висѣли кисти пояса шнуркомъ, въ низенькихъ лакированныхъ сапогахъ и въ картузѣ на бекрень: «послушайте, не знаете ли, скоро будетъ Степанъ Степановичъ Засадинъ?»

Тотъ обернулся, и въ свѣтъ, проникающимъ изъ номерной двери, Ваня увидѣлъ быстрые и вороватые сѣрые глаза на блѣдномъ, какъ у людей, живущихъ взаперти или въ вѣчномъ пару, лицѣ, темные волосы въ скобку и прекрасно очерченный ротъ. Несмотря на нѣкоторую грубость чертъ, въ лицѣ была какая-то изнѣженность, и хотя Ваня съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на эти вороватые ласковые глаза и наглую усмѣшку рта, было что-то и въ лицѣ и во всей высокой фигурѣ, стройности которой даже подъ пиджакомъ бросалась въ глаза, что плѣняло и приводило въ смущеніе.

— А вы ихъ изволите дожидаться?

— Да, ужъ скоро 7 часовъ.

— Шесть съ половиной, — поправилъ Эсдоръ, вынувъ карманные часы, — а мы думали, что никого нѣтъ у нихъ въ комнатѣ... Навѣрно скоро будутъ, — прибавилъ онъ, чтобъ что-нибудь сказать.

— Да. Благодарю васъ, извините, что побеспокоилъ, — говорилъ Ваня, не двигаясь съ мѣста.

— Помилуйте - съ, — отвѣчалъ тотъ съ ужимкой.

Раздался громкій звонокъ, и вошли Штрупъ, Засадинъ и высокій молодой человекъ въ

поддсижѣ. Штругъ быстро взглянулъ на Федора и Ваню, стоящихъ все другъ противъ друга.

— Извините, что заставилъ васъ дожидаться, — промолвилъ онъ Ванѣ, межъ тѣмъ, какъ Федоръ бросился снимать пальто.

Какъ во снѣ видѣлъ Ваня все это, чувствуя, что уходитъ въ какую-то пропасть и все застилается туманомъ.

Когда Ваня вошелъ въ столовую, Анна Николаевна кончала говорить: «и обидно знаете, что такой человекъ такъ себя компрометируетъ». Константинъ Васильевичъ молча повелъ глазами на Ваню, взявшаго книгу и сѣвшаго у окна, и заговорилъ:

— Вотъ говорятъ: «изысканно, нес естественно, излишне», но если оставаться при томъ употребленіи нашего тѣла, какое считается натуральнымъ, то придется руками только раздирать и класть въ ротъ сырое мясо и драться съ врагами; ногами преслѣдовать зайцевъ или убѣгать отъ волковъ и т. д. Это напоминаетъ сказку изъ 1001 ночи, гдѣ дѣвочка, мучимая идеєю финальности, все спрашивала, для чего сотворено то или это. И когда она спросила про из-

нѣстную часть тѣла, то мать ее высѣкла, приговаривая: «теперь ты видишь, для чего это сотворено». Конечно, эта мамаша наглядно доказала справедливость своего объясненія, но врядъ ли этимъ исчерпывалась дѣеспособность даннаго мѣста. И всѣ моральныя объясненія естественности поступковъ сводятся къ тому, что носъ сдѣланъ для того, чтобы быть выкрашеннымъ въ зеленую краску. Человѣкъ всѣ способности духа и тѣла долженъ развить до послѣдней возможности и изыскивать примѣнимость своихъ возможностей, если не желаетъ оставаться калибаномъ.

— Ну, вотъ гимнасты ходятъ на головахъ...

— «Что жъ, это во всякомъ случаѣ плюсъ и, можетъ быть, это очень пріятно», сказалъ бы Ларіонъ Дмитріевичъ,—и дядя Костя съ вызывомъ посмотрѣлъ на Ванку, не перестававшаго читать.

— При чемъ тутъ Ларіонъ Дмитріевичъ?— замѣтила даже Анна Николаевна.

— Не думаешь же ты, что я излагалъ свои собственные взгляды?

— Пойду къ Натѣ, — заявила, вставая, Анна Николаевна.

— А что, она здорова? Я ее совсѣмъ не вижу,—почему-то вспомнилъ Ваня.

— Еше бы, ты цѣлыми днями пропадаешь.

— Гдѣ же я пропадаю?

— А ужъ это нужно у тебя спросить,— сказала тетка, выходя изъ комнаты.

Дядя Костя допивалъ остывшій кофе, и въ комнатѣ сильно пахло нафталиномъ.

— Вы про Штрупа говорили, дядя Костя, когда я пришелъ? — рѣшился спросить Ваня.

— Про Штрупа? Право, не помню, такъ что-то Анета мнѣ говорила.

— А я думалъ, что про него.

— Нѣтъ, что же мнѣ съ ней-то объ Штрупѣ говорить?

— А вы дѣйствительно полагаете, что Штрупъ такихъ убѣжденій, какъ вы высказывали?

— Его разсужденья таковы; поступки не знаю, и убѣжденья другого человѣка—вещь темная и тонкая.

— Развѣ вы думаете, что его поступки расходятся со словами?

— Не знаю; я не знаю его дѣлъ и потому не всегда можно поступать сообразно желанью. Напримѣръ, мы собирались давно уже быть на дачѣ, а между тѣмъ...

— Знаете, дядя, меня этотъ старовѣръ, Сорокинъ, зоветъ къ нимъ на Волгу: «пріѣз-

жайте,—говорить,—тятенька ничего не заругаетъ; посмотрите, какъ у насъ существуютъ, если интересно». Такъ вдругъ расположился ко мнѣ, не знаю и отчего.

— Ну, что же, вотъ и отправляйся.

— Денегъ тетя не дастъ, да и вообще не стоитъ.

— Почему не стоитъ?

— Такъ все гадко, такъ все гадко!

— Да съ чего же вдругъ все гадко-то стало?

— Не знаю, право,—проговорилъ Ваня и закрылъ лицо руками.

Константинъ Васильевичъ посмотрѣлъ на склоненную голову Вани и тихонько вышла изъ комнаты.

III
Швейцара не было, двери на лѣстницу были открыты и въ перелюкю доносился изъ затвореннаго кабинета гнѣвный голосъ, чередуясь съ молчаніемъ, когда смутно звучаль чей-то тихій, казалось, женскій голосъ. Ваня, не снимая пальто и фуражки, остановился въ передней; дверная ручка въ кабинетъ повернулась, и въ полуотворившуюся створу показалась державшая эту ручку чья-то рука до плеча въ красномъ рукавѣ русской рубашки. Донеслись явственно слова

Штрупа: «Я не позволю, чтобъ кто-нибудь касался этого! Тѣмъ болѣе женщина. Я запрещаю, слышите ли, запрещаю вамъ говорить объ этомъ!» Дверь снова затворилась и голоса снова стали глуше; Ваня въ тоскѣ осматривалъ такъ хорошо знакомую переднюю: электричество передъ зеркаломъ и надъ столомъ, платье на вѣшалкахъ; на столѣ были брошены дамскія перчатки, но шляпы и верхняго платья не было видно. Двери опять съ трескомъ распахнулись, и Штрупъ, не замѣчая Вани, съ гнѣвнымъ поблѣднѣвшимъ лицомъ прошелъ въ коридоръ; черезъ секунду за нимъ послѣдовалъ почти бѣгомъ Федоръ въ красной шелковой рубашкѣ, безъ пояса, съ графиномъ въ рукѣ. «Что вамъ угодно?»—обратился онъ къ Ванѣ, очевидно, не узнавая его. Лицо Федора было возбужденно-красное, какъ у выпившаго, или нарумянивашагося человѣка, рубашка безъ пояса, волосы тщательно расчесаны и будто слегка завиты, и отъ него сильно пахло духами Штрупа.

— Что вамъ угодно?—повторилъ онъ смотрѣвшему на него во всѣ глаза Ванѣ.

— Ларіонъ Дмитріевичъ?

— Ихъ нѣтъ-съ.

— Какъ же я его сейчасъ видѣлъ?

— Извините, они очень заняты-сь, никакъ не могутъ принять.

— Да вы доложите, подите.

— Нѣтъ ужъ, право, лучше въ другой разъ, какъ-нибудь зайдите: теперь имъ никакъ невозможно принять васъ. Не одни они,—понижилъ голосъ Федоръ.

— Федоръ! — позвалъ Штрупъ изъ глубины коридора, и тотъ бросился бѣжать безшумной походкой.

Постоявъ нѣсколько минутъ, Ваня вышелъ на лѣстницу, притворивъ дверь, за которой снова раздались заглушенные, но громкіе и гнѣвные голоса. Въ швейцарской, лицомъ къ зеркалу, стояла, поправляя вуалетку, невысокая дама въ сѣро-зеленомъ платьѣ и черной кофточкѣ. Проходя за ея спиной, Ваня отчетливо разглядѣлъ въ зеркалѣ, что это была Ната. Поправивъ вуаль, она, не снѣша, стала подниматься по лѣстницѣ и позвонила у квартиры Штрупа, межъ тѣмъ, какъ подоспѣвшій швейцаръ выпускалъ Ваню на улицу.

— Что такое?—остановился Алексѣй Васильевичъ, читавшій утреннюю газету:—«Загадочное самоубійство. Вчера, 21 мая, по

Фуриштадтской улицѣ, д. №, въ квартирѣ англійскаго подданныаго Л. Д. Штрупа кончила счеты съ жизнью молодая, полная надеждъ и силъ дѣвушка Ида Гольбергъ. Юная самоубійца проситъ въ своей предсмертной запискѣ никого не винить въ этой смерти, но обстановка, въ которой произошло это печальное событіе, заставляетъ предполагать романтическую подкладку. По словамъ хозяина квартиры, покойная во время горячаго объясненія, написавъ что-то на клочкѣ бумаги, быстро схватила приготовленный для путешествія его, Штрупа, револьверъ и раньше, чѣмъ присутствовавшіе успѣли что-нибудь предпринять, выпустила весь зарядъ себѣ въ правый високъ. Рѣшеніе этой загадки усложняется тѣмъ, что слуга г-на Штрупа, Эсдоръ Васильевичъ Соловьевъ, кр. Орловской губ., въ тотъ же день безслѣдно пропалъ, и что осталась не выясненной какъ личность дамы, приходившей на квартиру Штрупа за полчаса до рокового событія, такъ и степень ея вліянія на трагическую развязку. Производится слѣдствіе».

Всѣ молчали за чайнымъ столомъ, и въ комнатѣ, напитанной запахомъ нафталина, было слышно только тиканье часовъ.

— Что жъ это было? Ната? Ната? ты же

знаешь это? — какимъ-то не своимъ голосомъ сказалъ, наконецъ, Ваня, но Ната продолжала чертить вилкой по пустой тарелкѣ не отвѣчая ни слова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

-- Подумай, Ваня, какъ чудно, что вотъ—чужой человѣкъ, совсѣмъ чужой, и ноги у него другія, и кожа, и глаза, — и весь онъ твой, весь, весь, всего ты его можешь смотреть, цѣловать, трогать; и каждое пятнышко на его тѣлѣ, гдѣ бы оно ни было и золотистые волосики, что растутъ по рукамъ, и каждую бороздинку, впадинку кожи, черезъ мѣру любившей. И все-то ты знаешь, какъ онъ ходитъ, ѣстъ, спитъ, какъ разбѣгаются морщинки по его лицу при улыбка, какъ онъ думаетъ, какъ пахнетъ его тѣло. И тогда ты станешь какъ самъ не свой, а будто ты и онъ — одно и то же: плотью, кожей прилѣпишься, и при любви нѣтъ на землѣ, Ваня, бдльшаго счастья, а безъ любви непереносно, непереносно! И что я скажу, Ваня, легче любя не имѣть, чѣмъ имѣть, не любя.

Бракъ, бракъ: не то тайна, что пошь благословить, да дѣти пойдуть:—кошка, вонъ, и по четыре раза въ годъ таскаеть,—а что загорится душа отдать себя другому и взять его совѣмъ, хоть на недѣлю, хоть на день, и если у обоихъ душа пылаеть, то и значить, что Богъ соединилъ ихъ. Грѣхъ съ сердцемъ холоднымъ или по расчету любовь творить, а кого коснется персть огненный, что тотъ ни дѣлай, чистъ останется перель Господомъ. Что бы ни дѣлалъ, кого духъ любви пламенной коснется, все простится ему, потому что не свой ужъ онъ, въ духѣ, въ восторгѣ...

И Марья Дмитріевна, вставши въ волнѣнши, прошлась отъ яблони до яблони и снова опустилась рядомъ съ Ваней на скамью, откуда было видно полъ-Волги, нескончаемые лѣса на другомъ берегу и далеко направо бѣлая церковь села за Волгой.

— А страшно, Ваня, когда любовь тебя коснется; радостно, а страшно; будто летаешь и все падаешь, или умираешь, какъ во снѣ бываетъ; и все тогда одно вездѣ и видится, что въ лицѣ любимомъ пронзило тебя: глаза ли, волосы ли, походка ль. И чудно, право: вѣдь вотъ—лицо, что въ немъ? Носъ посерединѣ, ротъ, два глаза. Что же

тебя такъ вошустъ и плѣняетъ въ немъ? И вѣдь много лицъ и красивыхъ видишь и полюбуешься ими, какъ цвѣткомъ или парчой какой, а другое и не красивое, а всю душу перевернетъ, и не у всѣхъ, а у тебя одного, и одно это лицо: съ чего это? И еще,—съ запинкой добавила говорившая,— что вотъ мужчины женщинъ любятъ, женщины—мужчинъ; бываетъ, говорятъ, что и женщина женщину любитъ, а мужчину—мужчина; бываетъ, говорятъ, да я и сама въ житіяхъ читала: Евгеніи преподобной, Нифонта, Пасфнутія Боровскаго; опять о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Да и повѣрить не трудно, развѣ Богу невозможно вложить и эту занозу въ сердце человѣче? А трудно, Ваня, противъ вложеннаго идти, да и грѣшно, можетъ быть.

Солнце почти сѣло за дальнимъ зубчатымъ боромъ и видныя въ трехъ поворотахъ плеса Волги зажелтѣли розовымъ золотомъ. Марья Дмитріевна, молча, смотрѣла на темныя лѣса на томъ берегу и все блѣднѣвшій багрянецъ вечерняго неба; молчалъ и Ваня, будто продолжавшій слушать свою собесѣдницу, полуоткрывши ротъ, всѣмъ существомъ, потомъ вдругъ не то печально, не то осуждающе замѣтилъ:

— А бываетъ, что и такъ люди грѣшатъ: изъ любопытства, или гордости, изъ корысти.

— Бываетъ, все бываетъ; ихъ грѣхъ, — какъ-то униженно созналась Марья Дмитріевна, не мѣняя позы и не поворачиваясь къ Ванѣ: — но тѣмъ, въ которыхъ есть вложное, трудно, ахъ какъ трудно, Ванечка! Не въ ропотъ говорю; другимъ и легка жизнь, да не къ чему она; какъ щи безъ соли: сытно, да не вкусно.

Послѣ комнаты, балкона, сѣней, двора подъ яблонями обѣды перенеслись въ подвалъ. Въ подвалѣ было темно, пахло солодомъ, капустой и нѣсколько мышами, но считалось, что тамъ не такъ жарко и нѣтъ мухъ; столъ ставили противъ дверей для большей свѣтлости, но когда Маланья, по двору почти бѣжавшая съ кушаньемъ, пріостанавливалась въ отверстіи, чтобы спуститься въ темнотѣ по ступенькамъ, становилось еще темнѣе, и стряпуха неизбежно ворчала: «ну ужъ и темнота, прости Господи! Скажите, что выдумали, куда забрались!» Иногда, не дождавшись Маланьи, за кушаньями бѣгаль кудравый Сергѣй, молодецъ изъ лавки обѣ-

давший дома вмѣстѣ съ Иваномъ Осиповичемъ; и, когда онъ несясь потомъ по двору, высоко держа обѣими руками блюдо, за нимъ катилась и кухарка съ ложкой или вилкой, крича: «да что это, будто я сама не подамъ? Зачѣмъ Сергѣя-то гонять? Я бы скоро»...

— Вы бы скоро, а мы сейчасъ,—отпарироваль Сергѣй, ухарски брякая посудой передъ Ариной Дмитриевной и усаживаясь съ улыбочкой на свое мѣсто между Иваномъ Осиповичемъ и Сашей.

— И къ чему это Богъ такую жару придумаль?—допытывался Сергѣй.—Никому-то она не нужна: вода сохнетъ, деревья горятъ,—всѣмъ тяжело...

— Для хлѣба, знать.

— Да и для хлѣба безо времени да безъ мѣры не большая прибыль. А вѣдь и во-время и не во-время—все Богъ посылаетъ.

— Не во-время, тогда, значитъ, испытаніе за грѣхи.

— А вотъ, — вмѣшался Иванъ Осиповичъ, — у насъ одного старика жаромъ убило; никого не обижаль и шель-то на богомолье, а его жаромъ и убило. Это какъ понимать надо?—Сергѣй, молча, торжествоваль.

— За чужіе, знать, грѣхи, не за свои

пострадалъ, — рѣшилъ Прохоръ Никитичъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ.

— Какъ же такъ? Другіе будутъ пьянствовать да гулять, а Господь за нихъ безвинныхъ стариковъ убивать?

— Или, простите, къ примѣру, вы бы долговъ не платили, а меня бы за васъ въ яму посадили; хорошо бы это было?—замѣтилъ Сергѣй.

— Лучше ши-то хлебай, чѣмъ глупости разводите; къ чему, да къ чему! Самъ-то ты къ чему? Ты думаешь про жару, что она не къ чему, а она, можетъ, про тебя думаетъ, что ты, Сережка, не къ чему.

Насытившись, долго и тягостно пили чай, кто съ яблоками, кто съ вареньемъ. Сергѣй снова начиналъ резонировать:

— Часто очень бываетъ затруднительно понять, что какъ понимать слѣдуетъ; возьмемъ такъ: убилъ солдатъ чловѣка, убилъ я; ему — Георгія, меня на каторгу, — почему это?

— Гдѣ тебѣ понять? Вотъ я скажу: живетъ мужъ съ женой и холостой съ бабой путается; другой скажетъ, что все одно, а большая есть разница. Въ чемъ, спрашивается?

— Не могу знать, — отозвался Сергѣй, смотря во всѣ глаза.

— Въ воображеніи. Первое, — говорилъ Прохоръ Никитычъ, будто отыскивая не только слова, но и мысли, — первое: женатый съ одной дѣло имѣеть — разъ; другое, что живутъ они тихо, мирно, привыкли другъ къ другу и мужъ жену любить все равно какъ кашу ѣсть или приказчиковъ ругаетъ, а у тѣхъ все глупости на умѣ, все хи-хи, да ха-ха, ни постоянства, ни степснности; оттого одно — законѣ, другое — блудъ. Не въ дѣяніи грѣхъ, а въ прилогѣ, какъ прилагается дѣло-то къ чему.

— Позвольте, вѣдь бываетъ, что и мужъ жену съ сердчнымъ трепетомъ обожаетъ, а другой и къ любовницѣ такъ привыкъ, что все равно ему — ее поцѣловать, комара ли раздавить: какъ же тогда разбирать, гдѣ законъ, а гдѣ блудъ?

— Безъ любви такое дѣлать — скверность одна, — отозвалась вдругъ Марья Дмитріевна.

— Вотъ ты говоришь: «скверность», а мало слова знать, надо ихъ силу понимать. Что сказано: «скверна» — идоложертвенное, — вотъ что: зайцевъ, примѣрно, ѣсть — скверна; а то блудъ!

— Да что ты все «блудъ», да «блудъ»! Подумаешь, какой разговоръ при мальчикахъ завелъ! — прикрикнула Арина Дмитріевна.

— Ну, что жь такое, они и сами пошмать могутъ. Такъ ли, Иванъ Петровичъ?— обратился старикъ Сорокинъ къ Ванѣ.

— Что это?—встрепенулъ тотъ.

— Какъ вы насчетъ всего этого полагаете?

— Да, знаете ли, очень трудно судить о чужихъ дѣлахъ.

— Вотъ правду, Ванечка, сказали,—обрадовалась Арина Дмитріевна, и никогда не судите; это и сказано: «не судите, да не судимы будете».

— Ну, другіе не судятъ, да судимы бываютъ, — проговорилъ Сорокинъ, выльзая изъ-за стола.

НА пристани и на мосткахъ оставались лишь торговки съ булками, воблой, малиной и солеными огурцами; причальщики въ пѣтнхъ рубахахъ стояли, опершись на перила, и плевали въ воду, и Арина Дмитріевна, проводивъ старика Сорокина на пароходъ, усаживалась на широкую линейку рядомъ съ Марьей Дмитріевной.

— Какъ это мы, Машенька, лепешки-то забыли? Прохоръ Никитичъ такъ любятъ чай съ ними кушать.

— Да, вѣдь, на самомъ на виду и положила-то ихъ, а потомъ и не къ чему.

— Хоть бы ты, Парфенъ, напомнилъ!..

— Да вѣдь мнѣ-то что же? Если бы гдѣ на волѣ забыли, я бы, конечно, скричалъ, а то я въ горницы не ходилъ,—оправдывался старикъ-работникъ.

— Иванъ Петровичъ, Саша! Куда же вы? — позвала Арина Дмитриевна молодыхъ людей, начавшихъ уже подыматься въ гору,

— Мы, маменька, пѣшкомъ пройдемся, еще раньше васъ придемъ тропкой-то.

— Ну, идите, идите, ноги молодья. А то проѣхались бы, Иванъ Петровичъ?—уго-варивала она Ваню.

— Нѣтъ, ничего, мы пѣшкомъ, благодарю васъ,—кричалъ тотъ съ полугоры.

— Вонъ — любимовскій прибѣжалъ, — замѣтилъ Саша, снимая фуражку и обращиваясь слегка вспотѣвшимъ, раскраснѣвшимся лицомъ къ вѣтру.

— Прохоръ Никитычъ надолго уѣхалъ?

— Нѣтъ, дольше Петрова дня не пробудетъ на Унжѣ, тамъ дѣла немного, только посмотрѣть.

— А вы, Саша, развѣ никогда съ отцомъ не ѣздите?

— А я и всегда съ нимъ ѣзжу, это вотъ

только что вы у насъ гостите, такъ я не поѣхалъ.

— Что жъ вы не поѣхали? Зачѣмъ изъ-за меня стѣсняться?

Саша снова нахлобучилъ фуражку на разлетавшіеся во всѣ стороны черные волосы и, улыбнувшись, замѣтилъ:

— Никакого стѣсненья, тутъ, Ванечка, нѣтъ, а я такъ очень радъ съ вами остаться. Конечно, если бъ съ мамашей да тетенькой съ однѣми, я бы соскучалъ, а такъ я очень радъ; — помолчавъ, онъ продолжалъ, какъ бы въ раздумьи: — вѣдь вотъ бываешь на Унжѣ, на Ветлугѣ, на Москвѣ и ничего-то ты не видишь, окромя своего дѣла, все равно какъ слѣпой! Вездѣ только лѣсъ, да объ лѣсѣ, да про лѣсъ: сколько стоитъ, да сколько провозъ, да сколько выйдетъ досокъ, да бревенъ—вотъ и все! Тятенька ужъ такъ и устроенъ и меня такъ же образуетъ. И куда бы мы ни пріѣхали — сейчасъ по лѣсникамъ, да по трактирамъ, и вездѣ все одно и то же, одинъ разговоръ. Скучно, вѣдь это, знаете ли. Въ родѣ какъ, скажемъ, былъ бы строитель и строилъ бы онъ однѣ только церкви и не всѣ церкви, а только карнизы у церквей; и объѣхалъ бы онъ весь міръ и вездѣ смотрѣлъ бы

только церковные карнизы, не видя ни разных людей, ни какъ они живутъ, какъ думаютъ, молятся, любятъ, ни деревьевъ, ни цвѣтовъ гдѣхъ мѣстъ — ничего бы онъ не видѣлъ, кромѣ своихъ карнизовъ. Человѣкъ долженъ быть, какъ рѣка или зеркало — что въ немъ отразится, то и принимать; тогда, какъ въ Волгѣ, будутъ въ немъ и солнышко, и тучи, и лѣса, и горы высокія, и города съ церквами — ко всему ровно должно быть, тогда все и соединишь въ себѣ. А кого одно что-нибудь зацѣпитъ, то того и съѣстъ, а пуще всего корысть или вотъ божественное еще.

— То есть, какъ это божественное?

— Ну, церковное, что ли! Кто о немъ все думаетъ и читаетъ, трудно тому, что другое понять.

— Да какъ же есть и архіереи, свѣтскаго не чуждающіеся, изъ вашихъ даже, на примѣръ, владыка Иннокентій.

— Конечно, есть, и, знаете ли, по-моему очень плохо дѣлаютъ: нельзя быть хорошимъ офицеромъ, хорошимъ купцомъ, понимая все одинаково; потому я вамъ, Ваня, отъ души и завидую, что никого изъ васъ одного не готовятъ, а все вы знаете и все понимаете, не то что я, на примѣръ, а однихъ мы съ вами годочковъ.

Ну, гдѣ же я все знаю, ничему у насъ въ гимназіи не учатъ!

— Все же, ничего не зная, лучше, чѣмъ зная только одно, что можно все понимать.

Внизу глухо застучали колеса дрожекъ и гдѣ-то на водѣ далеко раздавались громкая ругань и всплески веселья.

-- Долго нашихъ нѣтъ!

— Должно, къ Логинову заѣхали, замѣтилъ Саша, садясь рядомъ со Смуровымъ на траву.

-- А развѣ мы съ вами ровесники? — спросилъ тотъ, глядя за Волгу, гдѣ по лугамъ бѣжали тѣни отъ тучекъ.

— Какъ же, почти въ одномъ мѣсяцѣ родились, я спрашивалъ у Ларіона Дмитріевича.

— Вы хорошо, Саша, знаете Ларіона Дмитріевича?

— Не такъ, чтобы очень; недавно вѣдь мы познакомились-то; да и они не такой человѣкъ будутъ, чтобы съ перваго раза узнать.

— Вы слышали, какая у нихъ исторія вышла?

— Слышалъ, я еще въ Питерѣ тогда былъ; только я думаю, что все это — неправда.

— Что — неправда?

— Что эта барышня не сама убилась. Я видѣлъ ихъ, какъ-то Ларіонъ Дмитріевичъ показывали мнѣ ихъ въ саду: такая чудная. Я тогда же Ларіону Дмитріевичу сказалъ: «помяните мое слово, нехорошо эта барышня кончитъ». Такая какая-то блаженная.

— Да, но вѣдь и не стрѣляя можно быть причиной самоубійства.

— Нѣтъ, Ванечка, если кто на что его не касающееся обидится да убьется, тутъ никто не причиненъ.

— А за то, изъ-за чего застрѣлилась Ида Павловна, вы вините Штрупа?

— А изъ-за чего она застрѣлилась?

— Я думаю, вы сами знаете.

— Изъ-за Федора?

— Мнѣ кажется, — смутившись, отвѣтил Ваня.

Сорокинъ долго не отвѣчалъ, и когда Ваня поднялъ глаза, онъ увидѣлъ, что тотъ совершенно равнодушно, даже нѣсколько сердито смотритъ на дорогу, откуда поднимались дрожки съ Парфеномъ.

— Что же, Саша, вы не отвѣчаете?

Тотъ бѣгло посмотрѣлъ на Ваню и сказалъ сердито и просто:

— Федоръ — простой парень, мужикъ, что

изъ-за него стрѣляться? Тогда, пожалуй, Маріону Дмитріевичу не пришлось бы брать ни кучера къ лошадямъ, ни швейцара къ дверямъ и не ходить къ доктору, когда зубы болятъ. Чтобы не было Федора, нужно бы...

— А вы насъ дожидаетесь? — закричала Арина Дмитріевна, слѣзая съ дрожекъ, межъ тѣмъ какъ Парфенъ и Марья Дмитріевна забирали кульки и мѣшечки, и черная дворовая собака съ лаемъ вертѣлась вокругъ.

НА Петровъ день собирались съѣздить въ скитъ верстахъ въ сорока за Волгою, чтобы отстоять обѣдню съ попомъ на такой большой праздникъ и повидаться съ Анной Никаноровной, дальней родственницей Сорокиныхъ, жившій на пчельникѣ у скита; въ Черемшаны, гдѣ жили дочери Прохора Никитича. отложили ѣхать до Ильина дня, чтобы прогостить до конца ярмарки, куда собирался съѣздить и Ваня. Въ сентябрѣ думали съѣхаться,—женщины изъ Черемшанъ, мужчины—изъ Нижняго, а Ваня въ концѣ августа, прямо, не заѣзжая сюда, въ Петербургъ. Дня за четыре до отъѣзда, почти уложившись въ дорогу,

всѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ, разсуждали въ десятый разъ, кто куда и на сколько времени поѣдетъ, какъ съ вечерней почтой принесли два письма Ванѣ, не получавшему съ самаго приѣзда ни одного. Одно было отъ Анны Николаевны, гдѣ она просила присмотрѣть въ Василѣ небольшую дачу рублей за 60, такъ какъ въ концѣ-концовъ Ната такъ раскисла, что не можетъ жить на дачѣ подъ Петербургомъ, Кока уѣхалъ развлекать свое горе въ Нотенталь, около Ганге, а Алексѣй Васильевичъ, дядя Костя и Боба просто-на-просто останутся въ городѣ. Другое было отъ самого Коки, гдѣ среди фразъ о томъ, какъ онъ груститъ «о смерти этой идеальной дѣвушки, погубленной тѣмъ негодяемъ», — онъ сообщалъ, что курзалъ подъ бокомъ, барышень масса, что онъ цѣлыми днями катается на велосипедѣ и пр. и пр.

«Зачѣмъ онъ мнѣ пишетъ все это? — думалъ Ваня, прочитавъ письмо: — неужели ему не къ кому адресоваться, кромѣ меня?»

— Вотъ тетя съ сестрой просятъ присмотрѣть дачу, хотятъ сюда приѣхать.

— Такъ что же, вотъ у Германихи, кажется, не занята, хотѣли астраханцы при-

ѣхать, да что-то не ѣдутъ; и вамъ бы недалеко было.

— Вы спросите, пожалуйста, Арина Дмитриевна, не отдасть ли она за 60 рублей, и вообще, какъ тамъ все.

— И за 50 отдасть, вы не беспокойтесь, я все устрою.

Удалившись въ свою комнату, Ваня долго сидѣлъ у окна, не зажигая свѣчей, и Истербургъ, Казанскіе, Штрупъ его квартира, и почему-то, особенно, Федоръ, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ красной шелковой рубахѣ безъ пояса, съ улыбкой на покраснѣвшемъ, но непривыкшемъ къ румянцу лицѣ, съ графиномъ въ рукѣ— вспомнились ему; зажегши свѣчу, онъ вынулъ томикъ Шекспира, гдѣ было «Ромео и Джульета», и попробовалъ читать; словаря не было и безъ Штрупа онъ понималъ черезъ пятое въ десятое, но какой-то потокъ красоты и жизни вдругъ охватилъ его, какъ никогда прежде, будто что-то родное, давно не виданное, полузабытое, носкресло и обняло горячими руками. Въ дверь тихонько постучались.

— Кто тамъ?

— Я! можно войти?

— Пожалуйста.

— Простите, помѣшала я вамъ,—говорила вошедшая Марья Дмитріевна:—вотъ лѣстовку вамъ принесла, въ свою сумочку уложите.

— А, хорошо!

— Что это вы прочитывали? — медлила уходить Марья Дмитріевна—думала, не прологъ ли, что взяли почитать.

— Нѣтъ, это такъ, пьеса одна, англійская.

— Такъ, а я думала, не прологъ ли, словъ-то не слышно, а чуть что читаете съ удареніемъ.

— Развѣ я вслухъ читалъ?—удивился Ваня.

— А то какъ же?... Такъ я лѣстовочку на этажерку положу... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

И Марья Дмитріевна, поправивъ лампаду, безшумно удалилась, тихо, но плотно закрывъ двери. Ваня съ удивленіемъ, какъ пробужденный, посмотрѣлъ на образа въ кіотѣ, лампаду, кованый сундукъ въ углу, сдѣланную постель, крѣпкій столъ у окна съ бѣлой занавѣсью, за которой былъ виденъ садъ и звѣздное небо,—и, закрывъ книгу, задулъ свѣчу.

— Вотъ незабудокъ-то на болотѣ!—воскликала ежеминутно Марья Дмитріевна, по-

куда ѣхали вдоль болотной луговинны, сплошь заросшей голубыми цвѣтами и высокою водяной травой, на которой сидѣли почти съ незамѣтнымъ трепстомъ блестящихъ крыльевъ и всего зеленоватаго тѣльца, коромыслы. Отставши съ Ваней отъ первой брички, гдѣ ѣхали Арина Дмитріевна съ Сашей, она то сходила съ телѣжки и шла по дорожкѣ вдоль болота и лѣса, то снова садилась, то собирала цвѣты, то что-то напѣвала, и все время говорила съ Ваней будто сама съ собой, какъ бы опьяненная лѣсомъ и солнцемъ, голубымъ небомъ и голубыми цвѣтами. И Ваня почти со снисходительнымъ участіемъ смотрѣлъ на сіявшее и помолодѣвшее, какъ у подростка, лицо этой тридцатилѣтней женщины.

— Въ Москвѣ у насъ чудный садъ былъ, въ Замоскворѣчьи мы жили: яблони, сирень росла, а въ углу ключъ былъ и кустъ черносмородинный; лѣтомъ никуда мы не ѣздили, такъ я, бывало, цѣлый день въ саду; и варенье варила... Люблю я вотъ, Ванечка, босою ходить по горячей землѣ или купаться въ рѣчкѣ; сквозь воду тѣло свое видишь, золотые зайчики отъ воды по немъ бѣгаютъ, а какъ окунешься, да глаза тамъ откроешь, такъ все зелено, и видишь, какъ рыбки про-

бѣгають, и ляжешь потомъ на горячемъ пескѣ сушиться, вѣтерокъ продуваетъ, славно! И лучше какъ одна лежишь, никого подружекъ нѣтъ. И это неправда, что старухи говорятъ, будто тѣло—грѣхъ, цвѣты, красота—грѣхъ, мыться—грѣхъ. Развѣ не Господь все это создалъ: и воду, и деревья, и тѣло? Грѣхъ—волѣ Господней противиться: когда, на примѣръ, кто къ чему отмѣченъ, рвется къ чему—не позволять этого—вотъ грѣхъ! И какъ торопиться нужно, Ваня, и сказать нельзя! Какъ хорошая хозяйка запасаетъ во-время и капусту, и огурцы, зная, что потомъ не достанешь, такъ и намъ, Ваня и наглядѣться, и налюбиться, и надышаться надо во-время! Дологъ ли вѣкъ нашъ? А молодость и еще кратче, и минута, что проходитъ, никогда не вернется, и вѣчно помнить это бы нужно; тогда вдвое бы слаще все было, какъ младенцу, только что глаза открывшему или умирающему.

Вдали слышались голоса Арины Дмитріевны и Саши; сзади стучала по гаги телѣга Парфена, жужжали мухи, пахло травой, болотомъ и цвѣтами; было жарко, и Марья Дмитріевна, въ черномъ платьѣ и бѣломъ платкѣ въ ропускѣ, поблѣднѣвшая отъ усталости и жары, съ сіяющими темными

глазами, сидѣла, слегка сторбившись, на телѣжкѣ рядомъ съ Ваней, разбирая сорванные цвѣты.

— Все равно мнѣ, что я сама про себя думаю, что съ вами, Ванечка, говорю, потому душа у васъ младенческая.

При поворотѣ открылась обширная поляна и на ней куча домовъ входами внутрь; многіе походили на сараи безъ оконъ или съ окнами только въ верхнемъ жильѣ, безъ видимой улицы, кучей, пострѣвннѣе отъ времени. Людей не было видно и только навстрѣчу пылившей бричкѣ съ Ариной Дмитріевной и Сашей песся лай собакъ изъ скита.

Послѣ обѣдни Сорокины и Ваня отправились къ старцу Леонтію, жившему на пчельникѣ въ полуверстѣ отъ скита. Проходя торопливо черезъ тѣнистый перелѣсокъ на небольшую поляну, гдѣ, среди высокой травы съ цвѣтами, была слышна струя невиднаго ручья въ деревянномъ жолобѣ, Арина Дмитріевна сообщила Ванѣ о старцѣ Леонтіи:

— Изъ великороссійской перешель вѣдь онъ въ истинную-то перковь, давно ужъ,

будеть тому лѣтъ 30, а и тогда ужь не молодъ былъ. А крѣпкій старикъ, ревнитель; четыре раза подъ судомъ былъ, два года въ Суздальѣ отсиѣлъ; постникъ страшный, а ужь молиться какъ сердить — что заведенное колесо! И все онъ провидить... Вы ужь, Ванечка, не говорите прямо, что вы православный, можетъ, ему не понравится.

— А можетъ, онъ меня еще лучше наставлять начнетъ?

— Пѣть, ужь лучше не говорите...

— Да хорошо, хорошо, — разсѣянно говорилъ Ваня, съ любопытствомъ смотря на низенькую избушку, розовыя мальвы вокругъ, и на завалинѣ, въ бѣлой рубашкѣ, синихъ портахъ и небольшой скуфейкѣ на головѣ, сѣдого старика съ длинной узкой бородой и живыми веселыми глазами.

— Какъ пришелъ онъ, погь-то, ко мнѣ на верхъ, сейчасъ къ столу, и ну Евангеліе ворошить. «Счастье, — говоритъ твое, — что съ выхоломъ, а то бы я отобралъ, а картинки и которыя рукописи отберу безпремѣнно», — портреты у меня висѣли Семена Денисова, Петра Филиппова и другіе кое-какіе на стѣнѣ. А я еще не старый былъ, здоровый, и говорю: «это еще тебѣ, батька, какъ бы я позволилъ, отобратъ-то». Дья-

конь совсѣмъ пьянъ былъ, все охаль, а говоритъ: «прекрати, отецъ». Попъ повалилъ меня на кровать и хочетъ изъ блюдечка чаемъ поливать — крестить, значить, но я усилился, онъ и слѣзъ: «до свиданья,—говорить,—я еще съ тобой побесѣдую», — а какъ я пошелъ ихъ провожать, онъ возьми меня, да съ горки и шихни.

И старикъ заученнымъ тономъ повѣствоваль, какъ онъ былъ у некрасовцевъ въ Турціи, какъ его хотѣли убить, какъ судили, какъ онъ сидѣлъ въ Суздалѣ, какъ его вездѣ спасалъ крестъ съ мощами, и онъ вынесъ изъ избы, низко наклоняясь въ дверяхъ, полный крестъ, гдѣ по мѣдной оправѣ было вычеканено: «мощи св. Петра, митрополита Московскаго, чудотворца, св. благовѣрной княгини Февроніи Муромской, св. пророка Іоны, св. благовѣрнаго царевича Дмитрія, преподобной матери нашей Маріи Египтяныни».

Внутри, черезъ окна, были видны иконы по полкамъ, красноватый огонь лампадокъ и свѣчей, книги на окнахъ и столѣ, голая скамейка съ полѣномъ въ изголовьѣ. И старецъ Леонтій, нараспѣвъ, смотря некстати веселыми глазами на Ваню, говорилъ:

— Крѣпко, сынокъ, стой въ вѣрѣ правой,

ибо что есть выше правой вѣры? Она всѣ грѣхи покрываетъ и въ дома вѣчнаго свѣта водворяетъ. Вѣчный же свѣтъ Господа нашего Исуса паче всего любить надлежитъ. Что есть вѣчно, что есть нетлѣнно, какъ рай пресвѣтлый, души — спасенье? Цвѣтокъ ли илѣняетъ тебя — завтра увядаетъ, человека ли полюбишь — завтра умираетъ: упадутъ, потухнутъ очи ясныя, пожелтѣютъ щеки румяныя, волосъ, зубовъ лишисься ты, и весь ты — червей добыча. Трупы хлячье — вотъ люди на свѣтѣ семъ.

Теперь легче будетъ, позволять церкви строить, служить открыто, — старался Ваня отвлечь старика.

— Не гонись за тѣмъ, что легко, а къ тому, что трудно стремись! Отъ легкости, свободы да богатства народы гибнуть, а въ тяжкихъ страданьяхъ вѣру свою спасаютъ. Хитеръ врагъ человѣческой, тайны козни его — и всякую милость испытывать надо, откуда идетъ она.

— Откуда такая озлобленность? — проговорилъ Ваня, уходя со пчельника.

— И еще: развѣ люди виноваты, что они умираютъ? — соглашалась Марья Дмитріевна, — а я такъ еще больше полюбила бы то, что завтра осуждено на гибель.

— Любить-то все можно, да ничему одному сердца не отдавать, чтобы не быть съѣденнымъ, — замѣтилъ Сапа, все время молчавшій.

— Вотъ еще филозовъ объявился,—пренебрежительно замѣтила тетка.

— Что же, развѣ я безъ головы?

— И какъ это онъ не узналъ, что вы церковный? А можетъ провидѣлъ онъ, голубчикъ, что вы къ истинной вѣрѣ придете?—разсуждала Арина Дмитріевна, умильно глядя на Ваню.

ВЪ комнатѣ, освѣщенной одной лампадкой, было почти совсѣмъ темно; въ окно было видно густо-красное желтѣвшее кверху небо заката и черный боръ на немъ за долиной, и Сапа Сорокинъ, темнѣя у краснѣвшаго вечерняго окна, продолжалъ говорить:

— Трудно это совмѣстить! Какъ одинъ изъ нашихъ говорилъ: «какъ послѣ театра ты канонъ Иисусу читать будешь? Легче человѣка убивши». И точно: убить, украсть, прелюбодѣйствовать при всякой вѣрѣ можно, а понимать «Фауста» и убѣжденно по лѣстовкѣ молиться --- немыслимо, или ужъ, это Богъ

знать что, чорта дразнить. И вѣдь если человекъ грѣха не дѣлаетъ и правила исполняетъ, а въ ихъ надобность и спасительность не вѣритъ, такъ это хуже, чѣмъ не исполнять, да вѣрить. А какъ вѣрить, когда не вѣрится? Какъ не знать, что знаешь, не помнить того, что помнишь? И тутъ нельзя судить: это мудро, это я буду исполнять, а то—пустяки, необязательно: кто тебя поставилъ судить такъ? Покуда церковь не отмѣнены, всѣ правила должны исполняться, и должны мы чуждаться свѣтскихъ искусствъ, не лѣчиться у докторовъ-иновѣрцевъ, всѣ посты соблюдать. Старое православіе только старики лѣсныя могутъ держать, а зачѣмъ я буду зваться тѣмъ, чѣмъ не состою и состоять чѣмъ нужнымъ не считаю? А какъ я могу думать, что только наша кучка спасется, а весь міръ во грѣхѣ лежитъ? А, не думая этого, какъ я могу старообрядцемъ считаться? Также и всякую другую вѣру и жизнь, всѣ чужія уничижающія принять жестоко, а всѣ заразъ понимая, правовѣрнымъ ни въ какой быть не можешь.

Голосъ Саши стихъ и снова раздался, такъ какъ Ваня, лежа на кровати, ничего не отвѣчалъ изъ темноты.

— Вотъ вамъ со стороны, можетъ быть, понятнѣй и виднѣй, чѣмъ намъ самимъ наша жизнь, вѣра, обряды, и люди наши вами поняты могутъ быть, а вы ими — нѣтъ, или только одна ваша часть, не главнѣйшая, поймется тягенькой или стариками нашими, и всегда вы бы были чужанинъ, вѣншній. Ничего тутъ не подѣлаетъ! Я васъ самахъ, Ванечка, какъ бы ни любилъ, ни уважалъ, а чувствую, что есть въ васъ, что меня давить и смущаетъ. И отцы наши, и дѣды наши по разному жили, думали, знали и намъ самимъ не сравнятся еще съ вами, — въ чемъ-нибудь разница да скажется, и одно желаніе тутъ ничего не сдѣлаетъ.

Снова умолкъ Сашиинъ голосъ, и долго было слышно только совсѣмъ далекое пѣніе изъ открытыхъ дверей молельни.

— А какъ же Марья Дмитріевна?

— Что Марья Дмитріевна?

— Какъ она думаетъ, уживается?

— Кто ее знаетъ какъ; богомольна и о мужкѣ скучаетъ.

— Давно ее мужъ умеръ?

— Давно, ужъ лѣтъ восемь, я еще совсѣмъ мальчишкой былъ.

— Славная она у васъ.

-- Ничего, больших-то понятіевъ тоже не очень и у нея много,—проговорилъ Саша, закрывая окно.

Къ воротамъ еще подѣхала телѣжка съ гостями; Арина Дмитриевна, почти не сдвинувшаяся за столъ, побѣжала навстрѣчу и съ крыльца были слышны приветственные возгласы и поцѣлуи. Въ залѣ, гдѣ обѣдало человѣкъ десять мужчинъ, было шумно и жарко; взятая въ подмогу Маланьѣ босоногоя Фроська поминутно бѣгала въ погребъ съ большимъ стекляннымъ кувшиномъ и назадъ, неся его наполненнымъ холоднымъ пѣнящимся квасомъ. Въ комнатѣ, гдѣ обѣдали женщины, сидѣли Марья Дмитриевна за хозяйку, которая бѣгала отъ стола къ столу, угощая, въ кухню и навстрѣчу все подѣзжавшимъ новымъ гостямъ, Анна Николаевна съ Натой и штукъ пять гостей, отиравшихъ потъ съ лица уже мокрыми насквозь платками, межъ тѣмъ какъ кушанья подавались все еще и еще, пилаь мадера и наливка, и мухи лѣзли въ грязные стаканы и кучами сидѣли по выбѣленнымъ стѣнамъ и скатерти въ крошкахъ. Муж-

чины снимали пиджаки и въ жилетахъ, поверхъ цвѣтныхъ рубашекъ, красные и особеннѣйшіе, громко смѣялись, говоря и икая. Солнце сквозь раскрытую дверь блестяло черезъ стеклянную горку на ярко пылавшихъ лампадахъ и дальше, въ соедѣней комнатѣ, на крашеныхъ клѣткахъ съ канарейками, которыя, возбуждаемая общимъ шумомъ неистово пѣли. Поминутно гнали собакъ, лѣзшихъ со двора, и дверь на блокъ, на минуту задерживаемая босою ногой Фроськи, хлопала и визжала; пахло малиной, пирогами, виномъ и потомъ.

— Ну, посудите сами, наказываю ему отвѣчать телеграммой въ Самару, а онъ хоть бы слово!

— Сначала на погребъ, обдавши спиртомъ, снести, а ужъ на другой день съ дубовой корой варить, — очень выходитъ вкусно.

— На Вознесенъе громовскій отецъ Василій прекрасную рѣчь сказалъ; «блаженны миротворцы—потому и вы о Чубыкинской богадѣльнѣ помиритеся и попечителю долги простите и отчета не спрашивайте!»—смѣху подобно!..

— Я говорю — 35 рублей, а онъ мнѣ даетъ 15...

— Голубой, ужъ такой голубой, и розовые разводы,—песлось изъ женской комнаты.

— Ваше здоровье! Арина Дмитріевна, ваше здоровье!—кричали мужчины, торопившейся на кухню хозяйкѣ.

Стулья какъ-то разомъ зашумѣли и всѣ стали молча креститься на иконы въ углу; Фроська уже тащила самоваръ, и Арина Дмитріевна хлопотала, чтобы гости не расхотѣлись далеко до чая.

— Неужели тебѣ нравится эта жизнь,—спрашивала Ната Ваню, пошедшаго ихъ проводить отъ сорокинскихъ собакъ по двору.

— Нѣтъ, но бываетъ и хуже.

— Рѣдко, — замѣтила Анна Николаевна,—снова пріотворяя калитку, чтобы освободить захлопнутый подолъ сѣраго шелкового платья.

— Сядемъ здѣсь, Ната, я хотѣлъ бы поговорить съ тобой.

— Сядемъ, пожалуй. О чемъ же ты хочешь говорить?—сказала дѣвушка, садясь на скамью подъ тѣнь большихъ березъ рядомъ съ Ваней. Въ стоявшей въ сторонѣ церкви производился ремонтъ и въ открытыя двери

слышалось церковное пѣніе малярокъ, которымъ священникъ запретилъ пѣть внутри свѣтскія пѣсни. Паперти, обсаженной густыми кустами шныря, не было видно, но каждое слово было ясно слышно въ вечернемъ воздухѣ; совсѣмъ вдали мычало стало, идущее домой.

— О чемъ же ты хотѣлъ говорить со мной?

— Я не знаю; тебѣ, можетъ, будетъ тяжело или непріятно вспоминать объ этомъ.

— Ты, вѣрно, хочешь говорить о томъ несчастномъ дѣлѣ?—проговорила Ната, помолчавъ.

— Да, если ты можешь хоть сколько-нибудь объяснить его мнѣ, сдѣлай это.

— Ты заблуждаешься, если думаешь, что я знаю больше другихъ; я только знаю, что Ида Гольбергъ застрѣлилась сама, и даже причина ея поступка мнѣ неизвѣстна.

— Ты же была тамъ въ это время?

— Была, хотя и не за полчаса, а минутъ за десять, изъ которыхъ минутъ семь простояла въ пустой передней.

— Она при тебѣ застрѣлилась?

— Нѣтъ; именно выстрѣлъ-то и заставилъ меня войти въ кабинетъ...

— И она была уже мертвою?

Ната молча киннула головой утвердительно.

Маляры въ церкви затянули: «да исправится молитва моя».

— Пусти, чортъ! куда лѣзешь? а ну тебя!

— А! — раздавались притворные крики женскаго голоса съ наперти, межъ тѣмъ, какъ невидный партнеръ предпочиталъ продолжать возню молча.

— А!—еще выше, какъ крикъ тонущихъ, раздался возгласъ, и кусты шпырея сильно затрепетали въ одномъ мѣстѣ безъ вѣтра.

— «Жертна вечерняя!»—умиротворяюще закапчивали пѣвшіе внутри.

— На столѣ стоялъ графинъ или сифонъ—что-то стеклянное, и бутылка коньяку, человекъ въ красной рубашкѣ сидѣлъ на кожаномъ диванѣ, что-то дѣлая около этого же стола, самъ Птрупъ стоялъ справа и Ида сидѣла, откинувъ голову на спинку кресла у письменнаго стола...

— Она была уже не живая?

— Да, она уже, казалось, умерла. Едва я вошла, онъ сказалъ мнѣ: «зачѣмъ вы здѣсь? Для вашего счастья, для вашего спокойствія, уходите! Уходите сейчасъ же, прошу васъ». Сидѣвшій на диванѣ всталъ, и я замѣтила, что онъ былъ безъ пояса и

очень красивый; у него было красное, плавленное лицо и волосы вились; мнѣ онъ показался пьянымъ. И Штрупъ сказалъ: «Евдору, проводите барышню».

— «Да будетъ воля Твоя» — пѣли уже другое въ церкви; голоса на паперти, уже примиренные, тихо журчали безъ криковъ; женщина, казалось, тихонько плакала.

— Все-таки это ужасно! — промолвилъ Ваня

— Ужасно, — какъ эхо повторила Ната: — а для меня тѣмъ болѣе: я такъ любила этого человѣка, — и она заплакала.

Ваня недружелюбно смотрѣлъ на какъ-то вдругъ постарѣвшую, нѣсколько обрюзгнувшую дѣвушку съ припухлымъ ртомъ, съ веснушками, теперь слившимися въ сплошныя коричневатыя пятна, съ растрепанными рыжими волосами и спросилъ:

— Развѣ ты любила Ларіона Дмитріевича?

Та молча кивнула головой и, помолчавъ, начала необычно ласково:

— Ты, Ваня, не переписываешься съ нимъ теперь?

— Нѣтъ, я даже адреса его не знаю, въѣлъ онъ квартиру въ Петербургѣ бросилъ.

— Всегда можно пайти.

— А что, если бъ я и переписывался?

— Нѣтъ, такъ, ничего.

Изъ кустовъ тихо вышелъ молодецъ въ пиджакѣ и картузѣ, и когда онъ, поровнявшись, поклонился Ванѣ, тотъ узналъ въ немъ Сергѣя.

— Кто это? — спросила Ната.

— Приказчикъ Сорокиннхъ.

— Это, вѣроятно, и есть герой только что бывшей исторіи,—какъ-то пошло улыбаясь, добавила Ната.

— Какой исторіи?

— А на паперти, развѣ ты ничего не слышала?

— Слышала, кричали бабы, да мнѣ и ни къ чему.

Ваня почти наткнулся на лежащаго чловѣка въ бѣлой парѣ съ лѣтней форменной фуражкой, сползшей съ лица, на которое она была положена, съ руками, закинутыми подъ голову, спящаго на тѣнистомъ спускѣ къ рѣкѣ. И онъ очень удивился, узнавъ по лысинѣ, вздернутому носу, рѣдкой рыженькой бородкѣ и всей небольшой фигурѣ—учителя греческаго языка.

— Развѣ вы здѣсь, Даніиль Ивановичъ? — говорилъ Ваня, отъ изумленья даже забывши поздороваться.

— Какъ видите! Но что же васъ такъ удивляетъ, разъ вы сами здѣсь, тоже будучи изъ Петербурга?

— Что же я васъ не встрѣчалъ ральше?

— Очень понятно, разъ я только вчера пріѣхалъ. А вы здѣсь съ семействомъ?— спрашивалъ грскъ, окончательно сядясь и вытирая лысину платкомъ съ красной каемкой: — присаживайтесь, здѣсь тѣль и продуваетъ.

— Да, моя тетка съ двоюродной сестрой тоже здѣсь, но я живу отдѣльно, у Сорокиныхъ, можетъ слыхали?

— Покуда еще не имѣлъ счастья. А здѣсь недурно, очень недурно: Волга, сады и все такос.

— А гдѣ же вашъ котенокъ и дроздъ, съ вами?

— Нѣтъ, я вѣдь долго буду путешествовать...

И онъ съ увлеченіемъ сталъ рассказывать, что вотъ онъ совершенно неожиданно получилъ небольшое наслѣдство, взялъ отпускъ и хочетъ осуществить свою давнишнюю мечту: съѣздить въ Аоины, Александрію, Римъ, но въ ожиданіи осени, когда будетъ менѣе жарко для южныхъ странствій, поѣхалъ по Волгѣ, останавливаясь, гдѣ ему понравится,

съ маленькимъ чмоланомъ и тремя-четырьмя любимыми книгами.

— Теперь въ Римѣ, въ Помпеѣ, въ Азіи— интереснѣйшія раскопки и новыя литературныя произведенія древнихъ тамъ найдены. — И грекъ, увлекаясь, блестя глазами, снова сбросивъ фуражку, долго говорилъ о своихъ мечтахъ, восторгахъ, планахъ, и Ваня печально смотрѣлъ на сіяющее переливающейся жизненностью некрасивое лицо маленькаго лысаго грека.

— Да, интересно все это, очень интересно,—молвилъ онъ мечтательно, когда тотъ, кончивъ свои повѣствованія, закурилъ папиросу.

— А вы будете здѣсь до осени?—вдругъ вспомнилъ спросить Даніиль Ивановичъ.

— Вѣроятно. Съѣзжу въ Нижній на ярмарку и оттуда домой, — какъ бы стыдясь ничтожности своихъ плановъ, сознался Ваня.

— Что же, вы довольны? Сорокины эти— интересные люди?

— Они совсѣмъ простые, но добрые и радушные,-- снова отвѣчалъ Ваня, недружелюбно думая о ставшихъ вдругъ такъ ему чужими людяхъ. — Я очень скучаю, очень! Знаете, никого нѣтъ, кто бы не только могъ заразить восторгомъ, но кто бы могъ

просто понять и раздѣлить малѣйшее движеніе души,—вдругъ вырвалось у Вани,—и здѣсь, и, можетъ быть, въ Петербургѣ.

Грекъ зорко на него посмотрѣлъ.

— Смуровъ,—началъ онъ нѣсколько торжественно: — у васъ есть другъ, способный оцѣнить высшіе порывы духа, и въ которомъ вы всегда можете встрѣтить сочувствіе и любовь.

-- Благодарю васъ, Даниилъ Ивановичъ, — сказалъ Ваня, протягивая греку свою руку.

--- Не за что, — отвѣтилъ тотъ: — тѣмъ болѣе, что я говорилъ, собственно, не о себѣ.

— О комъ же?

— О Ларіонѣ Дмитріевичѣ.

-- О Штрупѣ?

— Да... Постоите, не прерывайте меня. Я отлично знаю Ларіона Дмитріевича, я видѣлъ его послѣ того несчастнаго случая и я свидѣтельствую, что въ этомъ онъ столько же виноватъ, какъ были бы виноваты вы, если бы, на примѣръ, я утопился оттого, что у васъ бѣлокурые волосы. Конечно, Ларіону Дмитріевичу въ высшей степени все равно, что о немъ говорятъ, но онъ высказывалъ сожалѣнье, что нѣкоторыя изъ дорогихъ ему лицъ могутъ измѣниться къ нему, и между другими называлъ васъ.

Имѣйте это въ виду, какъ и то, что онъ теперь—въ Мюнхенѣ, въ гостиницѣ «Четырехъ временъ года».

— Я его не сужу, но адресъ его мнѣ не нуженъ, и если вы пріѣхали, чтобы сообщить мнѣ это,—вы напрасно трудились.

— Мой другъ, страшитесь самоиѣнія! Буду ль я, старикъ, заѣзжать въ Васильсурскъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Римъ, чтобы сообщить адресъ Штрупа Ванѣ Смурову? Я и не зналъ, что вы здѣсь. Вы — взволнованы, вы — нездоровы, и я, какъ добрый врачъ, какъ наставникъ, указываю, чего вамъ не достаетъ — той жизни, что для васъ воплощена въ Штрупѣ,—вотъ и все.

— **КА**кой вы складной, Ванечка!-- говорилъ Саша, раздѣваясь и смотря на голую фигуру Вани, стоявшаго еще совсѣмъ на сухомъ пескѣ и наклонившагося, чтобы зачерпнуть воды—смочить темя и подъ-мышками, раньше чѣмъ войти въ воду. Тотъ посмотрѣлъ на волновавшееся отъ расходившихся круговъ въ водѣ отраженіе своего высокаго, гибкаго тѣла съ узкими бедрами и длинными стройными ногами, загорѣвшаго отъ купанья и солнца, своихъ отросшихъ свѣт-

лыхъ кудрей надъ тонкой шесї, большихъ
глазъ на кругломъ похудѣвшемъ лицѣ—и,
молча улыбнувшись, вошелъ въ холодную
воду. Саша, коротконогій, несмотря на вы-
сокій ростъ, бѣлый и пухлый, съ плескомъ
бултыхнулся въ глубокое мѣсто.

По всему берегу до стада были купаю-
щіеся ребятишки, съ визгомъ бѣгавшіе по
берегу и водѣ, тамъ и сямъ кучки красныхъ
рубашекъ и бѣлья, а вдали, повыше, подъ
ветлами, на ярко-зеленой скошенной травѣ
тоже мѣлкали дѣти и подростки, своими
пѣжно-розовыми тѣлами напоминая картины
рая въ стилѣ Тома. Ваня съ почти стра-
стнымъ весельемъ чувствовалъ, какъ его тѣло
разсѣкаетъ холодную глубокую воду и бы-
стрыми поворотами, какъ рыба, пѣнитъ бо-
лѣе теплую поверхность. Уставши, онъ
плылъ на спинѣ, видя только блестящее отъ
солнца небо, не двигая руками, не зная,
куда плыветъ. Онъ очнулся отъ усилив-
шихся криковъ на берегу, все удалявшихся
по направленію къ стаду и землечерпатель-
ной машинѣ.

Они бѣжали, надѣвая на ходу рубашки, и
навстрѣчу неслись крики: «поймали, поймали,
вытащили!»

— Что это?

— Утопленникъ, еще весной залился; теперь только нашли, за бревно зацѣпился—выплыть не могъ,—разсказывали бѣгушіе и обгоняюшіе ихъ ребята.

Съ горы бѣжала, громко плача, женщина въ красномъ платьѣ и бѣломъ платкѣ; достигши мѣста, гдѣ на рогожѣ лежало тѣло, она упала лицомъ на песокъ и еще громче зарыдала, причитая.

— Арина... мать!..—шептали кругомъ.

— Помните, я вамъ говорилъ біографію его жизни,—твердилъ подоспѣвшій откуда-то Сергѣй Ванѣ, смотрѣвшему съ ужасомъ на вспухшій осклизлый трупъ съ безформеннымъ уже лицомъ, голый, въ однихъ сапогахъ, отвратительный и страшный при яркомъ солнцѣ среди шумныхъ и любопытныхъ ребятъ, чьи нѣжно-розовые тѣла виднѣлись черезъ незастегнутыя рубашки. — Одинъ былъ сынъ, все въ монахи итти хотѣлъ, три раза убѣгалъ, да ворочали; били даже, ничего не помогало; ребята пряники покупаютъ, а онъ все на свѣчи; бабенка одна, паскуда, попалась тутъ, ничего онъ не понималъ, а какъ понялъ, пошелъ съ ребятами купаться и утонулъ; всего 16 лѣтъ было...—доносился какъ сквозь воду разсказъ Сергѣя.

— Ваня! Ваня! — пронзительно вскричала женщина, подымаясь и снова падая на песокъ при видѣ вздувагося осклизлаго трупа.

Ваня въ ужасѣ бросился бѣжать въ гору, спотыкаясь, царапаясь о кусты и крапиву, не оглядываясь, будто за нимъ гнались по пятамъ, и съ бьющимся сердцемъ, шумомъ въ вискахъ остановился только въ саду Сорокиныхъ, гдѣ краснѣли яблоки на рѣдко посаженныхъ яблоняхъ, за спокойной Волгой темнѣли лѣса, въ травѣ стрекотали кузнечики и пахло медомъ и калуферомъ.

«Есть связки, мускулы въ человѣческомъ тѣлѣ, которыхъ невозможно безъ трепета видѣть», — вспоминались Ванѣ слова Штрупа, когда онъ съ ужасомъ при свѣчѣ разглядывалъ въ зеркало свое тонкое, теперь страшно блѣдное, лицо съ тонкими бровями и сѣрыми глазами, ярко-красный ротъ и вьющіеся волосы надъ тонкой шеей. Онъ не удивился даже, что въ такой поздней часъ вдругъ вошла неслышно Марья Дмитриевна, плотно и тихо затворивъ за собою дверь.

— Что жъ это будетъ? что жъ это будетъ? — бросился онъ къ ней. — Впадуть,

поблѣднѣють щеки, тѣло вздуется и осклизнетъ, глаза червяки выйдутъ, всѣ суставы распадутся въ тѣлѣ миломъ! А есть связки, мускулы въ человѣческомъ тѣлѣ, которыхъ невозможно безъ трепета видѣть! Все пройдетъ, погибнетъ! Я же не знаю ничего, не видѣлъ ничего, а я хочу, хочу... Я же не безчувственный, не камень какой; и я знаю теперь красоту свою! Страшно! страшно! Кто спасетъ меня?

Марья Дмитріевна, безъ удивленія, радостно смотрѣла на Ваню.

— Ванечка, голубь мой, жалко мнѣ васъ, жалко! Страшилась я минуты этой, да видно пришелъ часъ воли Господней,—и, неспѣшно задувъ свѣчу, она обняла Ваню и стала цѣловать его въ ротъ, глаза и щеки, все сильнѣе прижимая его къ своей груди. Ванѣ, сразу отрезвѣвшему, стало жарко, неловко и тѣсно, и, освобождаясь отъ объятій, онъ тихо повторялъ совѣтъ другимъ уже голосомъ: «Марья Дмитріевна, Марья Дмитріевна, что съ вами? Пустите, не надо!». Но та все крѣпче его прижимала къ своей груди, быстро и неслышно цѣлуя въ щеки, ротъ, глаза и шептала: «Ванечка, голубь мой, радость моя!»

— Да пусти же меня, противная баба!—

крикнулъ, наконецъ, Ваня и, отбросивъ со всей силой обнимавшую его женщину, выбѣжилъ вонъ, хлопнувъ дверью.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?— спрашивалъ Ваня у Данила Ивановича, куда онъ прямо прибѣжалъ ночью изъ дому.

— По-моему, вамъ нужно ѣхать, — говорилъ хозяинъ, въ халатѣ поверхъ бѣлья и почныхъ туфляхъ.

— Куда же я поѣду? Неужели въ Петербургъ? Спросятъ, отчего вернулся, да и скука.

— Да, это неудобно, но оставаться здѣсь вамъ невозможно, вы — совсѣмъ больны.

— Что жъ мнѣ дѣлать? — повторялъ Ваня, беспомощно глядя на барабанившаго по столу грека.

— Я вѣдь не знаю вашихъ условій и средствъ, какъ далеко вы можете уѣхать; да вамъ однимъ и нельзя ѣздить.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Если бы вы вѣрили въ мое расположеніе къ вамъ и не придумывали Богъ знаетъ какихъ пустяковъ, я бы вамъ предложилъ, Смуровъ, поѣхать со мной.

— Куда?

-- За границу.

— У меня денегъ нѣтъ.

— Намъ бы хватило; потомъ, со временемъ, мы бы разсчитались; доѣхали бы до Рима, а тамъ было бы видно, съ кѣмъ вамъ вернуться и куда мнѣ ѣхать дальше. Это было бы самое лучшее.

— Неужели вы серьезно говорите, Даниилъ Ивановичъ?

— Какъ нельзя серьезнѣе.

— Неужели это возможно: я -- въ Римѣ?

— И даже очень!—улыбнулся грекъ.

— Я не могу повѣрить!.. — волновался Ваня.

Грекъ молча курилъ папиросу и, улыбаясь, смотрѣлъ на Ваню.

— Какой вы славный, какой вы добрый!—изливался тотъ.

— Мнѣ очень пріятно самому проѣхаться не одному: конечно, мы будемъ экономить въ дорогѣ, останавливаться не въ слишкомъ шикарныхъ отеляхъ, а въ мѣстныхъ гостиницахъ.

— Ахъ, это будетъ еще веселѣй! — радовался Ваня.

И до утра они говорили о поѣздкѣ, на-

мѣчали остановки, города, мѣстечки, строили планы экскурсій, — и, выйдя при яркомъ солнцѣ на улицу, поросшую травой, Ваня удивился, что онъ еще въ Василѣ и что видна еще Волга и темные лѣса за нею.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Они сидѣли втроемъ въ кафэ на Corso послѣ «Тангейзера», и въ шумномъ полунезнакомомъ итальянскомъ говорѣ, звяканьѣ тарелокъ и рюмокъ съ мороженымъ, отдаленныхъ, доносившихся сквозь табачный дымъ, звукахъ струннаго оркестра, чувствовали себя почти интимно, особенно дружески настроенные близкой разлукой. Сидѣвшіе рядомъ за столикомъ офицеръ съ цѣлымъ пѣтушинымъ крыломъ на шляпѣ и двѣ дамы въ черныхъ, но кричащихъ платьяхъ, не обращали на нихъ вниманія, и черезъ тюль въ открытое окно виднѣлись уличные фонари, проѣзжающіе экипажи, прохожіе по тротуарамъ и мостовой, и слышался ближайшій фонтанъ на площади.

Ваня имѣлъ видъ совсѣмъ мальчика въ статскомъ, казавшемся почему-то франтов-

скимъ, несмотря на полную обычность, платьѣ, очень блѣднаго, высокаго и тонкаго; Даніиль Ивановичъ, въ качествѣ, какъ онъ смѣялся, «наставника путешествующаго приица», сопровождавшій вездѣ своего друга, теперь благосклонно и покровительственно бесѣдовалъ съ нимъ и съ Уго Орсини.

— Всегда, когда я слышу эту первую во второй редакціи, въ редакціи уже Тристановскаго Вагнера, сцену, я чувствую небывалый восторгъ, пророческій трепетъ, какъ при картинахъ Клингера и поэзии д'Аннунціо. Эти танцы фавновъ и нимфъ, эти на вдругъ открывающихся, сіяющихъ, лучезарныхъ, небывалыхъ, но до боли глубоко знакомыхъ античныхъ пейзажахъ, явленія Леды и Европы; эти амуры, стрѣляющіе съ деревьевъ, какъ на «Веснѣ» Боттичелли, въ танцующихъ и замирающихъ отъ ихъ стрѣлъ въ томительныхъ позахъ фавновъ—и все это передъ Венерой, стерсгущей съ нездѣшной любовью и иѣжностью спящаго Тангейзера,—все это какъ вѣянье новой весны, новой кипящей изъ темнѣйшихъ глубинъ страсти къ жизни и къ солнцу!—И Орсини отеръ платкомъ свое блѣдное, гладко выбритое, начавшее тол-

стѣть лицо съ черными безъ блеска глазами и тонкимъ извилистымъ ртомъ.

— Вѣдь это единственный разъ, что Вагнеръ касается древности,—замѣтилъ Данииль Ивановичъ,—и я не разъ слышалъ эту оперу, но безъ переработанной сцены съ Венерой, и всегда думалъ, что по мысли она съ «Парсифалемъ»—однородные и величайшіе замыслы Вагнера; но я не понимаю и не хочу ихъ заключенія: къ чему это отреченье? аскетизмъ? Или характеръ генія Вагнера, ничто не влекло къ такимъ концамъ!

— Музыкально эта сцена не особенно вяжется съ прежде написаннымъ, и Венера нѣсколько подражаетъ Изольдѣ.

— Вамъ, какъ музыканту, это лучше знать, но смыслъ и идея, это—достоянье уже поэта и философа.

— Аскетизмъ—это, въ сущности, наиболѣе противоестественное явленіе, и цѣломудріе нѣкоторыхъ животныхъ—чистѣйшій вымыселъ.

Имъ подали кружкаго мороженаго и воды въ большихъ бокалахъ на высокихъ ножкахъ. Кафэ нѣсколько пустѣлъ, и музыканты повторяли уже свои пьесы.

— Вы завтра уѣзжаете?—спрашивалъ Уго, поправляя красную гвоздику въ петлицѣ.

— Нѣтъ, хотѣлось бы проститься съ Римомъ и подольше не разставаться съ Данииломъ Ивановичемъ, — говорилъ Ваня.

— Вы въ Неаполь и Сицилію? А вы?

— Я во Флоренцію съ каноникомъ.

— Мори?

— Именно.

— Какъ вы его знаете?

— Мы съ нимъ познакомились у Босси Гастано, — знаете, археологъ?

— Что живетъ на *via Nazionale*?

— Да. Онъ вѣдь очень милый, этотъ каноникъ.

— Да, я могу по правдѣ сказать: нигдѣ отпускаеши; съ рукъ на руки передаю васъ монсиньору.

Ваня ласково улыбался.

— Неужели я вамъ такъ надоѣлъ?

— Ужасно! — шутилъ Данииль Ивановичъ.

— Мы съ вами, вѣроятно, встрѣтимся во Флоренціи; я черезъ недѣлю тамъ буду: тамъ играютъ мой квартетъ.

— Очень радъ. Вы, знаете, монсиньора всегда найдете въ соборѣ, а онъ будетъ знать мой адресъ.

— А я остановлюсь у маркизы Моратти, *borgo Santi Apostoli*. Пожалуйста, безъ це-

ремониі,-- маркиза одинока и всѣмъ рада. Она—моя тетка, и я ея наслѣдникъ.

Орсини сладко улыбался тонкимъ ртомъ на бѣломъ толстѣющемъ лицѣ и черными безъ блеска глазами, и перстни блестѣли на его музыкально развитыхъ въ связкахъ съ коротко обстриженными ногтями пальцахъ.

— Этотъ Уго похожъ на отравителя, не правда ли?—спрашивалъ Ваня у своего спутника, идя домой вверхъ по Корсо.

— Что за фантазія? Онъ—очень милый человѣкъ, больше ничего.

И Несмотря на мелкій дождь, текшіи ручейками вдоль тротуара подъ гору, прохлада музея была пріятна и желанна. Послѣ посѣщенія колизея, форумовъ, Палатина, со- всѣмъ передъ отъѣздомъ, они стояли въ небольшой залѣ передъ «бѣгущимъ юношей» почти одни.

— Только торсъ, такъ называемый «Илюней», можетъ сравниться съ этимъ по жизни и красотѣ юношескаго тѣла, гдѣ видно подъ бѣлою кожей, какъ струится багряная кровь, гдѣ всѣ мускулы опьяняюще-плѣнительны и гдѣ намъ, современникамъ, не мѣшаетъ отсутствіе рукъ и головы. Само тѣло,

матерія, погибнетъ, и произведенія искусства, Фидій, Моцартъ, Шекспиръ, допустимъ погибнуть, но идея, типъ красоты, заключенные въ нихъ, не могутъ погибнуть, и это, можетъ быть, единственно цѣнное въ мѣняющейся и преходящей пестротѣ жизни. И, какъ бы ни были грубы осуществленія этихъ идей, они — божественны и чисты; разнѣ въ религіозныхъ практикахъ не облекались высочайшія идеи аскетизма въ символическіе обряды, дикіе, изувѣрскіе, но освященные скрытымъ въ нихъ символомъ, божественны?

Дѣлая послѣднія наставленія передъ прощаньемъ, Даніиль Ивановичъ говорилъ:

— Вы, Смуровъ, послушайте меня: если понадобится духовное утѣшеніе и способъ недорого устроиться, обращайтесь къ мопсильному, но если деньги у васъ совсѣмъ выйдутъ или вамъ будетъ нуженъ умный и прекрасный совѣтъ,—обратитесь къ Ларіону Дмитріевичу. Я дамъ вамъ его адресъ. Хорошо? Обѣщаете мнѣ?

— Неужели больше не къ кому? Мнѣ бы этого очень не хотѣлось.

— У меня болѣе вѣрнаго никого нѣтъ; тогда уже ищите сами.

— А Уго? Онъ не поможетъ?

— Врядъ ли, онъ самъ почти всегда безъ денегъ. Да я не знаю, что вы имѣете противъ Ларіона Дмитріевича даже до того, чтобы не обратиться къ нему письменно? Что случилось достаточнаго объяснить эту перемѣну.

Ваня долго смотрѣлъ на бюстъ Марка Аврелія въ юности, не отвѣчая, и, наконецъ, началъ монотонно и медленно:

— Я ни въ чемъ не виню его, нисколько не считаю себя въ правѣ сердиться, но мнѣ невыносимо жалко, что, помимо моей воли, узнавши нѣкоторыя вещи, я не могу по-прежнему относиться къ Штрупу; это мнѣ мѣшаетъ видѣть въ немъ желаннаго руководителя и друга.

— Какой романтизмъ, если бы это не звучало заученнымъ! Вы, какъ прежнія «неземныя» барышни, воображавшія, что кавалеры должны думать, что дѣвицы не ѣдятъ, не пьютъ, не спятъ, не храпятъ, не сморкаются. Всякій человѣкъ имѣетъ свои отправления, нисколько его не унижающія, какъ бы ни были непріятны для чужого взгляда. Ревновать же къ Федору — значитъ, признавать себя равнымъ ему и имѣющимъ одинаковое значеніе и цѣль. Но, какъ это ни мало остроумно, все же лучше романтической щепетильности.

— Оставимъ все это; если иначе нельзя, я напишу Штруппу.

— И хорошо сдѣлаете, мой маленькій Катонъ.

— Вы же сами меня учили презирать Катона.

— Повидимому, не особенно успѣшно.

Они шли по прямой дорожкѣ черезъ лужайку и клумбы съ неясными въ сумеркахъ цвѣтами къ террасѣ; бѣловатый нѣжный туманъ стлался, бѣжалъ, казалось, догоняя ихъ: гдѣ-то кричали совы; на востокѣ неровно и мохнато горѣла звѣзда въ начавшемъ розовѣть туманѣ, и окна въ переплетахъ стариннаго дома прямо противъ нихъ, всѣ освѣщенные, необычно и странно горѣли за уже отражающими утреннее небо стеклами. Уго кончилъ насвистовать свой квартетъ и молча курилъ папиросу. Когда они проходили мимо самой террасы, не достигая головами низа рѣшетки, Ваня, явственно услыша русскій говоръ, пріостановился.

— Итакъ, вы пробудете еще долго въ Италіи?

— Я не знаю, вы видите, какъ мама

слаба; послѣ Неаполя мы пробудемъ въ Лугано, и я не знаю, сколько времени.

— Такъ долго я буду лишень возможности васъ видѣть, слышать вашъ голосъ... — началъ было мужской голосъ. — Мѣсяца четыре, — поспѣшно прервалъ его женскій. — «Мѣсяца четыре!» — какъ эхо повторилъ первый. — Я не думаю, чтобы вы стали скучать...

Они умолкли, услышавъ шаги поднимающихся Вани и Орсини, и въ утреннихъ сумеркахъ была только смутно видна фигура сидящей женщины и стоявшаго рядомъ не очень высокаго господина.

Войдя въ залъ, гдѣ ихъ охватило нѣсколько душное тепло многолюдной комнаты, Ваня спросилъ у Уго:

— Кто были эти русскіе?

— Блонская, Анна, и одинъ вашъ художникъ, — не помню его фамиліи.

— Онъ, кажется, влюбленъ въ нее?

— О, это всѣмъ извѣстно, такъ же, какъ его распутная жизнь.

— Она красавица? — спрашивалъ нѣсколько еще наивно Ваня.

— Вотъ, посмотрите.

Ваня обернулся и увидѣлъ входящей тоненькую блѣдную дѣвушку, съ гладкими

зачесанными низко на уши темными волосами, тонкими чертами лица, нѣсколько большимъ ртомъ и голубыми глазами. За нею минутъ черезъ пять быстро вошелъ, горбясь, человѣкъ лѣтъ 26-ти, съ острой бѣлокурой бородкой, курчавыми волосами, очень выпуклыми свѣтлыми глазами подъ густыми бровями цвѣта стараго золота, съ острыми ушами, какъ у фавна.

— Онъ любить ее и ведетъ распутную жизнь, и то и другое всѣмъ извѣстно? — спрашивалъ Ваня.

— Да, онъ слишкомъ ее любитъ, чтобы относится къ ней какъ къ женщинѣ. Русскія фантазіи! — добавилъ итальянецъ.

Разъѣзжались, и толстый духовный, закатывая глаза, повторилъ:

— Его святѣйшество такъ устаетъ, такъ устаетъ...

Изъ окна рѣзко сверкнулъ лучъ солнца и слышался глухой шумъ подаваемыхъ каретъ.

— Итакъ, до свиданія во Флоренціи, — говорилъ Орсини, пожимая руку Ванѣ.

— Да, завтра ѣду.

Онѣ всѣ лежали на покрытыхъ цвѣтными стегаными тюфячками подоконникахъ: синь-

оры Польдина и Филумена въ одномъ окнѣ и синьора Сколастика съ кухаркой Сантиной—въ другомъ, когда монсиньоръ подъезъ Ваню по узкой, темной и прохладной улицѣ къ старому дому съ желѣзнымъ кольцомъ вмѣсто звонка у двери. Когда первый порывъ шума, вскрикиваній, восклицаній улегся, синьора Польдина одна продолжала ораторствовать:

— Уллисъ говорить: «привезу синьора русскаго, будетъ жить съ нами».—Уллисъ, ты шутишь, у насъ никогда никто не жилъ; онъ—принцъ, русскій баринъ, какъ мы будемъ за нимъ ходить?—Но что брату придется въ голову, онъ сдѣлаетъ. Мы думали, что русскій синьоръ—большой, полный, высокій, въ родѣ, какъ мы видѣли господина Бутурлина, а тутъ такой мальчишечка, такой тоненькій, такой голубчикъ, такой херувимчикъ,—и старческой голосъ синьоры Польдины умиленно смягчался въ сладкихъ калансахъ.

Монсиньоръ повелъ Ваню осматривать библіотеку, и сестры удалились на кухню и въ свою комнату. Монсиньоръ, подобравъ сутану, лазилъ по лѣстницѣ, при чемъ можно было видѣть его толстыя икры, обтянутыя въ черные домашней вязки чулки и толстѣй-

иія туфли; онъ громко читаль съ духовнымъ акцентомъ названія книгъ, могущихъ, по его мнѣнiю, интересовать Ваню, и молча пропускаль остальные, — коренастый и краснощекий, несмотря на свои 65 лѣтъ, веселый, упрямый и ограниченно-поучительный. На полкахъ стояли и лежали итальянскія, латинскія, французскія, испанскія, англійскія и греческія книги. Тома Аквинскій рядомъ съ Донъ-Кихотомъ, Шекспиръ — съ разрозненными житіями святыхъ, Сенека — съ Анакреономъ.

— Конфискованная книга, — объяснилъ каноникъ, замѣтивъ удивленный взглядъ Вани и убирая подальше небольшой иллюстрированный томикъ Анакреона. — Здѣсь много конфискованныхъ у моихъ духовныхъ лѣтей книгъ. Мнѣ онѣ не могутъ принести вреда.

— Вотъ ваша комната! — объявилъ Морн, вводя Ваню въ большую квадратную голубоватую комнату съ бѣлыми занавѣсями и пологомъ у кровати посрединѣ; голонатыя стѣны съ гравюрами святыхъ и мадонны «добраго совѣта», простой столъ, полка съ книгами наставительнаго содержанія, на комодѣ подъ стекляннымъ колпакомъ восковая крашеная, одѣтая въ спитый изъ мате-

риі костюмъ enfant de chœur, кукла св. Луиджи Гонзага, крохильница со святой водой у двери—придавали комнатѣ характеръ кельи и только піанино у балконной двери и туалетный столъ у окна мѣшали полнотѣ сходства.

— Кошка, ахъ, кошка, брысь, брысь!— бросилась Польшина на толстаго бѣлаго кота, явившагося для полного торжества въ залу.

— Зачѣмъ вы его гоните? Я очень люблю кошекъ,—замѣтилъ Ваня.

— Синьоръ любитъ кошекъ! Ахъ, сыночекъ! Ахъ, голубчикъ! Филумена, принеси Мишину съ котятами показать синьору... Ахъ, голубчикъ!

Они ходили съ утра по Флоренціи, и монсиньоръ пѣвучимъ громкимъ голосомъ сообщалъ свѣдѣнія, событія и анекдоты какъ XIV-го, такъ и XX-го вѣковъ, одинаково съ увлеченіемъ и участіемъ передавая и скандальную хронику современности и исторійки изъ Вазари; онъ останавливался посреди людныхъ переулковъ, чтобы развивать свои краснорѣчивые, большею частью обличительные періоды, заговаривалъ съ прохо-

жими, съ лошадьми, собаками, громко смѣялся, напѣвалъ, и вся атмосфера вокругъ него — съ нѣскольکو простолюдннскою вѣжливостью, грубоватою деликатностью, незамысловатая въ своей поучительности, какъ и въ своей веселости, — напоминала атмосферу новеллы Саккетти. Иногда, когда часть рассказовъ не доставала его потребности говорить, говорить образно, съ интонаціей, съ жестами, дѣлать изъ разговора примитивное произведеніе искусства — онъ возвращался къ стариннѣйшимъ сюжетамъ новеллистовъ и снова передавалъ ихъ съ наивнымъ краснорѣчіемъ и убѣжденностью. Онъ всехъ и все зналъ, и каждый уголъ, камень его Тосканы и милой Флоренціи имѣлъ свои легенды и анекдотическую историчность. Онъ всюду водилъ Ваню съ собою, пользуясь его положеніемъ, какъ проѣзжаго человѣка. Тутъ были и прогорающіе маркизы, и графы, живущіе въ запущенныхъ дворцахъ, играющіе въ карты и ссорющіеся изъ-за нихъ со своими лакеями; тутъ были инженеры и доктора, купцы, живущіе просто, по-старинѣ: экономно и замкнуто; начинающіе музыканты, стремящіеся къ славы Пуччини и подражающіе ему безбородыми толстоватыми лицами и галсту-

лами; персидскій консулъ, жившій подъ санъ - Миньято съ шестью племянницами, толстый, важный и благосклонный; аптекаря; какіе-то юноши на посылкахъ; обращенныя въ католичество англичанки и, наконецъ, м-ше Монье, эстетка и художница, жившая во Фісзоле съ цѣлой компаніей гостей въ виллѣ, расписанной нѣжными весенними аллегоріями, съ видомъ на Флоренцію и долину Арно, вѣчно веселая, маленькаго роста, щебечущая, рыжая и безобразная.

Они остались на террасѣ передъ столомъ, гдѣ на розоватой скатерти густо темнѣли въ уже надвигающихся сумеркахъ темно-красныя сплошь, какъ лужи крови, тарелки, и запахъ сигаръ, земляники и вина въ недопитыхъ стаканахъ смѣшивался съ запахомъ цвѣтовъ изъ сада. Изъ дому слышался женскій голосъ, поющій старинныя пѣсни, прерываемыя то короткимъ молчаніемъ, то продолжительнымъ говоромъ и смѣхомъ; а когда внутри зажегся огонь, то видъ съ полутемной уже террасы напоминалъ постановку «l'Intérieur» Мэтерлинка. И Уго Орсини съ красной гвоздикой въ пет-

лицѣ, блѣдный и безбородый, продолжалъ говорить:

— Вы не можете представить, съ какой женщиной онъ теряетъ себя! Если человѣкъ—не аскетъ, нѣтъ большаго преступленія, какъ чистая любовь. Имѣя любовь къ Блонской, смотрите только, до кого онъ спустился: хорошаго въ Чибо—только ея развратныя русалочьи глаза на блѣдномъ лицѣ. Ея ротъ,—ахъ, ея ротъ!— послушайте только, какъ она говоритъ; нѣтъ пошлости, которую бы она не повторила, и каждое ея слово—вульгарность! У нея, какъ у дѣвушки въ сказкѣ, при каждомъ словѣ выскакиваетъ изо рта мышъ или жаба. Положительно!.. И она его не отпуститъ: онъ забудетъ и Блонскую, и свой талантъ, и все на свѣтѣ для этой женщины. Онъ погибаетъ, какъ человѣкъ и, особенно, какъ художникъ.

— И вы думаете, что, если бы Блонская... если бы онъ любилъ ее иначе, онъ могъ бы разорвать съ Чибо?

— Думаю.

Помолчавъ, Ваня опять робко началъ:

— И для него неужели вы считаете недоступной чистую любовь?

— Вы видите, что выходитъ? Стоитъ по-

смотреть на его лицо, чтобы понять это. Я ничего не утверждаю, такъ какъ нельзя ручаться ни за что, но я вижу, что онъ погибаетъ и вижу, отчего, и меня это бѣситъ потому, что я его очень люблю и цѣню, и потому я въ равной мѣрѣ ненавижу и Чибо, и Блонскую.

Орсини докурилъ свою папиросу и вошелъ въ домъ, и Ваня, оставшись одинъ, все думалъ о сутуловатомъ молодомъ художникѣ со свѣтлыми, кудрявыми волосами и острой бородой, и со свѣтлыми, сѣрыми, очень выпуклыми, подъ густыми бровями цвѣта старого золота, глазами, насмѣшливыми и печальными. И почему-то ему вспомнился Штрупъ.

Изъ залы доносился голосъ м-тис Монье, птичій и аффектированный:

— Помните, у Сегантини, геній съ огромными крыльями надъ влюбленными, у источника на высотахъ? Это у самихъ любящихъ должны бы быть крылья, у всѣхъ смѣлыхъ, свободныхъ, любящихъ.

— Письмо отъ Ивана Странникъ; милая женщина! Посылаетъ намъ поклонъ и благословенье Анатоля Франса. Цѣлую имя твое, великій учитель.

— Ваша? на слова д'Аннунціо? Конечно, разумѣется, что же вы молчали?

И былъ слышенъ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, звукъ фортепіано въ громкихъ и гордыхъ аккордахъ и голосъ Орсини, начавшаго съ грубоватою страстностью широкую, нѣсколько банальную, мелодію.

— О, какъ я рада! Дядя, говорите? безподобно! щебетала м-ше Монье, выбѣгая на террасу, вся въ розовомъ, рыжая, безобразная и прелестная.

— Вы здѣсь? — наткнулась она на Ваню, — новость! Вашъ соотечественникъ пріѣхалъ. Но онъ не русскій, хотя изъ Петербурга; большой мнѣ другъ; онъ—англичанинъ. А? что?—бросала она, не дожидаясь отвѣта, и скрылась навстрѣчу пріѣзжимъ по широкой проѣзжей дорогѣ въ саду, уже освѣщенномъ луной.

— Ради Бога, уйдемте, я боюсь, я не хочу этого, уйдемте, не прощаясь, сейчасъ, сію минуту,—торопилъ Ваня каноника, сидѣвшаго за мороженымъ и смотрѣвшаго во всеі глаза на Ваню.

— Но да, но да, мое дитя, но я не понимаю, чего вы волнуетесь; идемте, я только найду свою шляпу.

— Скорѣй, скорѣй, cher père!—изнывалъ Ваня въ безпричинномъ страхѣ. — Сюда, сюда, тамъ ѣдутъ! — свертывалъ онъ въ

бокъ съ главной дороги, гдѣ былъ слышенъ стукъ копытъ и колесъ экипажа, и на поворотѣ по узкой дорожкѣ на лунный свѣтъ неожиданно, совсѣмъ близко отъ нихъ, выпли, обойдя ближайшей дорогой, м-пе Монье съ нѣсколькими гостями и безошибочно, ясно освѣщенный, несомнѣнный, при лунномъ свѣтѣ—Штрупъ.

— Останемтесь,—шепнулъ Ваня, сжимая руку каноника, который ясно видѣлъ, какъ улыбающееся, взволнованное лицо его питомца покрылось густымъ румянцемъ, замѣтнымъ даже при лунѣ.

Они выѣхали на четырехъ ослахъ въ одноколкахъ изъ-подъ воротъ дома, построеннаго еще въ XIII вѣкѣ, съ колодцемъ въ столовой второго этажа, на случай осады, съ очагомъ, въ которомъ могла бы помѣститься пастушья лачуга, съ библіотекой, портретами и капеллой. На случай холода при подъемѣ лакеи выносили плащи и пледы, кромѣ посланныхъ впередъ съ провизіей. Пріѣхавшіе изъ Флоренціи черезъ станцію Борго-санъ-Лоренцо, потомъ на лошадахъ мимо Скарперіи съ ея замкомъ и стальными издѣліями, мимо Сантъ-Агаты, спѣшили

кончить завтракъ, чтобы за-свѣтло вернуться съ горъ, и безъ разговоровъ слышенъ былъ только стукъ вилокъ и ножей и одновременно уже ложечекъ въ кофе. Проѣхавши виноградники и фермы среди каштановъ, поднимались все выше и выше по извиистой дорогѣ, такъ что случалось первому экипажу находится прямо надъ послѣднимъ, покидая болѣе южныя растенія для березъ, сосенъ, мховъ и фіалокъ, гдѣ облака были видны уже внизу. Не достигая еще вершины Джуого, откуда, говорилось, можно было видѣть Средиземное и Адриатическое моря, они увидѣли вдругъ при поворотѣ Фиренцуолу, казавшуюся кучкой красносѣрыхъ камней, извиистую большую дорогу къ Фаенцѣ черезъ ущелье и подвигавшійся старомодный дилижансъ. Дилижансъ остановился, чтобы дать время одной изъ пассажирокъ выйти за своей нуждой, и возница на высокихъ козлахъ мирно курилъ въ ожиданьи, когда опять можно будетъ тронуться въ путь.

— Какъ это напоминаетъ блаженной памяти Гольдони! Какая восхитительная простота! — восторгалась m-me Монье, хлопая бичемъ съ красной рукояткой. Имъ предложили яичницу, сыру, къянти и салами

въ прокопченной тавернѣ, напоминавшей разбойничій притонъ, и хозяйка, кривая и загорѣлая женщина, прижавшись къ спинкѣ деревяннаго стула щекою, слушала, какъ мужчина безъ пиджака, въ позелѣвшей фетровой шляпѣ, чернобровый и большеглазый, рассказывалъ господамъ про нее:

— Давно было извѣстно, что Беппо здѣсь бываетъ по ночамъ... Карabinieri говорятъ ей: «тетка Паска, не брезгуй нашими деньгами, а Беппо все равно попадетъся». Она думала, не рѣшалась... она—честная женщина, посмотрите... Но судьба всегда будетъ судьбой; разъ онъ пришелъ со свадьбой земляка, выпивши, и легъ спать... Паска предупредила раньше carabinieri и свистнула, а ножи и ружье раньше отобрала отъ Беппо. Что онъ могъ сдѣлать? онъ—человѣкъ, синьоры...

— Какъ онъ ругался! Связанный, онъ бросилъ ногами вотъ эту самую скамейку; повалился и сталъ кататься!—говорила Паска сиповатымъ голосомъ, блестя зубами и своимъ единственнымъ глазомъ и, улыбаясь, будто рассказывала самыя пріятныя вещи.

— Да, да, она молодецъ—Паска, даромъ, что кривая! Еще стаканчикъ? — предлагалъ

бородатый мужчина, хлопая въ то же время хозяйку по плечу.

— Смуровъ, Орсини, вернитесь скорѣе наверхъ, я забыла свой зонтикъ, вы послѣдніе, мы васъ подождемъ! А? что? Зонтикъ, зонтикъ! — кричала съ первой телѣжки m-me Монье, осаживая ословъ и оборачивая назадъ свое безобразное, розовое и улыбающееся лицо въ развѣвающихся рыжихъ локонахъ.

Таверна была пуста, неубранный столъ, сдвинутые скамьи и стулья напоминали только что бывшихъ гостей и за занавѣской, гдѣ скрывалась кровать, были слышны вздохи и неясный шепотъ.

— Кто тутъ есть? — окликнулъ Орсини съ порога, — тутъ синьора забыла зонтикъ; не видали ли?

За занавѣской зашептались; потомъ Паска, трепанная, безъ платка и лифа, поправляя на ходу грязную юбку, загорѣлая, худая и, несмотря на свою молодость, до страшнаго старая, молча показала на стоявшій въ углу зонтикъ, бѣлый, кружевной, съ неопредѣленнымъ желтоватымъ рисункомъ наверху, съ бѣлой ручкой. Изъ-за занавѣски мужской голосъ крикнулъ: «Паска, а Паска? ты скоро? ушли они?»

— Сейчас, — хрипло отвѣтила женщина и, подойдя къ обломку зеркала на стѣнѣ, сунула въ трепаные волосы красную гвоздику, забытую Орсини.

Они были почти единственные въ театрѣ, слѣдившіе съ полнымъ вниманіемъ за изліяніями Изольды Брангэнъ и почти незамѣтившими, какъ вошелъ король съ королевами въ ложу противъ сцены и, неловко поклонившись встрѣтившей его привѣтственными криками публикѣ, опустился на стулъ у самага барьера со скучающимъ и дѣловымъ видомъ, маленькій, усатый и большеголовый, съ сентиментальнымъ и жестокимъ лицомъ. Несмотря на дѣйствіе, въ залѣ было полное освѣщеніе: дамы въ ложахъ, декольтированныя и въ колье, сидѣли почти спиной къ сценѣ, переговариваясь и улыбаясь; и кавалеры съ бутоньерками, скучные и корректные, дѣлали визиты изъ ложи въ ложу. Подавали мороженое, и пожилые господа, сидѣвшіе въ глубинѣ ложъ, читали, держа развернутыми, газеты.

Ваня, сидя между Штрупомъ и Орсини, не слышалъ шопота и шума вокругъ, весь поглощенный мыслью объ Изольдѣ, кото-

рой чудились рожки охоты въ шелестѣ листьевъ.

— Вотъ апоэозъ любви! Безъ noci и смерти это была бы величайшая пѣснь страсти, и сами очертанія мелодіи и всей сцены какъ ритуальны, какъ подобны гимнамъ! — говорилъ Уго совсѣмъ поблѣднѣвшему Ванѣ.

Штрупъ, не оборачиваясь, смотрѣлъ въ бинокль на ложу противъ нихъ, гдѣ сидѣли тѣсно другъ къ другу бѣлокурый художникъ и небольшая женщина съ ярко-черными волнистыми волосами, стоячими бѣлосоватыми огромными глазами на блѣдномъ, не нарумяненномъ лицѣ, съ густо краснымъ, большимъ ртомъ, въ ярко-желтомъ, вышитомъ золотомъ платьѣ, замѣтная, претенціозная и съ подбородкомъ вульгарнымъ и рѣшительнымъ до безумія. И Ваня машинально слушалъ рассказы о похожденияхъ этой Вероники Чибо, гдѣ сплстались разные имена мужчинъ и женщинъ, погибшихъ черезъ нее.

— Она — полнѣйшая негодяйка, — допосился голосъ Уго, — типъ XVI вѣка.

— О! слишкомъ шикарно для нее! Просто — поганая баба, — и самыя грубыя названія слышались изъ устъ корректныхъ кавалеровъ, глядѣвшихъ съ желаніемъ на это желтое

платье и русалочные развратные глаза на блѣдномъ лицѣ.

Когда Ванѣ приходилось обращаться съ простѣйшими вопросами къ Штруппу, онъ краснѣлъ, улыбаясь, и было впечатлѣніе, будто говоришь только-что помирившись послѣ бурной ссоры или съ выздоравливающимъ послѣ долгой болѣзни.

— Я все думаю о Тристанѣ и Изольдѣ,— говорилъ Ваня, идя съ Орсини по коридору.— Вѣдь вотъ идеальнѣйшее изображеніе любви, апофеозъ страсти, но вѣдь если смотрѣть на внѣшнюю сторону и на конецъ исторіи, въ сущности, не то же ли самое, что мы застали въ тавернѣ на Джуого?

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать? Васъ смущаетъ самое присутствіе плотскаго соединенья?

— Нѣтъ, но во всякомъ реальномъ поступкѣ есть смѣшное и уничижающее; ну вѣдь приходилось же Изольдѣ и Тристану растегивать и снимать свое платье, а вѣдь плащи и брюки были и тогда такъ же мало поэтичны, какъ у насъ пиджаки?

— О! какія мысли! Это забавно!— разсмѣялся Орсини, удивленно глядя на Ваню.— Это же всегда такъ бываетъ; я не понимаю, чего вы хотите?

— Разъ голая сущность—одна и та же, не все ли равно, какъ къ ней дойти,—ростомъ ли міровой любви, животнымъ ли порывомъ?

— Что съ вами? Я не узнаю друга каноника Мори! Разумѣется, фактъ и голая сущность не важны, а важно отношеніе къ нимъ—и самый возмутительный фактъ, самое невѣроятное положеніе можетъ оправдаться и очиститься отношеніемъ къ нему,—проговорилъ Орсини серьезно и почти поучительно

— Можетъ, это и правда, несмотря на свою наставительность,—замѣтилъ Ваня, улыбаясь, и, сѣвши рядомъ со Штрупомъ, внимательно посмотрѣлъ на него съ боку.

Они приѣхали нѣсколько рано на вокзалъ провожать m-me Монье, уѣзжавшую въ Бретань, чтобы провести недѣли двѣ передъ Парижемъ. На блѣдно-желтомъ небѣ бѣлѣли шары электрическихъ фонарей, раздавались крики «gronti, partenza», суетились пассажиры на болѣе ранніе поѣзда, и изъ буфета безпрестанно доносились требованія и звяканье ложечекъ. Они пили кофе въ ожиданіи поѣзда; букетъ розъ gloire de Dijon

лежалъ на развернутомъ «фигаро» рядомъ съ перчатками m-me Монье, сидѣвшей въ платьѣ маисоваго цвѣта съ блѣдно-желтыми лентами, и кавалеры острили надъ только-что вычитанными политическими новостями, — какъ у сосѣдняго стола показалась Вероника Чибо въ дорожномъ платьѣ съ опущенной зеленой вуалью, художникъ съ портпледомъ и за ними носильщикъ съ вещами.

— Смотрите, они уѣзжаютъ! Онъ окончательно погибнетъ! — сказалъ Уго, поздравившись съ художникомъ и отходя къ своей компаніи.

— Куда они ѣдутъ? Развѣ онъ ничего не видитъ? Подлая, подлая!

Чибо подняла вуаль, блѣдная и вызывающая, молча показала носильщику мѣсто, куда поставить вещи, и положила руку на рукавъ своего спутника, будто беря его въ свое владѣніе.

— Смотрите, — Блонская! Какъ она узнала? Я не завидую ей и Чибо, — шептала m-me Монье, межъ тѣмъ, какъ другая женщина, вся въ сѣромъ, быстро шла къ сидѣвшему спиной и не видѣвшему ее художнику и неподвижно уставившейся русалочными глазами его спутницѣ. Подойдя, она заговорило тихо по-русски:

— Сережа, зачѣмъ и куда вы ѣдете? И почему это — тайна для меня, для всѣхъ насъ? Развѣ вы не другъ всѣмъ намъ? Все равно, я знаю, и знаю что это — ваша погибель! Можетъ быть, я сама виновата и могу что-нибудь поправить?

— Что же тутъ поправлять?

Чибо смотрѣланеподвижно, прямо въ упоръ на Блонскую, будто не видя ее, слѣпая.

— Можетъ быть, васъ удержитъ, если я выйду за васъ замужъ? Что я люблю васъ, вы знаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу! — отрывисто и грубо, будто боясь уступить, отвѣчалъ тотъ.

— Неужели ничто не можетъ тутъ помочь? неужели это — безповоротно?

— Можетъ быть. Многое случается слишкомъ поздно.

— Сережа, опомнитесь! Вернемся, вѣдь вы погибнете, не только какъ художникъ, но и вообще!

— Что тутъ говорить? Поздно поправлять, и потомъ я такъ хочу! — вдругъ почти крикнулъ художникъ. Чибо перевела глаза на него.

— Нѣтъ, вы такъ не хотите, — говорила Блонская.

— Что же, я самъ не знаю, чего я хочу?

— Не знаетъ. И какой вы мальчикъ, Сережа!

Чѣмъ поднялась вслѣдъ за посыльникомъ, понесшимъ чемоданъ, и неслышно обратилась къ своему спутнику; тотъ всталъ, надѣвая пальто, не отвѣчая Блонской.

— Итакъ, Сережа, Сережа, вы все-таки уѣзжаете?

М-ше Монье, шумно шебеча, прощалась со своими друзьями и уже кивала рыжей головой изъ-за букета розъ *gloire de Dijon* изъ кушѣ. Возвращаясь, они видѣли, какъ Блонская быстро шла пѣшкомъ, вся въ сѣромъ, опираясь на зонтикъ.

— Мы будто были на похоронахъ,— замѣтилъ Ваня.

— Есть люди, которые ежеминутно будто на своихъ собственныхъ,— отвѣтилъ, не глядя на Ваню, Штрупъ.

— Когда художникъ погибаетъ, это бываетъ очень тяжело

— Есть люди—художники жизни; ихъ гибель не менѣе тяжела.

— И есть вещи, которыя бываетъ иногда слишкомъ поздно дѣлать,— добавилъ Ваня.

— Да, есть вещи, которыя бываетъ иногда

слишкомъ поздно дѣлать, — повторилъ Штрупъ.

Они вошли въ низенькую каморку, освѣщаемую только открытою дверью, гдѣ сидѣлъ, наклонившись надъ ботинкой, старый сапожникъ съ круглыми, какъ на картинкахъ Доу, очками. Было прохладно послѣ уличнаго солнца, пахло кожей и жасминомъ, нѣсколько вѣтокъ котораго стояло въ бутылкѣ совѣмъ подъ потолкомъ на верхней полкѣ шкафа съ сапогами; подмастерье смотрѣлъ на каноника, сидѣвшаго, разставя ноги, и отиравшаго потъ краснымъ фуляромъ, и старый Джузеппе говорилъ нѣвуче и добродушно:

— Я — что? Я — бѣдный ремесленникъ, господа, но есть артисты, артисты! О, это не такъ просто сшить сапогъ по правиламъ искусства; нужно знать, изучить ногу, на которую шьешь, нужно знать, гдѣ кость шире, гдѣ уже, гдѣ мозоли, гдѣ подъемъ выше, чѣмъ слѣдуетъ. Вѣдь нѣтъ ни одной ноги у человѣка, какъ у другого, и нужно быть неученымъ, чтобы думать, что вотъ сапогъ, и сапогъ, и для всѣхъ ногъ онъ подходитъ, а есть, ахъ, какія ноги, синьоры! И

всѣ онѣ должны ходить. Господь Богъ создалъ обязательнымъ для ноги только имѣть пять пальцевъ, да пятку, а все другое одинаково справедливо, понимаете? Да, если у кого и шесть и четыре пальца, такъ Господь Богъ же надѣлилъ его такими ногами и ходить ему нужно, какъ и другимъ, и вотъ это сапожный мастеръ и долженъ знать и сдѣлать возможнымъ.

Каноникъ громко глоталъ кьянти изъ большого стакана и сгонялъ мухъ, все садившихся ему на лобъ, покрытый каплями пота, своей широкополой черной шляпой; подмастерье продолжалъ на него смотрѣть, и рѣчь Джузеппе равномерно и пѣвуче звучала, нагоняя сонъ. Когда они проходили соборную площадь, чтобы пройти въ ресторанъ Джотто, посѣщаемый духовенствомъ, они встрѣтили стараго графа Гидетти, на румященнаго, въ парикѣ, шедшаго почти опираясь на двухъ молоденькихъ дѣвушекъ скромнаго, почти степеннаго вида. Ваня вспомнилъ рассказы про этого полуразваливашагося старика, про его такъ называемыхъ «племянницъ», про возбужденія, которыхъ требовали притупленныя чувства этого стараго развратника съ мертвеннымъ накрашеннымъ лицомъ и блиставшими умамъ

и остроуміемъ живыми глазами; онъ вспомнилъ его разговоры, гдѣ изъ шамкающаго рта вылетали парадоксы, остроты и рассказы, все болѣе и болѣе теряющіеся въ наше время, и ему слышался голосъ Джузеппе, говорившій: «да если у кого и шесть и четыре пальца, такъ Господь Богъ же надѣлилъ его такими ногами и ходить ему нужно какъ и другимъ».

— Камни, стѣны краснѣли, когда велся процессъ графа,—говорилъ Мори, проходя налѣво въ комнату, наполненную черными фигурами духовныхъ и немногими поскѣтителями изъ мірянъ,—желавшимъ по пятницамъ ѣсть постное. Пожилая англичанка съ безбородымъ кношей говорила съ сильнымъ акцентомъ по-французски:

— Мы, обращенныя, мы больше любимъ, болѣе сознательно понимаемъ всю красоту и прелесть католицизма, его обрядовъ, его догматовъ, его дисциплины.

— Бѣдная женщина,—пояснялъ каноникъ, кладя шляпу на деревянный диванъ рядомъ съ собою,—богатой, хорошей ссмыи—и вотъ ходитъ по урокамъ, нуждается, такъ какъ узнала истинную вѣру и всѣ отъ нея отшатнулись.

— Risotto! три порціи!

— Насъ было больше 300 человѣкъ, когда мы шли изъ Понтасьевѣ, паломниковъ къ Аннунціатѣ всегда достаточно.—«Св. Георгій! съ нимъ, да съ Михаиломъ Архангеломъ, да со святой Дѣвой, съ такими покровителями можно ничего не страшится въ жизни!»— терялся въ общемъ шумѣ акцентъ англичанки.

— Онъ былъ родомъ изъ Виенни; Виенія—Швейцарія Малой Азіи съ зеленѣющими горами, горными рѣчками, пастбищами и онъ былъ пастухомъ раньше, чѣмъ сто взялъ къ себѣ Адріанъ; онъ сопровождалъ своего императора въ его путешествіи, во время одного изъ которыхъ онъ и умеръ въ Египтѣ. Носились смутные слухи, что онъ самъ утоился въ Нилѣ, какъ жертва богамъ за жизнь своего покровителя, другіе утверждали, что онъ утонулъ, спасая Адріана во время купанья. Въ часъ его смерти астрономы открыли новую звѣзду на небѣ; сто смерть, окруженная таинственнымъ ореоломъ, его, оживившая уже приходившее въ застои искусство, необыкновенная красота, дѣйствовали не только на придворную среду,—и неутѣшный импе-

раторъ, желая почитать своего любимца, причислилъ его къ лику боговъ, учреждая игры, возводя палестры и храмы въ его честь, и прорицалища, гдѣ на первыхъ порахъ онъ самъ писалъ отвѣты старинными стихами. Но было бы ошибкой думать, что новый культъ былъ распространенъ насильно, только въ кружкѣ царедворцевъ, былъ офиціаленъ и палъ вмѣстѣ съ его основателемъ. Мы встречаемъ гораздо позднѣе, нѣсколькими почти столѣтіями, общины въ честь Діаны и Антиноя, гдѣ цѣлью было -- погребеніе на средства общины ея членовъ, трапезы въ складчину и скромныя богослуженія. Члены этихъ общинъ -- прототиповъ первыхъ христіанскихъ -- были люди изъ бѣлнѣйшаго класса, и до насъ дошелъ полный устанъ полюбнаго учрежденія. Такъ, съ теченіемъ времени божественность императорскаго любимца пріобрѣтаетъ характеръ загробнаго, ночного божества, популярнаго среди бѣднѣйшихъ, не получившаго распространенія какъ культъ Митры, но какъ одно изъ сильнѣйшихъ теченій обожествленнаго челоуѣка.

Каноникъ закрылъ тетрадку и, посмотрѣвъ на Ваню поверхъ очковъ, замѣтилъ.

— Нравственность языческихъ императоровъ насъ не касается, мое дитя, но не могу отъ васъ скрыть, что отношенія Адриана къ Антиною были, конечно, далеко не отеческой любви.

— Отчего вы вздумали писать объ Антиноѣ? — равнодушно спрашивалъ Ваня, думая совѣмъ о другомъ и не глядя на каноника.

— Я прочиталъ вамъ написанное сегодня утромъ, а я вообще пишу о римскихъ цезаряхъ.

Ванѣ стало смѣшно, что каноникъ пишетъ о жизни Тиберія на Капри и онъ, не удержавшись, спросилъ:

— Вы писали и о Тиберіи, cher père?

— Несомнѣнно.

— И объ его жизни на Капри, помните, какъ она описана у Светонія?

Мори, задѣтый, съ жаромъ заговорилъ:

— Ужасно, вы правы, другъ мой! Это ужасно, и изъ этого паденія, изъ этой клоаки, только христіанство, святое ученіе могло вывести человѣческой родъ!

— Къ императору Адриану вы относитесь болѣе сдержанно?

— Это большая разница, другъ мой, здѣсь есть нѣчто возвышенное, хотя, конечно, это

страшное заблужденіе чувствъ, бороться съ которымъ не всегда могли даже люди просвѣщенные крещеніемъ.

— Но въ сущности въ каждый данный моментъ не одно ли это и то же?

— Вы въ страшномъ заблужденіи, мой сынъ. Въ каждомъ поступкѣ важно отношеніе къ нему, его цѣль, а также причины, его породившія; самые поступки суть механическія движенія нашего тѣла, неспособныя оскорбить никого, тѣмъ болѣе Господа Бога.—И онъ снова открылъ тетрадку на мѣстѣ, заложенномъ его толстымъ большимъ пальцемъ.

Они шли по крайней правой дорогѣ Cascine, гдѣ сквозь деревья виднѣлись луга съ фермами и за ними невысокія горы; миновавъ ресторанъ, пустынный въ это время дня, они подвигались по все болѣе пришедшей сельскій видъ мѣстности. Сторожа со свѣтлыми пуговицами изрѣдка сидѣли на скамейкахъ и вдали бѣгали мальчишки въ рясахъ подъ надзоромъ толстаго аббата.

— Я вамъ такъ благодаренъ, что вы согласились прійти сюда,—говорилъ Штрупъ, садясь на скамью.

— Если мы будемъ говорить, то лучше ходя, какъ я скорѣе понимаю, — замѣтилъ Ваня.

— Отлично.

И они стали ходить, то останавливаясь, то снова двигаясь между деревьями.

— За что же вы лишили меня вашей дружбы, вашего расположенія? Вы подозрѣвали меня виновнымъ въ смерти Иды Гольбергъ?

— Нѣтъ.

— За что же? Отвѣтите откровенно.

— Отвѣчу откровенно: за вашу исторію съ Эелоромъ.

— Вы думаете?

— Я знаю то, что есть, и вы не будете же отпираться.

— Конечно.

— Теперь, можетъ быть, я отнесся бы совсѣмъ иначе, но тогда я многого не зналъ, ни о чемъ не думалъ, и мнѣ было очень тяжело, потому что, признаюсь, мнѣ казалось, что я васъ теряю безвозвратно и вмѣстѣ съ вами всякій путь къ красотѣ жизни.

Они, сдѣлавши кругъ вокругъ лужайки, опять шли по той же дорожкѣ, и дѣти вдали, играя мячемъ, громко, но далеко смѣялись.

— Завтра я долженъ ѣхать, нѣ такомъ случаѣ въ Бари, но я могу остаться; это зависитъ теперь отъ васъ: если будетъ «нѣтъ» — напишите «поѣзжайте»: если — «да» — «оставайтесь».

— Какое «нѣтъ», какое «да»? — спрашивалъ Ваня.

— Вы хотите, чтобы я вамъ сказалъ словами?

— Нѣтъ, нѣтъ, не палло, я понимаю; только зачѣмъ это?

— Теперь это такъ стало необходимымъ. Я буду ждать до часу.

— Я отвѣчу во всякомъ случаѣ.

— Еще одно усилье, и у васъ выростутъ крылья, я ихъ уже вижу.

— Можетъ быть, только это очень тяжело, когда они растутъ, — молвилъ Ваня, усмѣхаясь.

() Ни поздно засидѣлись на балконѣ, и Ваня съ удивленіемъ замѣчалъ, что онъ внимательно и безпечно слушаетъ Уго, будто не завтра ему нужно было давать отвѣтъ Штрупу. Была какая-то пріятность въ этой неопредѣленности положенія, чувствъ, отношеній, какая-то лсккость и безнадежность. Уго съ жаромъ продолжалъ:

— Она еще не имѣетъ названія. Первая картина: сѣрое море, скалы, зовущее вдаль золотистое небо, аргонавты въ поискахъ золотого руна,—все, пугающее въ своей новизнѣ и небывалости и гдѣ вдругъ узнаешь древнѣйшую любовь и отчизну. Второе— Прометей, прикованный и наказанный: «никто не можетъ безнаказанно прозрѣть тайны природы, не нарушая ея законовъ, и только отцеубійца и кровосмѣсителя отгадаетъ загадку Сфинкса!» Является Пазифая, слѣпаная отъ страсти къ быку, ужасная и пророческая: «Я не вижу ни пестроты нестройной жизни, ни стройности вѣщихъ сновидѣній». Всѣ въ ужасѣ. Тогда третье: на блаженныхъ лужайкахъ сцены изъ *Метаморфозъ*, гдѣ боги принимали всякій видъ для любви; падаетъ Икаръ, падаетъ Фаятонъ, Ганимедъ говорить: «Бѣдныя братья, только я изъ взлетѣвшихъ на небо остался тамъ, потому что васъ влекли къ солнцу гордость и дѣтскія игрушки, а меня взяла шумящая любовь, непостижимая смертнымъ». Пѣвцы, пророчески огромные, огненные, зацвѣтають; птицы и животныя ходятъ попарно и въ трепещущемъ розовомъ туманѣ виднѣются изъ индійскихъ «*tableaux érotiques*» 48 образцовъ человеческихъ

соединеніи. И все начинаетъ вращаться двойнымъ вращеніемъ, каждое въ своей сферѣ, и все большимъ кругомъ, все быстрее и быстрее, пока всѣ очертанія не сольются и вся движущаяся масса не оформливается и не замираетъ въ стоящей надъ сверкающимъ моремъ и безлѣсными, желтыми и полъ нестерпимымъ солнцемъ скалами, огромной лучезарной фигурѣ Зевса-Діониса-Геліоса!

Онъ всталъ, послѣ бессонной ночи, измученный и съ головной болью, и, нарочно медленно одѣвшись и умывшись, не открывая жалюзи, у стола, гдѣ стоялъ стаканъ съ цвѣтами, написалъ, не торопясь: «уѣзжайте»; подумавъ, онъ съ тѣмъ же, еще не вполне проснувшимся, лицомъ приписалъ: «я ѣду съ вами» и открылъ окно на улицу, залитую яркимъ солнцемъ.

К О Н Е Ц Ъ

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В приводимых разночтениях дается текстовый вариант (обычно) предыдущей публикации; однако страница и строка—издания, воспроизводимого в нашем собрании сочинений. Явные опечатки в первых публикациях, конечно, игнорировались, но если не было полной уверенности, опечатка ли это, то разночтение приводится как вариант.

Первая книга рассказов.

Приключения Эме Лебефа. Вышло в мае 1907 (Спб.) отдельной книгой (с рисунками К. Сомова):

- 35,14 [добавить]: разложила раз, сложила, разложила другой раз, сложила
46,23-24 синьорина выпустила руку молодого
59,11-12 дайте мне стакан воды
60,11-12 Мужской грубый голос говорил
66,1 об эликсирах, о гороскопах, о деньгах
66,13 из-за которых только выходил
67,19-20 Эта женщина подтвердит вам все мои слова.
74,12-13 когда милостивый герцог сам обратился ко мне
81,1-2 возвращался мыслью все к герцогскому брату

Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер. Впервые в ж. *Золотое руно* 1907/1:37-38 со сноской: Первая премия на конкурсе *Золотого руна* по отделу художественной прозы. Перепечатано в книге Кузмина *Девственный Виктор* с изменением дат над двумя письмами:

93,3 8 декабря 172...
95,9 сн 12 июня 172...

Флор и разбойник. Впервые в ж. *Весы* 1908/9:13-19:

105,7 сн из сосцов телок прямо

Перепечатано в книге *Девственный Виктор*:

102,8 сн меня задержал

Тень Филлиды. Впервые в ж. *Золотое руно* 1907/7-9: 83-87 с подзаголовком «Египетская повесть». Перепечатано в книге *Девственный Виктор*:

118,10 на лодке 126,5 души умерших
118,4 сн волнения 126,10 таковою
120,2 он умер 127,13 неподвижно

стихи с 121 напечатаны без промежутков

Решение Анны Мейер. Впервые в ж. *Весы* 1908/1:25-38 с датой: октябрь-декабрь 1907. В посвящении имя-отчество инициалами.

134,24 [добавить]: смотрела в окна; но праздникам
 ходила к родственникам;

149,4 И со смутной тревогой

153,9-10 как за нею уже раздавался голос Дурнова:

153,25-26 я так наказан уже вот этой минутой объяснения!

Кушетка тети Сони. Впервые в ж. *Весы* 1907/10:19-30 с посвящением: Эту правдивую историю посвящаю своей сестре [без имени]. Датировано 30 июня 1907:

- 162,12-13 Бывал он у нас почти каждый день
175,1-2 не слышала такого шума, такого скандала,
175,18-19 перед диваном

Крылья. Впервые в ж. *Весы* 1906/11:1-81:

- 202,12 всякому роду
202,24 никогда не был
210,26 когда я чихаю (так же в изд. 2 и 4)
248,22 [вставить] хорошим архиереем, хорошим офицером (так же в изд. 2 и 4)
255,22 в саду и варенье варили (так же в изд. 2 и 4)
255,28 так все зелено, зелено (так же в изд. 1, 2 и 4)
279,7 уехать
280,27 [вставить] —Так завтра утром я поговорю с вашей тетушкой (так же в изд. 1, 2 и 4)
307,25 звяк ложечек (так же в 4 изд.)
321 В *Весях* последний абзац выделен в отдельную главу.

Первое издание (М., «Скорпион», 1907):

- 224,20-21 —Ларион Дмитриевич не раньше как через минут сорок будут,
257,17 Леонтью
287,7 осуществленья

Второе (появилось в конце ноября 1907, хотя на обложке стоит 1908) тоже вышло в «Скорпионе», но не

является просто перепечаткой первого:

- 202,7-8 и от семи до одиннадцати
208,14 и я оказался
236,18 Федор Васильев
242,7 Ты бы скоро
251,20 чтобы погостить
267,15-16 можешь сколько-нибудь
270,15 лежавшего
278,23 прижимала его

После воспроизводимого нами третьего издания, было четвертое в Берлине («Петрополис», Март 1923):

- 186,3-4 Ваня с некоторых пор стал причесываться и заниматься своим туалетом.
194,12 —Занимаетесь!—
197,27 что он на все прельстится
201,26 —Так что же вам?
202,24 не был
210,17-18 между тем у Гомера
213,17-18 что прислуге платят
224,18-19 Засадин стоял перед Ваней
224,22 нужно будет сходить
239,4-5 и взять его совсем, хоть на день
239,11-12 кого дух любви коснется
242,7 —Ты бы скоро, а мы сейчас,—
243,11-12 Фразы «Сам-то ты к чему?» нет.
253,23 родное, не виданное
259,28 стой [в?] правой вере
260,1 Фразы «ибо что есть выше правой веры?» нет.
278,13 Ванечка, голубь, жалко
283,5-6 принца», покровительственно беседовал

284,25	Кафе несколько пустело
298,10	о сутуловатом художнике
301,19-20	чтобы дать одной из
304,9-10	вошел король в ложу
304,15-16	жестким лицом
314, 13-14	сопровождал императора

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Марков.</i> Предисловие	v
<i>Владимир Марков.</i> Беседа о прозе Кузмина	vii
Приключения Эме Лебефа	3
Из писем девицы Клары Вальмон к Розали Тютель Майер	89
Флор и разбойник	99
Тень Филлиды	113
Решение Анны Мейер	133
Кушетка тети Сони	159
Крылья	181
Примечания	323

Kuzmin, Mikhail Alekseevich, 1875–1936.
Proza.

ISBN 0-933884-41-9